

Святитель Димитрий Ростовский и его труды архиеп. Михаил (Попов)

Посвящается Дорогому Отцу Ректору и Профессору С.–Петербургской Духовной Академии Преосвященнейшему Епископу Феофану.

Часть I. Руина

Глава I. Детство и воспитание Димитрия

«Я, грешный иеромонах Димитрий, родился от родителей христианских, Саввы и Марии, законным браком сочетенных, во граде Макарове, семь миль от Киева. Дано мне имя Даниил и крещением святым просвещен месяца декабря. Того (1651) году была война Радзивилова и Киев спасен»¹. Так Димитрий сообщает о своем происхождении.

Отец Даниила носил прозвание Туптало или Тупталенко. Фамилия Туптало шляхетского рода и становится известною только с конца 16-го столетия. Отец Даниила, Савва Григорьевич, родился около 1599 года². Всю свою молодость, и лучшие годы, он провел в рядах казацкого войска. Мы видим его при защите Киева от польских войск даже восьмидесятилетним старцем. Это был распорядительный и умный человек, заслуживший внимание товарищества не за одну только храбрость, но и за умение вращаться с сохранением своего достоинства в тогдашней опасной среде политических веяний. Военные занятия долго препятствовали ему жениться. Он сочетался браком уже не в первой молодости, не ранее 35–40 лет от роду³.

Св. Димитрий

Снимок с портрета, хранящегося в архиве Св. Синода

В год рождения своего сына Даниила Савва Григорьевич носил уже звание сотника малороссийского казачьего войска. Трудное время переживал тогда малороссийский народ. В Украине стоял разгар необычайного политического и религиозного движения. Подхваченные бурным течением, жители невольно вызывались на самозащиту. Народ с твердостью отстаивал свою независимость и веру. Вся тяжесть борьбы лежала на казачестве. Долго шло всенародное восстание за свободу и веру, давшее героев, борцов и закаленных в борьбе людей. Военная полувековая служба Саввы Григорьевича вся положена в народную борьбу за Украину.

В особенности опасно стало жить в Малороссии при вступлении на польский престол короля Яна Казимира, не сдерживающего ненависти поляков к Малороссии. После Зборовского трактата, которым были возвращены права казакам, Савва Григорьевич мог бы жить спокойнее в Макарове. Но скоро война вспыхнула снова. В народной памяти осталась особенно тяжкою «Война Радзивилова». «В Радзивильщину»⁴ и родился у Саввы Григорьевича сын Даниил.

Самому Савве Григорьевичу было тогда уже более 50 лет от роду. Около времени рождения Даниила и состоялся вынужденный у Малороссии невыгодный мир с Польшей в Белой Церкви (28 сентября 1651 года). Польские войска наводнили всю Украину, кроме Киева, Чернигова и Братцлавля. Везде притесняли и грабили местное население. Сотник Туптало, по распоряжению Богдана Хмельницкого, расположился с вверенным ему отрядом в местечке Макарове, в 50 верстах на юго-запад от него, чтобы защищать население от грабежей и насилий. – Неизвестно, куда он хотел устраивать сына. Едва ли он желал в нем видеть «доброго казака», так как времена настали очень трудные. Простые казаки вели тревожную военную, полную неизвестности, жизнь, а значным, как Савва Григорьевич, требовался большой такт безопасно лавировать между партиями, тянувшими к Польше или Москве, или же к Крымскому хану. Политическое положение Украины становилось все более и более неустойчивым, везде были измены, доносы, бедствия, не стало даже центра народного: Киев, в 1668–1670 гг. на время переходивший от Польши к Москве, в тот год был «спален» Радзивилом. На следующий год открылось одно из тех великих эпидемических поветрий, которые надолго остаются в памяти народной: «в 1752 году, записан Димитрием, – «мор, албо поветрие было великое». Сама жизнь вырабатывала у людей религиозное настроение. Религиозностью отличалась мать Даниила. Пред сыном своим Даниилом она постоянно обнаруживала «добродетельную и набожную жизнь»⁵. Жизнь ее полна бранных тревог. Муж ее почти все время проводил в походах, возвращался домой на непродолжительное время. В 1653 году отец Даниила участвует,

вместе с другими начальниками малороссийского войска, в изгнании польских помещиков из Украины, и, затем, мужественно отражает татар и поляков. В трудных обстоятельствах, когда свободе Украины угрожали, кроме поляков, еще турки с татарами, когда народ страдал от внутренних нестроений, частых измен и опасений за веру, – взоры всех обращались на Московского царя, как защитника православия. Россия никогда не считала Украину чуждою себе. Московские послы не раз заявляли Польше, что Украина – исконная русская земля. Эти виды Москвы еще более усиливали тяготение малороссов: «одна только дума у них, как бы поступить под государственную руку: они боятся поляков, еще более (боятся) отказа царского; им, кроме государя, некуда было деваться»⁶. Зародившиеся желания высказывались еще при царе Михаиле Феодоровиче и особенно окрепли при Алексее Михайловиче. Еще в 1650 г. Хмельницкий посылает к царю Коневского полковника⁷ умолять царя, чтобы принял Малороссию в свое подданство. Царь соглашался принять ее лишь тогда, когда польский король признает казаков независимыми. – В 1654 году состоялось принятие Малороссии в подданство России. Сотник Туптало присутствовал со своим отрядом на Переяславской Раде 1654 г., вместе со всем запорожским войском, и принял присягу на подданство России. Решение Переяславской Рады не могло не отразиться и на семье Саввы Григорьевича. Под властью могучего Московского царя можно было ожидать, что стихнут военные тревоги и он возвратится к семье. Но это было только началом новых войн, измен и тех нестроений, за которые народ и прозвал и самое то время «руиною». Польша не хотела отдать добровольно Москве Украину. В возникшей войне ее с Москвою военное счастье колебалось. Поляки, по-видимому, брали перевес, потому что вторжение Крымского хана в русские земли ставило Россию в затруднительное положение. Казаки должны были принимать участие в Московском походе на Польшу; памятными остались все эти события. В семье Саввы Григорьевича радовались всякому успеху казаков⁸, и неудачам⁹ врагов. Немало оказалось изменников народному делу, а Савва остался верен

Переяславской присяге, несмотря на нарушения ее преемниками Хмельницкого, сотниками и полковниками их. Когда Выговский мечтал образовать независимую Малороссийскую республику и требовал от всех присяги не поддаваться чужой державе, Туптало со своим отрядом остался на стороне Московского царя. По всей Украине в 1758 году хозяйничали казаки Выговского. Они сожгли Киевский Посад на Лыбеди и держали жителей города в страхе. В 1659 году вспыхнула Конотопская война¹⁰, в 1660 году поднялась война Чудновская¹¹. Много разговоров произвело взятие русского воеводы поляками в плен¹². Вследствие измены Выговского Москве, на Украину двинулись русские полки князя Бярятинского. Со стороны московских полководцев были проектируемы крайне жестокие меры против измен в Малороссии переяславской присяге. Дорога русских войск усеяна виселицами, на которых казнено до 3000 человек. Близость Украины к Польше возбуждала подозрение в Москве, чтобы жители её опять не вернулись в зависимость полякам. Чтобы пресечь путь между Украиной и Польшей, князь Бярятинский предлагал сделать между этими странами пустыню, которая служила бы искусственной границей; именно выжечь и опустошить Украину на 150 вёрст от Киева на запад до границ Польши. Ужасы войны побудили Савву Григорьевича позаботиться о безопасности своей семьи. В 1660 году вся Украина стала во власти Польши, а от поляков трудно было ожидать спокойной жизни в беззащитном местечке Макарове, при ожесточении поляков и бесправии среди них. Он в это время переселился из Макарова¹³ со своей семьей в Киев и стал называться киевским сотником. В Киеве Савва Григорьевич приобрел «свой двор близ Притиского Николы», на Подольской части Киева, где теперь находится Фроловский женский монастырь и Притиско-Николаевская церковь. Ранее этот двор принадлежал киевскому старожилу Солтановскому¹⁴. Для девятилетнего мальчика большой город, который был на устах всех украинцев, не мог не произвести впечатление каменными зданиями, возвышающимися среди садов и зелени. В этом сердце Украины Даниил увидел не одних русских, но и

иноверцев, поляков и евреев, владевших богатствами города. Обилие церквей, монастырей, окружающих дом Саввы Григорьевича, говорило «о сердечной вере киевлян к Богу», которые, действительно, были набожны и «к нищим податливы вельми». Но при этом кидалось в глаза заезжим людям пьянство в Киеве, разнузданность нравов, порождаемая обыкновенно неустойчивым временем, а вместе с тем и бедность в отдаленных улицах. Несмотря на многолюдность города, охраняемого, кроме казаков, московскими ратными людьми, никто не был уверен в безопасности Киева. Здесь казаки враждовали с мещанами, не было единодушия у казаков с духовенством, между громадой и значными казаками, монахами и белым духовенством. При такой несогласии, жители не сходились между собою и во мнении, к кому обращаться за помощью и защитой, – к полякам или к Московскому царю, – жить самостоятельно, или отдать себя под покровительство туркам с татарами. Непокойное время не могло не отразиться и в Киеве. Сюда, в центр Украины, сходились все нити политических веяний и настроений. В Киеве устраивали и торжество присоединения к России 1654 года.

Каменный одноэтажный дом Саввы Григорьевича стоял не в Старом городе, а на Подоле у Фроловского женского монастыря. Мария Михайловна одна выносила заботы и труды по хозяйству и воспитанию сына. Под руководством своего грамотного отца Даниил научился читать, прошел часослов, Псалтырь, читал Библию и жития святых. Теперь Даниила надо было учить писать. В 1662 году его отдали в Богоявленское братское училище в самом Киеве. Это был важный момент его жизни. Влияние школы отразилось на всю его жизнь. Школьная жизнь отвечала сосредоточенности и скромному характеру Даниила. Здесь он получил и развитие природной склонности к поэзии. Со времени Киевского митрополита Петра Могилы в училище настала была новая лучшая пора¹⁵. Но незадолго перед этим, 1658 года, страшный пожар опустошил и здание, и имущество школы. Восстановил Богоявленское училище в братском монастыре знаменитый Иоанникий Голятовский. Им

открыты здесь классы по риторике. Голятовский сам и преподавал в них.

Братская церковь отстроена тоже новая. Колокольни при ней пока не было, колокола висели при входе на столбах у решетчатых ворот. Внутри церкви внимание учащихся привлекала только что внесенная явленная икона Пресвятой Богородицы. – Школа дала Димитрию формальное развитие умственных способностей. Образование, по-видимому, носило энциклопедический характер, но всё сводилось к умению пользоваться словесным материалом по требованию минуты. Ученика, как политика, приучали к диалектической находчивости и изворотливости в словопрениях. Не требовалось ни широты взгляда, ни свободы исследования, ни даже запаса сведений. Грамматику считали ключом, отверзающим ум знать писания. От нее, как по ступеням, проходили лестницу учения: диалектику, риторiku, музыку, арифметику, геометрию и астрономию. При совокупности этих наук постигались высшие: философия и богословие¹⁶. Курс поэтики и риторики сопровождался обычными практическими упражнениями в сочинении вирш и речей, а также в составлении писем: поздравительных, приветственных, просительных, благодарственных, прощальных, особенно проповедей и надгробных слов. Весь школьный материал располагался так, чтобы сделать учеников изысканно красноречивыми говорунами, искусными в развитии религиозных положений и находчивыми к диалектической защите. Успехи учеников соизмерялись выработкой способности легкой эквилибристики логических построений. Начальник Киевской школы, Иоанникий Голятовский, сам и составил «Ключ разумения, альбо способ сложения казанья». Такой характер науки требовался тогдашним временем. Как в политической своей жизни Малороссия отбивалась от соседних врагов, защищая свою самобытность, так приводилось защищать ей и свою веру от ненавистников Православия. Врагами были иезуиты, которые проповедовали соединение или унию православных с папою, в смысле подчинения ему. Иезуиты отличались особенной ловкостью в защите, каких угодно, истин. Духовенство в

Малороссии с трудом, но успешно боролось за политическую и религиозную независимость, причём борцы подпали во всех отношениях влиянию культурной западной силы, которая хранилась тогда в Польше. Они сознали необходимость взяться за то же оружие, какое было у врагов: иезуиты поражали показной ученостью, – и в Малороссии стали заводить школы; какие были в иезуитских коллегиях порядки, – такие же появились и в православных школах. Для народа подобная школа не имела никакого значения. Мало отвечала и делу воспитания. У учеников укоренялась привычка к хитрым, диалектическим тонкостям и страсть к полемике, переходившая в религиозную нетерпимость и фанатизм. Постигнув диалектическую премудрость, ученые богословы, как в Польше, так и в Киеве, свысока смотрели на народ. Киевские школы вырабатывали людей с огромным самомнением, с самообладанием, и вместе с тем, с способностью преклоняться перед авторитетом¹⁷. Но и при такой постановке наука делала своё дело: здесь крепили умы, развивались пытливость и способность владеть знаниями и отыскивать основу предмета.

Димитрий не дошел в братском училище до тех школ, которые считались венцом схоластического образования, – до философии и богословия; но подготовку и средства для изучения их, – риторику и языки греческий и латинский, он усвоил¹⁸. Схоластический строй и все особенности его отразились на складе ума и первых произведениях будущего святителя Димитрия. Он не мог не заимствовать их уже потому одному, что отличался прилежанием и любовью к книгам, с которыми с тех пор проводил всю свою жизнь, не расставаясь и во гробе¹⁹. Особенную склонность он обнаружил к «стихотворству и витийству». У братской школы не было материального обеспечения, немного было и наблюдения. Церковь, вопреки правилам, учениками посещалась неохотно. Трапеза – скудна. Учителям не оказывалось ни поощрения, ни помощи, поэтому и преподавание шло вяло²⁰. Сохранилось известие, что Димитрий чуждался товарищества и тяготел к одиночеству, предаваясь чтению священного писания, творений святых отцов, посещению богослужений. Учение не могло быть

спокойно: Киев не раз переходил из рук в руки, то к русским, то к полякам. В 1665 году пятнадцатилетний Даниил уже ушел из школы «не научен мудрец и разумный невежда». Войска Выговского при взятии Киева совершенно разрушили коллегию. Занятия в ней надолго были прерваны, до 1669 года. Даниил и после не возвращался в неё.

Некоторое время он жил дома. Семья теперь стала больше. У Даниила родились сёстры. О воспитании детей у Саввы Григорьевича в религиозном духе лучше всего говорил факт, что и всех его детей никто не остался в светском звании. Три сестры, Памфилия, Феврония, Параскева, стали монахинями и последовательно до 1710 года были игуменьями при Иорданском монастыре, где Савва Григорьевич выстроил на свои средства особенный придел во имя священномученика Димитрия мироточца²¹. Сам Савва, как в военном звании прослыл славой Запорожского войска, так и в Киеве стал благотворителем Кирилловской, Иорданской обителей и Киевоподольской Цареконстантиновской церкви.

Так как братское училище все еще лежало в развалинах и учение не могло начаться, то Даниил с согласия родителей, принял монашество в Кирилловском монастыре, при чем его называли Димитрием. Это было 9 июля 1668 года, когда Димитрию было 18 лет²². Есть известие, что юный Даниил стал иноком, вероятно, из подражание святому Венедикту Нурсийскому. Тот также прекратил свое учение в римских школах, «презрев внешнее любомудрие, чтобы сохранить внутреннее целомудрие», оставил богатства родителей для инокского чина. До принятия монашества Димитрий или жил уже в монастыре, или часто посещал его. По крайней мере, его ранее должен был знать Кирилловский игумен, Мелетий Дзик, совершивший пострижение²³. В то время Дзик, за отъездом Голятовского в Литву, заведовал разрушенным братским училищем. Забота его, как видно, простиралась и на учеников коллегии. Монастырь отстоял в 3 верстах от Киева. Даниил мог вынести монашеское испытание и при частом посещении обители, или же находясь в ней. Молодой монах тотчас поступил под руководство опытного и много потерпевшего в

жизни Мелетия Дзика. Убеждения руководителя влияли на послушника. Чтобы знать настроение Димитрия в эти юные годы надежд и увлечений, надо обратиться к его собственным словам. В Кирилловском монастыре 1671 года Дмитрий начал писать свой «Диарий» или записки на польском языке²⁴. В Диарии есть пометки его за первые годы иночества. Они почти все политического характера: в 1668 году «убит Иван Брюховецкий», 1672 году «Турки Каменец-Подольск взяли», 1674 года «Ладыжин и Уман от турков сдан», 1676 года «благочестивый царь Алексей Михайлович представился», 1678 года «Чигирин турки взяли», и т. п. Конечно, события, записанные в Диарии, волновали не только советских людей, но и монахов. Взятие Каменца, например, навело страшное уныние на всё христианское население не только в Украине, но и в Польше и даже в Москве. Ратная турецкая сила настолько казалась страшною всему христианскому миру, что забывались всякие национальные распри для того, чтобы соединенными силами бороться с турками. Польские костелы огласились тогда призывом проповедников к покаянию²⁵. Волновались поэтому и иноки, вместе с Дмитрием. Но и независимо от выдающихся событий Малороссии духовенство принимало близкое участие в политической жизни своей страны. Высшие лица монашества отличались независимостью своего мнения. Они не сходились в убеждениях даже с духовенством белым. Тогда как белое духовенство вместе с народом, желало подчинения Москве, – представители иночества желали независимости Малороссийской церкви от Московского патриархата. Несогласие отразилось и в церковной практике. В приходских церквях молились за постановленного в Москве блюстителя Киевского митрополичьего престола епископа Мефодия, а в монастырях поминали находящегося за польским рубежом митрополита Иосифа Тукальского. Белым духовенством правил Мефодий, монашествующие же нередко ездили за посвящением в Польшу к митрополиту Тукальскому. У одних главою церкви признавался Мефодий, а у других черниговский епископ, Лазарь Баранович. Молодой Димитрий и в монашестве не мог не отмечать выдающихся политических событий, когда и

его руководитель, Мелетий Дзик, человек набожной жизни, великодушный и ученый, за 30 лет своего игуменства видел одни испытания от политического устройства своей страны: Украину, беспрерывно разоряемую войнами, обитель, окруженную врагами, «блистание басурманских мечей и нападение мысленных волков на его духовное стадо». Мелетий Дзик терпел даже от духовенства за свои политические убеждения. Блюститель митрополии, епископ Мефодий, с детства был известен Димитрию, как покровитель братской школы. Теперь, отстаивая правильность своего представления в Москве, он доносил туда на Мелетия Дзика и других киевских настоятелей в сношениях с Тукальским и правобережным гетманом Дорошенкою; в свою очередь Мелетий Дзик вместе с настоятелями киевских монастырей, жаловался на него левобережному гетману и старшине всего запорожского войска, как на великого губителя и неприятеля. Если оба они, – Мефодий и Мелетий бывали в Москве, то с различными просьбами: один просил о полном подчинении Малорусской церкви Московскому патриарху, а другой об оставлении за ней прав свободы выбора. Дзик мог возбуждать подозрение к себе, будто, он, как и другие, не желая митрополита из Москвы, двоедушие имеет и на обе стороны оглядывается. Около времени пострижения Димитрия настоятель Кирилловской обители перенес большую неприятность. В доносах в Москву на Дзика его называли изменником великому государю, вместе с Феодосием Сафоновичем; указывалось, что они посылали 1663 года грамоты с печерским старцем на польскую Украину (в Корсунь) в думу, где избран в митрополиты негодный Москве епископ Могилевский с Белой Руси, что изменил великому государю, Иосиф Тукальский. Таким образом, Дзик обвинялся в сношении с изменниками Московскому царю. Теперь, по-новому доносу на Дзика, московские власти в Киеве делали ему допрос и отбирали сказку, что за сношения у него шли с гетманом Дорошенкой, изменившим в Москве и предавшимся татарам, и о чем он переписывался с митрополитом Иосифом Тукальским. Дзику удалось оправдаться. Он доказал, что посылал Дорошенко чернеца не для политических дел, а с просьбой

возвратить в монастырь, уведенных дороженковыми казаками, волов и коней; к Тукальскому посылал просьбу о том же, чтобы митрополит ходатайствовал перед гетманом о возвращении волов. Все это будто бы, он делал с ведома киевского воеводы. При этих объяснениях Мелетий жаловался на свое положение, что на стороне нигде нельзя купить хлеба, трудно и самим заниматься хлебопашеством, когда могут с монастырских полей, находящихся вдали от Киева угнать рабочий скот, как сделали это дороженковы казаки.

Если грабежи происходили от своих, то тем более не щадили Украину турки, которых тогда навел Дорошенко. По народному преданию, в Дороженковы «бунты церкви Божии опустели, обители разорились, осквернена земля». Не защищали от насилий и стены обители. Печальное настроение Димитрия видно из оставшихся от его времени стихотворений, где им изображается в безотрадном свете крушение человеческих земных надежд и расчетов²⁶. Писание стихов было в обычае между духовными. Поэзией занимались архиереи Лазарь Баранович, составивший целый сборник стихов под названием «Лютни», и Иоанн Максимович, издававший свои бездарные вирши, к досаде такого чуткого художника–поэта, как Димитрий, и друг. В «Лютне» Барановича тоже воспевается истрадавшаяся Малороссия от внутренних волнений, слышится жалоба не на войну, а на упадок в народе воинственности, на несогласие Москвы и Польши, которые могли бы совместно истребить общего врага – хищных татар. Подобное настроение объединяло и отрекшихся от мира монахов с воинами. Борцы за независимость пользовались всеобщим уважением. Мелетий Дзик решил, чтобы его пострижник Даниил Саввич принял посвящение в сан иеродиакона, помимо епископа Мефодия, жившего у них в Киеве, от самого популярного из таких героев, митрополита Иосифа Тукальского.

В тяжелых отношениях с епископом Мефодием Мелетий Дзик не без радости услышал весть, что, наконец, митрополит Иосиф утвержден в сане Киевского Митрополита самим Константинопольским патриархом, поставлявшим Киевских

митрополитов в течение всей киевской истории со времен Св. Владимира. Иосиф Тукальский показал себя непоколебимым борцом за церковные права Малороссии против польских происков иезуитской пропаганды. Он много перенес страданий в защите веры. Не одно десятилетие положил он на борьбу за православие с униатами. Любил его за это и черный народ, и казаки, и мещане²⁷. Уважали его за стойкость против Унии и в Литве, и в Вильне, удивлялись опасностям, которым он подвергал себя, и его страданиям. Когда убили униатского фанатика, Иосафата Кунцевича, а иезуиты, объявивши его святым, устроили торжественное внесение убитого в Вильну, Иосиф воспретил в Вильне и встречу, и звон в колокола. Уважал Тукальского и Иоанникий Голятовский, учитель Дмитрия. Поляки его держали в плену два года и выпустили лишь по просьбе Дорошенко, страдал он и от православного епископа Мефодия и раз даже спасался бегством от него. Вопреки своему желанию он жил не в Киеве, а у Дорошенки. За месяц перед этим Иосиф подал просьбу к Московским царям, позволить ему жить в Киеве. В правобережной Украине он переносил всякие военные невзгоды. Во время осады Чигирина его дом разрушен гранатами. Сам он сделался от волнений больным и возбудил участие даже крымского хана, который приказал его лечить. Быть может и высшие киевские духовные власти надеялись на разрешение из Москвы жить ему в Киеве. Но разрешения не последовало, потому что Тукальский, вопреки московским видам, стоял за установившуюся подчиненность в духовных делах Константинополю, а не Москве. Он, будто бы, говаривал московским ставленникам: «недостойн ты быть в епископах, потому что принял рукоположение от московского митрополита»²⁸. Пока малорусское духовенство находилось в канонической зависимости от Константинопольского патриарха, Тукальский не хотел признавать ни клятв²⁹, не благословений от великорусской церкви. В народе оценили непоколебимую прямоту правобережного митрополита, а духовенство обеих сторон Днепра вполне сочувствовало ему, как такому иерарху,

который и в Польше сумел отстаивать чистоту и независимость православия.

Весною 1669 года Димитрий прибыл из Киева в зарубежный город Канев³⁰ и в благовещеньев день в Каневском стародавнем монастыре принял от митрополита Иосифа сан иеродиакона. Как Тукальский относился к Димитрию – неизвестно. Достоверно лишь сочувствие его к киевской коллегии, воспитавшей Димитрия. При крайней бедности своей, Тукальский помогал при ее упадке, но взаимности чувств у него с Голятовским не было, хотя Иоанникий участвовал в Корсуньской Думе при избрании Иосифа митрополитом.

Димитрий жил в Кирилловском монастыре довольно долго, – около 7 лет. Это была пора военного разгара. Знаменитый Иоанн Собесский поднял настроение и завоевательные планы поляков. Это было и лучшее время для Польши, отразившееся бедами для малороссийского народа от гордых поляков. Около Киева хозяйничали польские отряды и причиняли немало бедствий, держа всех в страхе. В это время случилось несчастье и у Димитрия. Отца его, Савву Григорьевича, 1670 года поляки взяли в плен. Семья, состоявшая из четырёх женщин, жила одна в страхе и неизвестности за него в течение нескольких лет (1670–1674 год).

Над всей Украиной и нависла страшная гроза: турки не выходили из Украины в течение более двух лет, 1672 г. взят имя Каменец-Подольск, падение которого привело в ужас Польшу, тревожило и Москву. Через два года пришло известие, записанное Димитрием, о сдаче туркам Ладыжина и Умани. Опустошение Украины наводило на мрачные думы. В народе боялись, что турки стремятся взять Киев, чтобы искоренить и там христианскую веру, разорить храмы и заменить их мечетями³¹. Все такие испытания и семейные, и народные располагали Димитрия к молитвенному созерцательному настроению. Король отпустил Савву Григорьевича из плена, но с тем, чтобы он свез королевские письма к Дорошенке. По возвращении из Канева от Дорошенки, в Киеве, у русского воеводы его подвергли допросу, что за листы привозил он от польского короля к Дорошенке и какое их содержание.

Только находчивость Саввы Григорьевича спасла его от московской подозрительности. Савва Григорьевич показал, что содержание грамот не знает, а слышал разговор Тукальского с Дорошенкой такого содержания: «дай Бог, чтобы везде была вера Христова»³². После пребывания в Кирилловском монастыре Димитрий уже стал известен своей способностью к книжным занятиям и к проповедничеству. Из «жития» его видно, что он проводил у Мелетия Дзика благочестивую жизнь, много читал, писал и исполнял поручения от игумена и от других начальников³³. В течение трех годов обучения «внешним наукам» из киевской школы ему нельзя было вынести больших и разносторонних сведений, какие тогда требовались от каждого проповедника. Можно предполагать, что здесь, – в Кирилловском монастыре, – для него открылась возможность ознакомиться с тою светскою и духовною литературою, польскою, латинскою и славянскою, какую можно было встретить в тогдашних киевских монастырях и церквях.

Состав тогдашних книг обуславливался потребностями времени: это были полемические произведения ученого и проповеднического содержания. Игумен Дзик поддерживал обычай проповедничества в обители собственным своим примером³⁴. Есть возможность предполагать, что, по природе склонный к поэтическому творчеству, Димитрий, под влиянием молодого вдохновения, занимался в эти годы поэзией, составляя религиозные поэмы³⁵.

В 1675 г. состоялось назначение Димитрия проповедником в Чернигове при самом блюстителе киевской митрополичьей кафедры, архиепископе Лазаре Барановиче. Каждое братство, каждая кафедра тогда старалась иметь у себя проповедника. Димитрия из всех выбрали в Чернигов, как лучшего. Его мог рекомендовать, находившийся в хороших отношениях с архиепископом черниговским, игумен Мелетий Дзик.

Между тем, под влиянием московских представителей на избирательной казацкой раде гетманом Малороссии избрали Ив. Ст. Самойловича. Новый гетман показал себя щедрым жертвователем на храмы и любителем церковного благоговения. В 1674 году им выстроена новая каменная

церковь во имя Св. Троицы³⁶ в Густынском монастыре, вместо сгоревшей в 1671 г.³⁷ В храмовый праздник, когда собралось громадное количество народа по случаю ярмарки, прибыл и архиепископ Черниговский, Лазарь Баранович, управлявший киевскою митрополией. Здесь, в Духов день 1675 г., в новом храме Димитрия посвятили в сан иеромонаха³⁸.

С этих пор для Димитрия начинается новая пора общественного служения, на которое выдвигали, при скромности его самого, другие. Много проповедовал Димитрий в течение двух лет (с 23 мая 1675 г. по 31 июля 1677 года) и в городе Чернигове, и в других местах епархии³⁹. Но проповеди его от того времени не сохранились.

Помимо проповедничества, Димитрий писал здесь свою первую книгу, тоже не по собственному начинанию, а по приказанию архиепископа. Это его сочинение – «Руно Орошенное». О содержании ее Димитрий говорит:

«Иже в Руно иногда прообразована

Мати Сотворшаго нас всех zde написана».

Здесь описаны чудеса, бывшие от чудотворной иконы Богородицы в Черниговском Троицко-Ильинском монастыре. Димитрий говорил, что он составил «Руно» из послушания и точно руководился уже бывшими сказаниями о чудесах, собирал их «аки пчела от различных зел мед в един сот». – Метод собирания лег у него с этих пор в неизменную основу всех его литературных и проповеднических трудов.

Черниговский владыка выразил свое удовольствие по поводу труда Димитрия – только впоследствии, через несколько лет (1683 г.), когда автор имел особую близость к гетману, и когда напечатанная книга так быстро разошлась, что понадобилось печатать ее несколько раз⁴⁰. Ни откуда не видно, чтобы архиепископ ободрял Димитрия в новой ответственной должности проповедника. Димитрий, не оставлявший без благодарности лиц, покровительствовавших ему, ничего не говорил о доброте Лазаря. Человек умный, понимавший значение времени для Малороссии, Баранович умел угодить Москве, вводившей воеводское управление в левобережной Украине, и в то же время одобрял желания старшин

Малороссии, «чтобы нога великорусская не была у них», что «жить под православным царством русским хуже турецкого мучительства и египетской работы». Добившись от Московского патриарха управления Киевскою митрополией и убеждая царя взять под свое всегдашнее покровительство Киев, он добился звания архиепископа, жил независимо и от Московского патриарха, и от Киевских митрополитов; обнаруживал он уважение и к Тукальскому; однако, это не мешало ему владеть левобережною паствою Тукальского. Вообще, при внимательности к высшим, у него была неуклонная требовательность к низшим. На примере Димитрия обнаруживалось, что требовательность его сменилась выражениями доброжелательства, как только узнал о покровительстве ему гетмана: тогда он становился «отцом родным».

На другой год, по прибытии в Чернигов Димитрия, владыка предал анафеме целый город Стародубцев. Он отлучал от церкви не только светских, но и монашествующих лиц⁴¹ и из вероучительной погрешности, а из-за земельных угодий. На скромного, безответного Димитрия такие меры производили удручающее действие⁴², как можно заключить из рассказанного Димитрием своего сна. «Преосвященный архиерей сидит в креслах, а мы все около престола, приготавливаясь к служению, что-то читаем. Вдруг владыка прогневался на меня и сильно начал меня истязать. Слова его хорошо помню: «Не я ли тебя избрал, не я ли тебе имя нарек?..» Я низко кланялся преосвященному и обещал учинить исправление (а сего и по ныне не делаю, замечает скромный Димитрий), просил прощения и сподобился его. Снова я стал на свое место, разогнул служебник, но и в нем нашел те же самые слова, большими буквами написанные: «не я ли тебя избрал, не я ли тебе имя нарек?..» Читал я это с великим ужасом и удивлением... и ныне думаю, что в этом видении через преосвященного архиепископа Сам Создатель мой наказывал меня. О, Господи мой! Устрой о мне вещь по Твоему преблагому и премилосердному изволению на спасение души моя грешная»⁴³.

Можно думать, по этой причине Димитрий удалился от черниговского владыки за рубеж – в Литву, где митрополитом был Иосиф Тукальский. Он сделал это не без совета своего покровителя, Мелетия Дзика, знавшего, как трудно ему жить при Лазаре⁴⁴. Сначала Димитрий выпросил у владыки дозволения на поездку в Новодворский Успенский монастырь, где предстояло церковное торжество перенесения иконы Божией Матери в Новодворе из старой церкви в новую. Лазарь ему поездку разрешил. 13 августа Димитрий приехал в Новодвор, вместе со спутником своим Бучинским, и поклонился чудотворной иконе в старой церкви. Это была всеми почитаемая икона, писанная по преданию св. Петром, митрополитом московским, когда он еще был иноком. Святыня на следующий день 14 августа уже была перенесена епископом Феодосием Василевичем в новую церковь. На торжество собрались многие знатные духовные лица Белорусского края. Тут был старший иеромонах Виленского Св. Духова братского монастыря, Климентий Тризна, и литовские православные проповедники. Перед самыми церковными торжествами Димитрия познакомили с епископским проповедником Хоментовским и другими духовными лицами.

Два дня епископ принимал духовенство и угощал его.

Это было не обычное церковное торжество, это был съезд православных борцов против униатов. Так, Тризна претерпел издевательства за православие лично от самого короля польского, во владениях которого находились униатские епархии⁴⁵. В особенности много ратовал против униатов престарелый епископ Феодосий Василевич. Он здесь служил уже с 1656 года, участвовал в политических событиях своего времени и во всём действовал совместно с ревнителем православия, митрополитом Иосифом Тукальским: хлопотал о материальных средствах Белорусской своей епархии, отбирал от униатов захваченные ими церкви, строил новые храмы. Во время церковных торжеств одним из духовных лиц всенародно были объявлены чудесные явления во время крестного хода от той чтимой всеми православными людьми иконы, на перенесение которой все собрались. Это тоже было

доказательством спасительности православия. На самом торжестве проповедь раздавалось каждый день. Димитрий упоминает о речах на торжестве, произнесенных двумя проповедниками: отцом Хоментовским, епископским проповедником, и отцом Паскевичем, Минским проповедником.

Обычай проповедничества поддерживался повсюду в литовских православных храмах. – Когда с новодворских торжеств отец Климентий Тризна увёз Димитрия к себе в Вильну, то там в Св. Духовом монастыре уже и сам Димитрий произнёс проповедь в неделю 18–ю и в неделю 23–ю (22 сентября). Всего он пробыл в Вильне около 2–х месяцев. Здесь каждое из братств считало необходимостью иметь священника, способного возвещать слово Божие. Некоторые из братств привлекали их для себя даже по несколько человек, чтобы проповедь раздавалась каждый воскресный и праздничный день; иногда их посылали для проповедей и в другие места. Димитрий, кроме Хоментовского и Паскевича, упоминает ещё об Иларию Гославском, Ионе Дублинском в Вильне и о Тимофее Богдановиче в Новгород-Северском. Проповеднические способности выдвигали будущих деятелей. Почти все высшие киевские духовные власти этого и последующего времени, начали свое служение с проповедничества. Исторические обстоятельства южной России вызывали тогда быстрое возрождение проповеди. И все особенности возрождающейся южнорусской тогдашней проповеди отразились на Димитрии со всеми её достоинствами и дефектами, так что пребывание его в Литве, послужило некоторою школою для подготовки к пастырской его деятельности.

По установившимся схоластическим требованиям церковное слово облекалось в данную форму, именно:

А) построено по определенному плану, б) имела разнообразное содержание, и в) отличалась внешнюю стройностью.

Учитель Димитрия, Иоанникий Голятовский, предписывал так. «Кто хочет говорить с кафедры, тот должен прежде всего положить из св. Писания тему⁴⁶ которая служит ему фундаментом всей проповеди, потому что сообразно с темою

располагается вся проповедь, состоящая из трех частей. Первая часть – вступление, в котором проповедник делает приступ к тому, о чем хочет говорить, намечает слушателям предмет своей проповеди и просит Бога и Пречистую Деву о помощи, а слушателей о внимании. Другая часть – наррация: в этой части проповедник говорит людям о том, о чем обещал сказать. Эта часть самая большая, в ней вся проповедь замыкается и к ней остальные части стягиваются. Третья часть – конклюдия – заключение: здесь проповедник припоминает то, о чем говорил в наррации и, сообразно содержанию ее увещевает слушателей, чтобы они любили вышесказанное добро или остерегались вышесказанного зла»⁴⁷. Таким образом, проповедь становится уже сочинением, а не безыскусственной беседой, какие были у древнерусских церковных ораторов. От нее требуется единство предмета и мысли, полнота и соразмерность частей. Такая форма с большим удобством приложима к догматическим и нравственным беседам и вызывала слушателя к самосознанию. Но проповедники часто развлекали слушателей решением с кафедры затейливый вопросов, вроде такого: «где, именно – на земле или на небе находится Пресвятая Дева?» Или намеренно сводили проповедь к какому-нибудь курьезному положению. В одной проповеди решается вопрос: почему иудеи, требуя смерти Иисуса Христа, сказали дважды «распни его» и однажды «да пропят будет»⁴⁸. Иоанникий Голятовский подобный казуистические вопрос тоже делает исходным пунктом и темой проповеди: отчего Сын Божий принял природу человеческую, а не ангельскую? Отчего, именно, Сын Божий воплотился, а не Бог Отец и не Дух Святой? И все это преподносилось слушателю в строгой форме вступления, наррации и заключения.

Самый распространенный вид проповеди, который любил применять и св. Димитрий, это – аллегорические проповеди. Здесь требовалось найти соответствие между двумя предметами, не имеющими ничего общего. Слава и трудность проповедника заключались в умении ловчее приискать такое соотношение через сравнение, или метафору, или аллегорию.

Один проповедник истощился в доказательствах, что Пресвятая Дева подобна морю (И. Голятовский); другой, – что она подобна дому Соломонову, радуге, морю, граду твердому, вратам, замку, жезлу Ааронову, зеркалу, лилии (Радивиловский). На Рождество Богородицы И. Голятовский приводил текст: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь» и для сравнения с Богоматерию описывает соляной столп, столпы облачный и огненный, столп дымовой (Суд. XX); столп железный (Иерем. I), столп серебряный (Песн. Песн.V), столп небесный (Иов. XXIV, 38)⁴⁹

Все такие диалектико-софистические и аллегорические речи жизненного значения не имели, хотя и назывались тогда «сеянием слова Божия», а ими, как атмосферой, дышал Димитрий в течение пребывания в Киеве, в Литве и Украине. Но они помогли Димитрию в умении придавать речи стройность и округленность, хотя и не соответствовали его природной искренности и правдивости. Часто у него и в искусственно построенном слове сказывается живое чувство, течет свободно, не укладываясь в сухие схоластические рамки.

Ничего подобного не представлялось старорусском церковном слове. Там упоминание о природе и о мире употреблялось по мере назидательности его для слушателей, а в схоластической проповеди имелось в виду развлечь слушателя рассказами из истории, науки, и даже мифов. В схоластической проповеди преследовалась иная цель; останавливалось внимание слушателей на том, что было занимательно, смешно, забавно, эффектно и поразительно; назидание стояло на втором плане. Апокрифические и легендарные сказания, анекдоты, предания, фантастические выдумки средневековой зоологии, ботаники, минералогии и другое. Все это входило в содержание проповеди наравне с текстами св. писания. Божественному откровению придавалась небольшая назидательность, как словесным произведениям. Текст писания расчленяли до того, что он терял Божественную печать помазанности⁵⁰, предпочитая такой, где было темное слово, дающее простор фантазии. Кроме такого материала, позволялось пользоваться творениями отцов церкви, как и у

старорусских проповедников, но в более широком размере. По подражанию польским ораторам, приводили и западных отцов церкви: Августина, Киприана, Иеронима и даже не признанных восточною церковью: Барония, Беллярмина, Фомы Кемпийского и других. Занимательностью киевской проповеди в одно время увлечен был и Петр Великий и только впоследствии он отвернулся от нее, как не соответствующей его преобразовательным видам. При обзоре жизни св. Димитрия Ростовского необходимо иметь в виду такие наставления для проповедника. В рассматриваемый период ими невольно питался будущий святитель. Первые проповеди, как, например, «пирамида Гизелю» или «слово в День Петра и Павла», носили рутинный общепринятый характер стройно составленного слова.

Заметно, что, по прибытии в Литву, Димитрия поразила новость. Проповедники перестали строго держаться установленной формы слова и оставляли то, что занесено из Польши в Киев, вырабатывая новый способ словесного воздействия на слушателей. Совершенно новою стала как внешняя сторона проповеди, так и самый дух ее. Представителем нового направления явился тогда польский проповедник, Фома Млодзяновский. Требованиями герменевтики Млодзяновский совершенно пренебрегал. Напротив, насколько прежде старались о стройности частей проповеди, так Млодзяновский, как будто, хотел занять слушателя быстрою сменой мыслей и их беспорядочною разбросанностью. Проповедника не стесняла ни важность кафедры, ни святость ее. Он позволял себе в проповеди шутки, глумление, приводил басни, давно отжившие в Европе, но теперь еще повторяемые в Польше⁵¹. Успеху такой проповеди помогло стремление проповедников – внести в речь польскую народную стихию, – говорить о настоящих событиях, надеждах, национальной гордости и ненависти к иноземцам⁵². Это была блистательная проповедь, но не церковная. Цель проповедника – не назидание паствы, а желание разгорячить ее.

Направление Млодзяновского сильно сообщилось и Димитрию; некоторые проповеди его буквально списаны у Млодзяновского и даже начинаются теми же словами,

например, известная проповедь его: «гость есть в богоспасаемом граде, слушатель мой прелюбезный; а гостю надо не без гостинца приходить к честным лицам». Позаимствовано Димитрием у Млодзяновского описание причины отречения Петра: «не знаю человека!» Сказуют едини вину тую, яко вдадеся в беседу с женским полом», и т.д.⁵³

Задавался Димитрий после на церковной кафедре и теми вопросами, которые поднимал Млодзяновский, напр.: зачем Христос не иначе совершил вход во Иерусалим, как на осле⁵⁴, или: «кто в раю первым произнес слово Бог?» Повторял Димитрий и выражения Млодзяновского; напр.: – «ни азом, ни буками, ни ведями» или «не стоило бы и говорить о бесах и свиньях: о бесах – страшно, о свиньях – стыдно». Точно так же, как и тот, – высказывает недоумение в драматической форме, напр., изображая ангела, подающего свиток Иоанну Богослову, – упрощает его: «Ангел Божий! Не вели есть свитка Богослову!» Точно также убеждает Лонгина сотника уступить место при Кресте Господнем Димитрию Солунскому, также библейские предметы называет по-современному: «дворяне Божии», «мужик Семей» (пастух при Рождестве Христове), «уезды» и т.д.

Влияние Млодзяновского всего рельефнее отразилось на внешнем построении проповеди у Димитрия. Вопреки схоластическим требованиям о теме, вступлении, наррации и конклюдении, Млодзяновский делил проповедь на две части и обе они поражали резкостью тонов. Первая часть отличалась занимательностью: в ней есть и шутка, и ирония, и остроты, а вторая излагалась в печальном элегическом тоне: произнося вторую часть проповеди, оратор, говорят, и сам заливался слезами, он хотел тут принести пользу слушателям. Простяки лично упрекали Млодзяновского, что первую часть он строит для панов и только во второй учит народ: тут слышится и жалобная молитва к Богу о постигших бедах, тут и ропот, и упрек за унижение Польши. Не так и у Димитрия? Иногда, заканчивая проповедь, он вдруг начинает: «но еще – не аминь: еще простецам скажу нечто в назидание! То было сказано для книжных людей, не хочу и не книжных отпустить без пользы»⁵⁵. Влияние всего этого на Димитрия, несомненно.

Во второй половине XVII века увлечение и подражание Млодзяновскому возросло до крайней степени. Сборники его проповедей приобретались лучшими Киевскими проповедниками (Кроковским) еще с 1686 г. Позднее, в 1706 г., Феофан Прокопович говорил, что Млодзяновского киевские академики–наставники принимают с восторгом. Многие из них одобряют и восхваляют его. Благодаря им и молодые студенты красноречия только его и ставят для себя образцом подражания. Говорить в это время против Млодзяновского, значило возбудить против себя неудовольствие многих⁵⁶. В письме своем к Якову Маркевичу от 1716 года Феофан Прокопович, вошедший в курс немецкого направления реформ в России, пишет из Петербурга о тогдашнем увлечении проповедническими приемами (концептами) Млодзяновского, доходившем до лихорадочности, так. «Мы также на своем веку не раз уже видали в нашем отечестве подобные ученые лихорадки. Лет пятнадцать тому назад были в моде так называемые концепты. Церковные кафедры оглашались тогда (увы!) чудными хитросплетениями, например, что значит пять букв в имени Мария?»⁵⁷ Почему Христос погружается в Иордане, стоя, а не лежа и не сидя? Почему в водах великого потопа не погибли рыбы, хотя не были сохранены в ковчеге Ноевом? – И давались на такие вопросы ответы самые важные и солидные⁵⁸. Неестественность такого подражания сознавали уже в конце XVII века. Выразителем такого сознания был Мелетий Смотрицкий в своей полемике с А. Мужилловским:

«Если бы не римские постиллы», – говорил он, – «то не поспешил бы на кафедру оратор, не сумел бы разудивить софист. Скажи спасибо Бессию, который научает тебя произносить с кафедры. Хорошо мне известно, что без него скрипели бы колеса, как у возницы без мазницы, а ты все-таки мудрец, да и твои все. Один на кафедру с Осорием, другой с Фабрицием, третий со Скаргою, а иные и с другими проповедниками римской церкви, без которой вы ни шагу»⁵⁹. Как и в восточной церкви, в польской проповеди применялись диалогическая форма назидания, но в развязной форме, необычной в греко-восточной церкви. У Фомы Млодзяновского

ведется такой разговор его с царем Давидом: «Давид Святой, что ты делаешь? Любишь ли ты Бога?» – Люблю, говорит. «Полно? Любишь ли ты его?» – Люблю! «Самарянка, куда идешь? Вероятно, повидаться с друзьями? Но не за водой с ведром? Неужели ты, самарянка, не считаешь этого бесчестным? Неужели хочешь ты, чтобы другие смотрели на тебя подозрительно?»⁶⁰ и тому подобное. Заимствование формы проповедей сопровождалось изменением языка в них. Церковно-славянский язык переполнен польскими и латинскими выражениями.

В этих правилах воспитались те люди в Литве, среди которых находился тогда Димитрий. Для практики и руководства у них существовали целые сборники таких проповедей известнейших авторитетных церковных ораторов юго-западной России: Кирилла Транквиллиона, Петра Могилы, И. Голятовского, Л. Барановича, А. Радивиловского и др.⁶¹, теперь прибавлялись сборники проповедей Млодзяновского.

Знакомство с польскими приемами проповеди оказало сильное влияние на Димитрия. Под общим увлечением Млодзяновским рассеивалось вековое убеждение, будто, задача проповеди заключается в ее искусной стройности. Открывалась иная красота в слове, покоряющая сердца слушателей, это – обаяние искренности у проповедника и сильного порывистого чувства. По природе сам отзывчивый и сердечный, Димитрий воспринял, хотя не без долгих колебаний новый способ проповедничества. Но он не подчинился общему влечению всецело, в чем впоследствии укорял других Андрей Мужилковский, тоже вышедший из Литвы (из Слуцка). У него постепенно входит лишь элемент народности и живая отзывчивость на текущие события. Упрощение речи не выродилось у него, как у польских подражателей Млодзяновского, в болтовню и шутку, а разрешилось в особый вид художественного проникновенного слова. От крайностей подражания предохранило Дмитрия Савича не одно природное чутье художника, но отчасти помогли и крепко усвоенные им схоластические словесные основы.

Пребывание в Литве имело для Дмитрия Савича и другое, более важное, значение. При всей своей врожденной скромности, он очутился в курсе защиты, гонимой веры от униатов. Среди такой борьбы яснее усвоились борцами устои православия.

Через 3 месяца после Новодворского торжества в Вильно прибыл Белорусский епископ Феодосий Василевич (14 ноября). В течение недели епископ настолько познакомился с Димитрием, что взял его с собою в город Слуцк, принадлежащий князьям Радзивиллам. В этом городе православное население претерпевало всевозможные стеснения от тех жителей, которые приняли унию. Православных не хотели считать равноправными гражданами, клеветали на них, что это схизматики (т.е. православные) хотят отворить ворота города, где находился двор князя с 200 обывательских домов, и из предместья впустить казаков или московитов. От них отбирали даже церкви. Стеснением гражданских прав у православного населения и обычных привилегий духовенства хотели усилить униатство и искоренить православие в Литве. В этом смысле подавались и просьбы королю.

Но русские люди мужественно отстаивали и свою веру, и свои права, так что составляли из себя живой оплот православия против натиска католической пропаганды. О трудном положении их среди униатов известно стало даже в Иерусалиме. Оттуда патриарх Досифей послал в Слуцк одобрительную грамоту, где хвалит стойкость православных за свое исповедание. Униаты просили себе содействия короля, чтобы усилить значение их в городах⁶²; и патриарх Досифей советует православным обращаться к той же премудрости и великодушию тишайшего короля. В то время, как получена эта грамота, 1678 г., иезуиты, насаждавшие унию, усилили в Слуцке свою проповедь; в противовес им настойчиво проповедовали здесь и русские иноки; а во время возникновения католического Бернардинского монастыря, выстроенного в Слуцке, и иезуитской типографии, православные тоже строят свои братские монастыри в Слуцке и уезде его. Епископ Василевич

считался архимандритом Троицкого Слуцкого монастыря, к которому приписаны Преображенский в самом городе, а также вновь основанный Старчицкий и Грозовский в Слуцком уезде. По предложению Белорусского епископа, или, может быть, по желанию послужить в митрополии прославленного иерарха Тукальского, отдававшего делу просвещения и свой покой, и скудные средства и выражавшего жалобы на оскудение благочестия в Литве, – Дмитрий остался в Слуцке. Он жил здесь почти целый год, поселившись в Преображенском монастыре и сделавшись братским проповедником⁶³.

Монастырь был бедный; постройка в нем деревянная. Ктиторм обители состоял Иоанн Скочкевич. Скочкевич полюбил Дмитрия и, оказывая ему покровительство, не хотел расстаться с ним⁶⁴.

Проповеди Дмитрия от того времени не сохранились. Но о характере занятий его можно судить по книгам, имеющимся у него. Это были полемические сочинения против католических заблуждений, как-то: «Вопросы и ответы православному с папезником», «Отпись на Ипатия о соборе Флорентийском» и др.⁶⁵ Сохранились от того же времени и собственноручное Дмитриево обозрение и сопоставление евангельских воскресных чтений у католиков и православных. – Дмитрия, как и все слущкое духовенство, интересовала защита не одной веры, но и прав православных. Он вполне соглашался с теми правовыми историческими основаниями, на которых вел борьбу с униатами сам епископ Василевич. Дмитрий записал их; вот они: Русь (в Литве) имеет историческое право на свободу своего вероисповедания, потому что приняла веру от Константинопольского патриарха, когда унии с Римом не было; затем, – Русь присоединена к Польше при короле Казимире гораздо ранее Флорентийского собора, и после которого она всегда оставалась православною; далее, – и в польском подданстве, поэтому, за ней должны оставаться ее права неизменно; наконец, – после Флорентийского собора даже до последнего времени никогда она не была в унии и русским по-прежнему должны быть предоставлены должности и права.

Так скромный Димитрий брался за оружие для защиты православия. Лазарь Баранович едва ли предполагал, что он останется в такой, по его выражению, «воинствующей церкви», и будет выступать против неразборчивых в средствах униатов, но сведения о том, что он стал в ряды православных бойцов в Слуцке, до Чернигова скоро дошли. Через 3 недели в Чернигов ездил игумен Слуцких монастырей, отец Мокриевич, и привёз письмо от Черниговского полковника Василия Дунина-Борковского, потребовавшего именем гетмана, чтобы Димитрий Савич возвращался в Чернигов. Владыка мог требовать так, потому что по смерти Тукальского стал заведовать всем православным населением Украины и Литвы. Требовал Димитрия обратно и Мелетий Дзик, ставший теперь игуменом Михайловского Златоверхого монастыря.

В Слуцке осознавали необходимость отпустить Димитрия, но не хотели расставаться с ним и, при содействии Скоцкевича, упросили его остаться при братстве, давши щедрые обещания. Из Чернигова вскоре написали во второй раз, чтобы Димитрий ехал обратно из-за рубежа, потому что таково желание гетмана. Так как он обязан был подчиняться в то время Мелетию Дзику, то и к Дзику послали через нарочного, отца Христинича, просьбу оставить его в Слуцке. Вопрос решил Дзик. «От себя и от обители Михайловской», он дал согласие, чтобы Димитрий, если того сам желает, остался при братстве на время, пока не понадобится он для послушания в Михайловский монастырь⁶⁶. Несмотря на молодость Димитрия, ему оказана от Михайловского златоверхого монастыря отменная честь, а именно: посланы ему частицы мощей святой мученицы Варвары и в богатом золотом переплете книжка от инок михайловского, о. Арсения. Димитрий сам отвечал и полковнику Дунину-Борковскому, и игумену Дзику⁶⁷. Присланную часть святых мощей в золотом кресте поместили в храме при образе Спасителя⁶⁸.

Благодаря согласию игумена Михайловского монастыря, братство удержало Димитрия у себя в Слуцке до следующего 1679 г. (29 января).

Димитрий знакомился со словесными приемами церковной проповеди у литовских ораторов во время частых своих поездок на монастырские праздники. Так он ездил в Грозовский монастырь на праздник 9-го мая и в Старожицкий на поклонение Чудотворной иконе Божией Матери где раздавалась церковная проповедь. Недаром он отмечает свои встречи с проповедниками Олайкевичем и Гославским. Слуцкий период жизни, краткий по времени, оставил глубокий след на Димитрие, заставивший его оценить заслуги южнорусского духовенства в деле защиты им православия среди униатского населения.

Пребывание в Слуцке закончилось горестными для него событиями: умер Иоанн Скочкевич, еще ранее Скочкевича скончался епископ Феодосий Василевич. Димитрий выполнил печальную обязанность проводить своих почивших патронов надгробным и речами. Проповедь по Скочкевичу начиналась словами: «якоже скончаваше Иоанн течение». За неё оратора наградили шестью локтями доброго голландского полотна. Погребение епископа было в местечке Дзиенциловичах. Скончался также знакомый Димитрия отец Серапион Замаревич. Так сходили в могилу доброжелатели, удерживающие Димитрия в Слуцке. Настоятель монастыря теперь был новый, архимандрит Феофан Креховецкий. Наезжали другие лица. Между прочими один из восточных иерархов, приехавших в Россию за милостынею, посетил при Димитрии и Слуцк. Это был Макарий Лигариди. Прибытие Лигариди (11 августа) совпало со смертью епископа Василевича. Поэтому, заезжий гость с востока совершил над почившим владыкою погребение, а потом, по просьбе Старшего Виленского, Клементия Тризны, производил хиротонии местных лиц во священники и диаконы. Димитрий, знавший греческий язык, сделался старательным посредником между слуцким духовенством и греческим митрополитом; в последствии он уже стал в тесном знакомстве с Лигариди.

Между тем политические опасности сгущались над христианским населением. Шла вторая чигиринская война. Турки и татары почти не переставали опустошать правобережную Украину, они устраивали загоны, ловили

жителей, угоняли их в плен, жгли города и села. Жители не имели возможности обрабатывать свои земли. В августе 1678 г. пал Чигирин. Защита его соединенными силами Москвы и Украины оказалась напрасною. Его взяли турки, а по народной пословице, за кем был Чигирин, за тем будет и Киев⁶⁹. Тяжелее всего было сознание, что хищных врагов привел в Украину сын Богдана Хмельницкого, Юрий, учившийся у одного с Дмитрием учителя Иоанникия Голятовского. Население жило в ужасе; но не могло бежать и на правый Московский берег, потому что туда уже переправились враги. Дмитрий при этом народном испытании решился выехать из-за рубежа на родину.

Он направился в Батурин, вероятно в виду желания гетмана И. С. Самойловича, выраженного в письме полковника Дунина-Борковского. Вблизи Гетманской столицы расположен Крупецкий Николаевский монастырь, где игуменствовал в то время Феодосии Гугуревич. Здесь Дмитрий остановился и прожил более 2 лет (с 6 февраля 1679 г. по сентябрь 1681 г.). Хотя Гетман заканчивал войну с турками, но тревога не улеглась. Всё лето 1679 г. воздвигали укрепления в Киеве, расставляли войска по дороге из Крыма и повсюду держали их в сборе. Народ был в страхе от ожидаемого турецкого нашествия. Тревожные события усиливали значение гетмана и расположение к нему Московского правительства. Самойлович совершил два Чигиринских похода и теперь заканчивал турецкую войну. Вот как описывается она в повествовании, находящимся в IV части сочинений св. Дмитрия.

Турки, имея намерение взять себе Киев, сначала с огромным войском подступили к старинному казацкому городу Чигирину. Находящиеся там казацкие и царские войска отбили их первые страшные приступы, а на выручку («на отсечь») осажденных спешили с войсками царский воевода князь Ромодановский, и гетман, И. С. Самойлович. До прибытия их, 27 августа, враги с напряженными усилиями добывали город; а в этот день в Киеве по приказу киево-печерского архимандрита Гизеля, совершали Крестный ход вокруг верхнего Киева; вынесли для церковной процессии Киево-Печерскую икону Божией Матери, чего до того времени никогда не бывало, а

также почитаемые святыни и многие св. мощи. Бог услышал молитвы. Враги, узнав о приближении русских войск, пришли в страх и в этот самый день обратились в бегство. Все их замыслы рассеялись, как паутина. На другой год (1678) летом турки пришли еще в большем количестве под Чигирин. Ратные люди, находящиеся в городе, не только отбили все первые приступы неприятелей к городу, но наносили им поражение и в боях на поле, так что враги думали уже об отступлении. Когда они услышали, что на выручку Чигирина подвигается войска князя Ромодановского и гетмана Самойловича, «с богом данною ему отраслю Симеоном», то пошли в огромном количестве к нам навстречу. Русские напали на турок, когда те расположились на высокой горе. Усеянная врагами, с неумолкающею орудийною пальбою из горных ущелий, крутая гора казалось висящим страшным облаком с огненным дождем и лютым громами». 3 августа русские войска под «чинным управлением благоразумного вождя», И. С. Самойловича, двинулись с религиозным воодушевлением на врагов Креста Господня и одолели их. Много их побито, потоплено при переправе и взято в плен. 4 августа русские войска подошли, к ужасу врагов, к Чигирину. Турки употребили для взятия города хитрость: они начали делать подкопы под него. Тогда русские отряды, защищающие город, оставили его.

По окончании Чигиринской войны русские войска остановились у Днепра и будучи «стройным управлением искусного вождя наставляемы, толикий бой свели с погаными», какого еще от века не видано: солнце затмилось от пальбы, воздух помрачился от взметаемой пыли, земля стонала, войска осыпались пулями, как градом, мечи блестели и руки христианские «освятились» в крови поганных. Турки пробыли еще семь дней и ушли в степи. Едва третья часть их возвратилась домой, а силы царские и запорожские были целы⁷⁰.

После таких славных событий двор гетмана стал отличаться пышностью, а хозяин оставался все по прежнему радостным. По поводу приезда московских послов устраивали празднества. Весть о Бахчисарайском мире с турками гетман выслушал со

вздохом, что к ним отошла вся правая сторона Днепра, но торжества он устроил пышные: гремела музыка, палили из пушек. Занятый делами, гетман жил недоступно для духовенства: дом этого бывшего поповича окружали сердюки с бердышами, а по улице разъезжал с недоступною «пыхою в карете»; к Димитрию, однако, он относился внимательно, а в Диарии назван даже «благодетелем». Гетман любил окружать себя высшими духовными лицами, отличающимися саном и выдающимися способностями. Так на освящение своей вновь построенной церкви он пригласил заезжего сербского митрополита Почеку⁷¹. В Батуринском монастыре жил, не без согласия Самойловича, парижский учитель, Адам Зерников, добровольный изгнанник за свои православные убеждения. Им написаны в Париже два трактата против католического учения об исхождении Св. Духа от Отца и Сына. В трактатах тщательно доказывается, что доводы католиков в пользу своего учения не имеют никакого значения, так как ими искажено все, что приводится из св. писания и святоотеческих творений. Убедившись из научных своих исследований о неправоте католического исповедания, он уехал из Парижа, чтобы избежать обычных преследований от католиков за свои убеждения. Латыняне знали его трактаты, но возражать против них не смели, чтобы не поднимать неправого дела. Трактаты, составившие большую рукописную книгу, остались при его жизни не напечатанными. Ими впоследствии пользовался Феофан Прокопович в противолютеранской полемике об исхождении св. Духа, уверяя, что на обоснованные доводы Зерникова немислимо никое возражение, не может быть даже повода к такому возражению. Кроме этих лиц, гетман принимал к себе и других выходцев из-за границы. Впоследствии, 1684 года, сюда прибежал от униатских гонений будущий митрополит Киева епископ Луцкий князь Гедеон Святополк Четвертинский.

До Димитрия гетман был так приветлив, что слухи об этом доходили до Черниговского владыки. Через год по прибытии Димитрия в Батурин, приехал туда из Кирилловского монастыря отец Меркурий с извещением, что братия избирает его своим игуменом и с просьбою от нея принять обитель в свое

управление. Не иначе, как по желанию гетмана, Димитрий от такой чести отказался, потому что немного спустя, тот же гетман не препятствовал ему быть игуменом в другом монастыре и даже содействовал этому. В Кирилловском монастыре утешились тем, что там согласился быть игуменом горячий защитник православия, Иннокентий Монастырский, ранее живший в Литве, бывший другом Димитрия. Можно предположить, что тщеславный гетман видел в Димитрии лицо, способное увековечить военные его подвиги в истории, и что Димитрий действительно описывал Чигиринские походы. В IV части сочинений есть похвала Самойловичу за укрепление Киево-Печерской лавры, написанная во время его гетманства⁷².

10 августа 1681 г., за смертью игумена Иеремии Ширкевича, освободилась должность игумена в Максаковском Свято Спасском монастыре. Выбор братии и здесь пал на Димитрия⁷³. Из Обители уже посланы были два иеромонаха к блюстителю Киевской митрополии, Лазарю Барановичу, с известием об этом.

Гетман не только охотно отпустил Димитрия, но вручил ему собственноручное письмо к черниговскому владыке.

В Чернигове архиепископ оказал приветливый приём Димитрию. «Был я (4 сентября) принят от его преосвященства весьма милостиво, рассказывает Димитрий. – Как скоро распечатал он письмо, тотчас следующие сказал слова: – не читая письма, говорю: да благословит вас Господь Бог не только игуменством, но по имени Димитрия, желаю вам митры: Димитрий до получит митру». Того же дня я был на обеде его преосвященства и с любовью был угощаем, где между прочими милостивым словами он мне прибавил: «сегодня пророка Моисея Боговидца; сегодня сподобил вас Господь Бог игуменством в монастыре, где храм Преображения Господня, яко Моисея на Фаворе. Сказавший пути свои Моисею, да скажет и вам на сем Фаворе пути своя к вечному Фавору».

Приятно было Димитрию услышать такие слова из уст архиерея, он почел их за хорошее предзнаменование и за пророчество: «Дай, Боже, чтобы пророчество его архипастырское сбылось!». писал он в Диарии. Лазарь Баранович при посвящении в игумена вручил ему посох и

проводил его как родного сына⁷⁴. На своё первое игуменство, Дмитрий вступил 9 сентября и уже 7 февраля следующего года, через 5 месяцев, по желанию гетмана, его перевели в Батурин в Николаевский монастырь⁷⁵, вместо Феодосия Гугуревича, переведенного в Киевский Златоверхий монастырь. 1 марта 1682 года Дмитрий принял игуменство в Батуринском монастыре, а 3 марта поспешил в Максаковский монастырь проститься со своею первою иноческою паствою. Его прощание ознаменовалось несколькими постригами. Получивши 6 марта новый указ о переводе в Батурин, Дмитрий пометил в своих записках «Дай, Боже, – в добрый час», «Боже в помощь мою вонми! Преблагословенная Дево, – благослови начало!». Видимо, Дмитрий придавал этой перемене большое значение.

По виду обитель Дмитрия можно было принять за чужую, не украинскую крепость, окруженную земляным валом: она охранялась не казаками, а непривычным для малоросса отрядом московских стрельцов. Среди деревянных построек монастыря тогда воздвигались на средства генерального судьи Ивана Домонтовича, каменная церковь. Близость к гетманской столице придавала монастырю необычайное оживление.

Здесь был узел сношений малороссийского духовенства с Московским Патриархатом; у Дмитрия останавливались духовные лица, приезжавшие с разных сторон: из Украины, из Москвы, Киева, из-за рубежа Польского и Литовского, из Греции и других мест для аудиенции, у кого только была нужда до гетмана⁷⁶.

Дмитрий знал о всех сношениях гетмана и других лиц с Москвою. Ему известна была и нескрываемая никем тревога по поводу московских требований, чтобы Малороссия оказывала подчинение не только в политическом отношении, но и в церковных делах. При Самойловиче еще не замирало то общее казацкое недовольство Москвою, которое погубило его предшественников, – Брюховецкаго и Многогрешнаго. Сами беспомощные против турок, татар и поляков они укоряли московских людей за равнодушие к их положению и с горечью высказывали, что из Москвы вместо военной помощи против врагов посылают только одни указы воевать: «много писанного

из Москвы посылают, только бумагою, да ласковыми словами утешают»; на вид Москве ставили неспособность царского киевского воеводы защитить Киев с окрестностями его от опустошений и разорений от поляков⁷⁷. Не видя своевременной защиты от Москвы, малороссы возмущались посылкою к ним царских воевод на прокормление и требованиями всякаго подчинения. «Вы не саблею взяли нас, не приданные мы, не купленные»⁷⁸ у вас; так говорили малороссийские люди по поводу нарушения своих вольностей. Недовольство у духовенства было еще сильнее. Тогда как казаки наперед не знали, кому придется им завтра присягать: Москве, или Польше, или же Турции, из-за безопасности своей, или по принуждению которой-нибудь из держав; у духовенства же на обоих берегах Днепра был один определенный и давний владыка, признаваемый в течение всей восьми вековой христианской истории Киева, это – Цареградский патриарх. Духовенство смело говорило московским людям: «Мы состоим под благословением Святителя патриарха Цареградского, а не кого-нибудь другого!» – Как в Турции христиане исповедовали свое православие, находясь в турецком подданстве, так и в Украине духовные власти находили возможным управляться свободно и независимо от Московского патриарха. Нежелание подчиниться Московскому патриарху среди Малороссийского духовенства было так настойчиво, что в левобережной Украине считали более спокойным житье под властью другой державы, хотя бы и турецкой: «при ком хан, тот и сам пан», говаривал митрополит Тукальский.

Димитрий не был в стороне от таких убеждений всех киевских игуменов; и всегда высказывал горячую привязанность свободе и единству Малороссийской церкви. С подчинением Московскому патриарху само собою она должна была распасться на двое: если левобережное духовенство признало бы себя подчиненным Москве в духовном отношении, то правобережное никак не могло выразить подчинения, пока находилось в подданстве у Польши. Поляки, владевшие левобережной Украиной, не дадут позволения своим русским подданным жить в какой-нибудь зависимости от Москвы. От

этого само собою надо было ждать разделения единой церкви на две: тогда как одна половина подчинилась бы Московскому святителю, а другая оставалась бы за Цареградским.

Особенно огорчало в Украине – несогласие царя, чтобы Тукальский жил в Киеве; еще Гизель писал в Москву: «повели, государь, этого доброго мужа посадить на митрополии в Киеве и надобное прокормление сану его показать, ... не окажется непотребен: он муж зело ученый, разсудительный»⁷⁹. Для Москвы, где церковь и государство всегда мыслились не иначе, как в неразрывной связи, такие просьбы казались и неосуществимыми, и подозрительными. В Украине упорно держались Тукальского даже тогда, когда Москва поставила для Киева блюстителя митрополичьего престола: чтобы унижить блюстителя, Лазаря Барановича, духовные власти показывали вид, что не признают его архиепископства, данного Москвою, и называли епископом.

Недовольство росло при сношениях Москвы с Польшею: не нравилось малороссам, что Москва, принявши их себе в подданство, имеет сношения с поляками и ищет мира с панами. Было одно время (1667 г.), когда и Киев русские чуть-чуть не отдали полякам; помешало этому только одно случайное обстоятельство – измена Дорошенки, сбившая гордость у панов. Все это оставило свой след в отношениях к Москве малороссийского духовенства, дорожившего святынями Киева, где поляки могли ввести унию.

Когда Димитрий был в Батурине, Киев своего митрополита всё ещё не имел. Наезжали в Украину греческие митрополиты, «ником не свидетельствованные»: из них иные «и под не благословением святейших патриархов самовольно служили и поставляли»⁸⁰, именую себя митрополитами греческими, болгарскими, сербскими, филипповскими, драмскими⁸¹. Они возводили в священный сан даже таких лиц, которых местные епископы, по недостатку прав, отказывались посвящать. Димитрий, по своему знанию греческого языка, ближе других знавший некоторых из них, Почеку, М. Лигариди, мог от этих восточных гостей слышать всевозможные толки о земляках, приезжавших в Россию для милостыни и убежища. Испытавши в

Литве козни иезуитов, Димитрий видел не менее других духовных властей опасность униатской пропаганды, не сдерживаемой административной духовной властью. Администратор Киевской митрополии, Львовский епископ Иосиф Шумлянский, разсылал свои «прелестные листы» по Украине, где внушал всем, что значение Киевского митрополита выше, чем Московского патриарха. Но все знали, что он был тайный униат, и понимали его скрытые униатские цели. В Литве Шумлянский захватил себе маестности патрона Димитриева, епископа Василевича, а теперь захватывал маестности и Киево-Печерского монастыря. При таких нестроениях и Московское правительство стало сознавать нужду – поставить в Киев митрополита, так как блюститель митрополии не успевал и посвящать ставленников. Гетман, из желания выказать свою преданность Москве, просил оттуда позволения выбрать Киевского митрополита. Но Москва разрешить этого никак не могла, пока Малороссия считалась принадлежащею духовному ведению Константинопольского патриарха.

Во всём этом недовольстве, участником которого был и Димитрий, главным двигателем было опасение за малороссийский принцип соборного управления. Отдаленность от Константинополя и народные обычаи закрепили в Малороссийской церкви свободные выборы не только простых священников – для приходов, игуменов – для монастырей, но и митрополитов для Киева. В Москве же всегда проводился принцип единоличного патриаршего управления. Малороссийские духовные власти применение его считали нарушением своей свободы, или, как осторожно выражался Димитрий, – «привилегией» церкви. Поэтому он не мог разделять убеждение своего «благодетеля», гетмана, говорившего о подчинении Малороссийского духовенства Москве и решился оставить игуменство.

Во время игуменства Димитрия в Бабурине, умер тут знаменитый Адам Зерников. После смерти Зерникова остались рукописные трактаты его об исхождении св. Духа⁸².

Тогда же умер (1683 г.) щедрый благотворитель Батуринской обители генеральный судья Иван Домонтович. Его похоронили в

построенной им самим церкви. Димитрий⁸³ составил ему надгробную эпитафию, сохранившуюся до сего времени. В Диарии Димитрия отмечена за это время кончина и других знакомых: покровителя его, игумена Мелетия Дзика, и московского царя, Феодора Алексеевича (1682 г.). Пышность гетманского двора не развлекала Димитрия, когда ему известны были страдания десятков тысяч голодных семей, переехавших из правобережной Украины и напрасно ожидающих себе помощи от гетмана. Уже теперь он задумывался и над своей будущей судьбой: «Бог знает, где-то и мне суждено положить свою голову», писал он в Диарии. Власть в обители и почет от гетмана томили его.

Его внимание более обращалась на новых иноков, о пострижении которых он записывал в своём Диарии, как особенных событиях своей жизни⁸⁴.

От томлений его отвлекло и оживило неожиданно предложенное ему дело – составление Четвы-Минеи.

Он положил в это занятие все свои силы, в нем нашел радость творчества и счастливые минуты возвышенного «деннонощного» вдохновения.

Глава II. Послушание Димитрия. «Жития Святых»

В день своего Ангела, 26 октября 1683 года, Димитрий отказался от игуменства в Батурином монастыре. С полгода (26 окт. 1683 г. – 23 апр. 1684 г.) он жил здесь в послушании, а когда Варлаама Ясинского избрали печерским архимандритом, то, по приглашению последнего, переехал в Киево-Печерскую лавру. Это было 23 апреля 1684 г.⁸⁵

Обилие святынь и мощей в Киеве, а также тихая размеренная жизнь, к какой он привык с детства, все это побудило Димитрия согласиться на приглашение Киевского архимандрита.

Здесь начинается славный период жизни будущего святителя. Архимандрит Варлаам возложил на Димитрия послушание – составлять жития святых⁸⁶.

Димитрий принял такое дело и с возрастающею любовью стал заниматься им. Нужда в составлении Четыи Минеи ощущалась давно. В Константинопольской церкви, к которой принадлежал и Киев, Четей Миней не было. С греческого языка в славянские книги помещены немногие житийные переводные отрывки этого рода сочинений IX–X века, напр., жития св. апостола Кондрата, мученицы Феклы. Сохранились и целые сборники житий святых⁸⁷. В русские обители попадали болгарские, сербские и афонские переводы житий с греческого языка. Существовавшие списки житий святых оказались истребленными; во время татарского разгрома униаты уничтожали все, что оставалось из письменности древнеславянского происхождения. Все уцелевшие отдельные «Жития Святых», напр., Князей Бориса и Глеба, печерских угодников, московских святителей были разрозненными. В Великороссии существовали Великия четыи минеи Макария, митрополита Московского, который собрал в свои 12 миней все книги, «чтомыя», какие нашлись в прологах и соборниках. Но Макарьевские четыи минеи лежали не отпечатанными в Москве и были недоступны для ознакомления с ними. Киевские иноки, нуждавшиеся в «Житиях Святых», обращались всегда к книгам

на латинском, польском и белорусским языках. Сознвая неудобство и опасность от такого недостатка, еще митрополит Киевский Петр Могила начал дело составления жития святых в православном духе. Уже им выписывались для этого в Киев с Афона рукописные жития святых Симеона Метафраста, чтобы составить переводные с греческого языка. Но все начинание прекратилось за смертью его⁸⁸.

Делал в этом отношении неудачную попытку черниговский владыка Лазарь Баранович⁸⁹. Нужда в житиях святых вызывала кого-нибудь на большой усидчивый и сосредоточенный труд.

Печерский архимандрит Иннокентий Гизель продолжал дело митрополита Петра Могилы; потому что четьи минеи стали необходимы по всем монастырям для уставного чтения, а во время борьбы с унией чтение в православных обителях однородных с униатских житийных книг не представляло большого удобства. Для этой цели выпросили у московского митрополита Иоакима выслать Великие Макарьевские четьи минеи. Высланный экземпляр их оказался, однако писанным не уставным письмом, а скорописным, очень трудным для чтения. Книги так и отослали обратно в Москву, не использовавши их для малороссийских нужд и целей. Попытки составить четьи минеи известны были и гетману, который писал об этом своему покровителю князю В. В. Голицыну, что в Малороссии духовные особы о своем «о людском спасении добре прилежащи, зачали себе дело»⁹⁰ составления «житий».

В истребовании Великих четьи миней при Гизеле участвовал в 1680 г. Варлаам Ясинский⁹¹. Ставши теперь Киево-Печерским архимандритом, он взялся за дело еще настойчивее.

О поручении Димитрию составить четьи минеи сам Варлаам говорит следующее: «Бог, по усердной молитве моей, послал в лавру жить благоразумного проповедника слова Божия, благочестного иеромонаха Димитрия. Этому искусному проповеднику слова Божия, трудящемуся благоразумно в сей лавре, самую истинную свидетельствованному, вручил я, по совету соборных отцов и братии святой лавры, чтобы дело то святое совершенно исправить»⁹².

Работа началась 6-го мая 1684 года. «Дай Бог, совершити!» записал Димитрий в своем дневнике. С этого времени он весь ушел в свое новое книжное занятие, занимаясь им в течение 20-ти лет.

Под руками у самого Димитрия было немного книг, неоставало таких, крайне необходимых, как Великие четьи минеи и «Деяния Святых» Болландистов («Acta Sanctorum»). Но библиотека Софийского собора имела большое книгохранилище⁹³.

И вообще Киев считался центром просвещения, тою по выражению Барановича, «разумною головою», которая давала ответы на все вопросы. Димитрий, кроме того, часто заимствовал книги, относящиеся к своему занятию, у знакомых людей. В русском переводе необходимых книг оказалось немного: «Жития Святых» Симеона Метафраста, «Летописец», списанный с печерского, «Хронограф», с греческого, переведенный, большой», «Летопись русская и собрание различных вещей», несколько экземпляров русских летописей, а в последствии и «Хронограф большой»⁹⁴. Большая часть книг Димитрия была на иностранных языках: латинском, греческом, польском. Таковы, напр., – *Бароний* 12 томов в 6 книгах; истории: Бизантина, Суплиция Севера, Иоанна Лепи, И. Ключерия, Фридриха (всеобщая история), Георгия Горния, Флоскули, Ветис, Иустина, Горация Турселина, Иосифа Флавия, Плятини. Тут были мартирологи, хроники, книга «Церковные писатели», разные справочные книги, исторические синопсисы, хронология И. Бозия «Жизнь латинских святых», «Животи» Лазаря Барановича и др. Преобладание книг не православного происхождения принуждало Димитрия внимательно относиться к письменным своим источникам. Только богослужение, которое он никогда не пропускал, на малое время прерывало его занятия. Теперь указывают место в Большой Успенской церкви, где он всегда становился на молитву⁹⁵. Углубление его в книжную работу было так велико, что он и во сне переживал ее.

Однажды он трудился над составлением жития святых всю ночь. До утрени оставался уже один час времени. Забывшись на малое время, он видит во сне мученика Ореста, который

обращается к нему с веселым видом: «Я больше мук претерпел за Христа, чем ты написал». Говоря это, мученик открыл свою грудь и показал у себя в левом боку рану, проходящую вглубь перси. «Это мне жезлом прожжено». Затем, указывая на рану у локтя, говорил: «Это мне перерезано!» Показывая на раны на обоих коленях, продолжал: «Это мне косою рассекли! Видишь ли, – я больше претерпел за Христа, нежели у тебя написано!» Димитрий подумал про себя: «Кто это? Не из числа ли он пяти мучеников?» – «Не тот я Орест, как бы в ответ на мысли Димитрия, молвил мученик, а тот, про которого ты ныне житие писал». Вслед затем явился и другой важного вида угодник или мученик. Но вдруг раздался звон к утрени и, чуткий всегда к нему, Димитрий проснулся⁹⁶.

Димитрию так ясно предносились такие сны, что он помнил их до мелких подробностей, испытывал при воспоминании о них наслаждение, которое сквозит у него в самых рассказах о таких сонных видениях.

Однажды, (10 августа) в забытии после утрени слышит он церковный благовест, но продолжает спать. Ему снится, что он осматривает в вверенной ему наблюдению пещере со свечою мощи святых угодников. Увидевши мощи св. мученицы Варвары, лежащими на боку и в гнилом гробу, он вынул их и положил на другое место для того, чтобы очистить раку. Потом, когда опять взял мощи в руки, то видит святую живую, и стал ее просить: «Святая дева Варвара, благодетельница моя, умоли Бога о грехах моих!» – «Не знаю я, – промолвила мученица – могу ли умолить за тебя: молишься ты по-римски!» Димитрий начал тужить в отчаянии. Но святая, улыбаясь, произнесла слова: «Не бойся», и еще говорила что-то утешительное. Димитрий положил ее мощи в гроб, лобызая руки и ноги ее; все ее тело казалось белым и живым, а рака – была для нее велика. Стал он искать другой раки и, вместе с тем, проснулся.

Повествование Димитрия о таких видениях всегда сопровождалось выражением крайнего и живого смирения: он обвиняет себя, что видение во сне св. Варвары было во время благовеста к заутрене, которую он «по обыкновенному ленивству» проспал до чтения псалтири.

При напоминании святой, что он молится «по-римски», он подумал: «что сие мне сказано для того, что я весьма ленив к молитве и уподоблялся в сем случае римлянам, у коих весьма краткое молитвословие, так как у меня краткая и редкая молитва».

«Бог ведает, что сей сон знаменует, и каково онаго события воспоследует! О, когда бы молитвами св. Варвары, патрона моего, дал мне Бог исправление злого и окаянного жития моего!»

Как ни увлекался Димитрий книжными занятиями, но они не потушили в нем живого интереса к родной своей церкви. События были очень важны. В 1685 году состоялся выбор Киевского митрополита. В угодую Самойловичу, избрали князя Гедеона Четвертинского, епископа Луцкого проживавшего в Батурине. По воле Московского правительства, Гедеон ехал посвящаться уже не в Константинополь, а к Московскому патриарху. На неудовольствие малороссийских духовных властей не обращали внимание, не спросили вперёд и согласия восточных патриархов. Гедеон, принимая посвящение от московского патриарха,— этим самым подчинялся ему со всею своею паствою (1685 г.). Не скрывал своей обиды и Димитрий, он проявил живую радость при известии, что наставшею теперь зависимостью Малороссийской церкви от Москвы недоволен патриарх иерусалимский Досифей, что Досифей послал даже протест московским царям против самовольного изъятия Украины из-под власти Константинополя. Протест этот был вызван следующим обстоятельством. В Иерусалим прибыли посланные из Москвы с известием о посвящении Гедеона, и вы сказали Досифею, что, если он согласится утвердить и признать Гедеона, то они и милостыню от царей ему отдадут, а если не изъявит согласие на это, то не будет ему никакого государева жалованья; при этом сообщили, что константинопольский патриарх уже дал свое согласие на то. Оскорблённый иерусалимский патриарх с укором пишет в Москву, что не следовало бы им вымогать такое согласие за деньги, а просить ради веры и пользы верующих. Не хвалил Досифей и посвящение Гедеона в Москве. Отдать Киевскую епархию

Москве, по его мнению, не может и сам константинопольский патриарх. Это дело – всех четырёх восточных патриархов, поставленных пещись о церкви. Можно опасаться, что такого митрополита русские люди, живущие в подданстве Польши, не станут признавать и учинится этим раскол и раздоры в Малороссийской церкви. – Слова Досифея оправдались. – Когда Димитрий читал эту грамоту, общее недовольство избранием Гедеона уже сказывалось: протестовал Киево-Печерский архимандрит, не соглашался на избрание тайный униат Львовский епископ, Иосиф Шумлянский. «Как-будто отгадал ты, что так будет, и невольно пророчествовал», приписал Дмитрий свою пометку на патриаршей грамоте⁹⁷. На грамоту же московского патриарха, при всей своей скромности, он делал даже возражения. Патриарх этою грамотою разрешил избирать печерского архимандрита собором старцев и непременно посылать в Москву для посвящения. Димитрий высказался, что требование избранного в Москву – несправедливое нарушение прав малороссийского духовенства и идет в разрез не только с грамотами вселенских патриархов, но даже против привилегий, в данных самую Москву о независимости управления Киево-Печерскою лаврою. Во всём этом он ссылался на «Палинодию» З. Копыстенского о зависимости Киева в духовных делах не от Москвы, а от Константинополя. Весь подбор исторических справок направлен у Димитрия против Москвы, которая в своем политическом росте тянула к себе от Малороссии и церковное управление; между тем от всех пережитых катастроф, там осталось одно дорогое достояние, – это независимая церковь, объединяющая русское население Украины и Польши.

Но Обиднее всего для Димитрия и других духовных властей то, что им бросали в глаза обвинения в не православии и склонности к католичеству. С этим примириться там никто не мог. К подозрению давало повод употребление киевским духовенством польского и латинского языка, форма монашеской одежды и другие бытовые черты. Патриарх иерусалимский, стоявший за самобытность церковной жизни в Украине, в 1686 году писал московским царям: «ныне в той стране, называемой

казацкая земля, некоторые научные в Риме и Польше от латинов, архимандриты, игумены, держатся не подобных мудрований в монастырях. Одна православная вера (ведет) ко спасению и не подобает верным прельщаться чрез философию и суетную прелесть. Мы считаем казаков православными, однако, многие имеют поврежденные нравы, каких принимать не подобает православным»⁹⁸.

Димитрий с горечью узнал о таком отзыве Досифея; ему не хотелось верить подлинности грамоты, у него запало подозрение, что все это приписано переводчиком. – Однако, постепенно выяснялось, что помимо иерусалимского патриарха, московская подозрительность к киевским ученым усердно поддерживалась и разогревалась греческими выходцами, видевшими в них соперников в погоне за монополией просвещения. При склонности Москвы верить подобным слухам, всякий, кто только и в Украине хотел выслужиться перед Москвой, мог раздувать там их. Даже гетман Самойлович, происходивший из поповичей, из своих видов не пропускал случая сообщать о приверженности своего духовенства к «латинской науке» и раздорам.

Для встречи нового митрополита, возвращавшегося из Москвы, Киево-Печерский архимандрит выехал в столицу гетмана, Батурин, вместе с собою вез он и Димитрия, как «казнодея печерского», то есть проповедника. Недавние изгнанник в Украине, живший у Димитрия в монастыре, Гедеон Четвертинский, совместно с родственником своим, гетманом, теперь имел в Украине большую силу. Оба они пользовались прочным расположением к себе московских царей и патриарха. Гедеон пожалован там титулом митрополита «всея России», и имел от них богатые подарки церковными облачениями, украшенными драгоценными камнями. Ему пожаловали даже карету с лошадьми. Не забыт царями и кафедральный его Софийский собор, куда Гедеон вез в дар от царей золотые сосуды, украшенные финифтью.

Внимание Гедеона к Димитрию выразилось в том, что он стал просить, вместе с гетманом, и убеждать снова принять игуменство в Батуринском монастыре. Димитрий, привыкший

благоговеть перед архиереями и принимать их слова за указание свыше, согласился на предложение. Вероятно, ему обещано всякое содействие в составлении четьи миней. Духовные власти сопровождали нового митрополита из Батурина, при вступлении его на киевскую паству. Димитрию опять надо было расстаться с родными своими. Хозяйство Сага Григорьевича была шире, он имел уже и сад при доме, и двор, купленный⁹⁹ им в 1684 году за 1000 золотых. Теперь он состоял ктитором Кирилловского монастыря. В его доме Димитрий, вероятно, встречался с Иннокентием Монастырским. Димитрий расстался с Киево-Печерскою лаврою. Привелось порвать новые знакомства. Здесь он познакомился с киевским воеводою Шереметьевым и Гордоном, которые были слушателями его церковных проповедей в торжественных случаях¹⁰⁰. Здесь Он подружился с приехавшим из-за рубежа Стефаном Яворским.

Гетман принял свои меры оказать в Батурине содействие Димитрию в его ученом труде. При первой же возможности он стал хлопотать из Москвы о высылке Великих Четей Миней. Он пишет об этом к В. В. Голицыну, своему ласковому приятелю и благодетелю. Не упоминая имени Димитрия, гетман извещает, что духовные особы в Малороссии начали писать жития святых угодников Божьих и, для лучшего исследования, необходимы Минеи Четьи, каких нет у них, а есть они у патриарха Иоакима в церкви Успения Богородицы. Гетман усиленно («еще и повторе») просит прислать эти книги для составителей житий святых, если не все, то, по крайней мере, на первые четыре месяца: сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, удостоверяя, что таково желание киевского митрополита, и ручаясь, что книги, по прочтении, будут отосланы обратно к патриарху; просит, затем, В. В. Голицына доложить и царям о таком деле, Богу угодном и людям служащим ко спасению, чтобы патриарх не отказал ему в Четьях Минеях¹⁰¹.

При гетманском ходатайстве дело увенчалась успехом. Димитрий получил московские Великие Четьи Минеи Макария, писанные уставом, 4 книги¹⁰². С неослабевающим увлечением продолжал он свою книжное дело в Батурине. Считая свой труд поручением от всей Малороссийской церкви, он относился к

нему с внимательной осторожностью. Все писанное им отдавалось для прочтения многим лицам, как светским, так и духовным, с просьбой высказать свое суждение о написанном¹⁰³. Недоразумений при составлении житий оказалось много. В Софийском соборе находилось книгохранилище. Димитрий пользовался всеми находящимися там книгами, приобретал их и сам, так что книжного материала оказалось очень много. Чтобы разобраться в нем и отнестись к нему с критической оценкой, он составил справочной алфавитный словарь, или «Ономастикон имен святых с пролога по азбуце собранных (року 1687 месяца сентября)»¹⁰⁴. Здесь указано по алфавиту имя святого, кто он, мученик или преподобный. Такой алфавит облегчал работу¹⁰⁵. Отсутствие однообразия в библейском летоисчислении и у хронографов немало замедляло работу. У Дмитрия возник вопрос о годе Рождества Христова. При описании мучеников и святых, живших во времена гонений на христиан, привелось столкнуться с языческим определением времени по консулам, с указаниями на календы, иды, ноны, служащими временными обозначениями в календаре греко-римского мира. Для хронологических определений у Димитрия списан и древнеримский календарь на весь год. Чтобы облегчить такие справки, он имел мнемонические стихи, быть может, составленные где-нибудь в западных школах для учеников¹⁰⁶; до стихов он всегда был охотник; вероятно, стихи заучены им наизусть. Заинтересованные в работе Димитрия торопили его скорее печатать написанное, а, в особенности, побуждал его к этому архимандрит Киево-Печерской лавры, где нужда в Четьях-Минях была неотложная¹⁰⁷.

Но он встретил препятствие к изданию с такой стороны, от которой можно было менее всего ожидать.

признают. Приписывая такое разделение козням дьявола, святитель требовал известий о соборе из книг, какие есть в Киеве, именно: из-за чего он начался и какие на нём были рассмотрены вопросы и предложения¹⁰⁸.

Митрополит Гедеон, получивший патриаршую грамоту, созвал киевских духовных властей, в том числе и Димитрия, в Киево-Печерскую лавру и, в присутствии всех, велел читать ее. Все удивились запросу из Москвы. Приказание не разглашать об этом народу, чтобы не возникло среди него смятений и, вообще, политических осложнений, обнаруживало у патриарха скрытые подозрения к одному киевскому духовенству. Когда же узнали, что такая же грамота есть и к черниговскому владыке, то все поняли намерение патриарха испытать, «точно ли Малая Русь собор Флорентийский принимает за собор?»¹⁰⁹ Все заговорили «отрицательно», что вся восточная церковь это сборище отинула и за собор не считает. При таком единодушии поручили архимандриту Кирилловскому Иннокентию Монастырскому вместе с черниговским архимандритом Феодосием Углицким, и написать ответ в Москву, что собор тот не законный и не канонический, а тем из православных, которые прельстились на унию с Римским костелом, заразившись многими ересями, народившимися от папского самовластия, никто из них не последует. Под письменным полномочием Иннокентию подписались все тут бывшие, в том числе и Димитрий. Иннокентий снесся письменно с Феодосием об этом, но Феодосий ограничился обещанием послать в Киев из Чернигова особого доверенного для переговоров. Однако из Чернигова никто не приезжал потому что черниговский архиепископ, Лазарь Баранович, послал уже ответ к московскому патриарху от одного себя. Он писал, что о Флорентийском соборе ему немного известно, мало в Чернигове и книг об этом сборище, а подробно напечатано о нем в Острожской истории о соборе, изданной в Москве под названием «Житие преподобного Сергия Радонежского». Историю о Флорентийском соборе Лазарь излагает кратко.

Киевские духовные власти вместе с Димитрием не могли не обидеться на запрос из Москвы, потому что под предлогом

сведений о соборе, патриарх выводил о том, – нет ли среди них «хлебопоклоннической ереси». Так названо в Великороссии латинское мнение, составляющее вероисповедную особенность папства. По этому мнению, на литургии хлеб и вино пресуществляются во время произнесения слов Иисуса Христа: «Приимите ядите, – сие есть тело Мое», а также «Пийте от нея вси, – сия есть кровь Моя»; тогда как по православному учению пресуществление бывает во время следующей затем молитвы священнодействующего «и сотвори убо хлеб сей в честное тело Христа Твоего... преложив духом Твоим святым».

По православному воззрению латиняне преклоняются на литургии перед Святыми Дарами еще тогда, когда они не пресуществлены, а представляют простой лишь хлеб и вино; во время московских споров о пресуществлении, латиняне за это прозваны «хлебопоклонниками», то есть преклоняющимися не пред Святыми Тайнами, а пред простым хлебом и вином. Учение о пресуществлении Даров силою слов Христовых утверждено на Флорентийском соборе.

Патриарх, действительно, своим запросам хотел вывести, нет ли такого мнения, утвержденного Флорентийским собором, и в Малороссийской церкви. Вследствие соприкосновения малороссов с униатами, в Москве подозревали, что ученые там: «на два колена храмлют», на словах льстиво показывают себя принадлежащими к церкви, но держится одних с латинянами убеждений. «Они полны яда латинской отравы..., всевают такие слухи и в простом народе, возмущают его».

Уклончивый ответ Лазаря Барановича и молчание из Киева еще более усилили подозрение патриарха по словам Димитрия, умолчено киевским духовенством в ответе патриарху «о форме освящения святейшей Евхаристии потому, что об этом возбудили вопрос в Москве греко-латинские учителя, вышедшие из Греции»¹¹⁰.

Однако, патриарх считал необходимым выяснить этот вопрос, чтобы предупредить в Малороссии возникновение споров о пресуществлении подобных тем, какие были в Москве.

Хотя он высказывает только одну главную причину своего запроса, именно, что он должен дать ответ Богу за всю паству,

но побуждения у него были шире: кроме религиозных были и политические. Опасались, что и вновь присоединенная Малороссия может порвать неокрепшие политические связи из-за вероисповедных разностей.

Вопрос о времени пресущствления проник в Москву из Малороссии. В Москве представителями «хлебопоклоннической ереси» были малороссы. Лихуды усердно раздували у москвичей подозрения к киевским ученым. Литературная борьба шла полным темпом. Подозрение в неправославии киевских ученых усиливалось в Москве по причине слухов об обрядовых различиях, существующих в Малороссии. Патриарх Досифей указывал на своеобразную одежду киевских монахов, подражавших в этом иезуитам. Священнослужители причащались на литургии не трижды во имя Святой Троицы, как в Великороссии, а однажды, в честь единосущного Сына Божия¹¹¹; московский патриарх обвинял черниговского архиепископа в посвящении за одной литургией нескольких ставленников¹¹². Всё это служило материалом для недоразумений.

Несмотря на старания Москвы, чтобы все это не разглашалось в народе, слухи о московских требованиях объяснений от малороссов, привыкших к свободе, – росли и усиливались. Встревоженный ими гетман Мазепа послал Варлааму Ясинскому «цидульку», где спрашивал, что за сношения у него с патриархом¹¹³. За печорского архимандрита, больного тогда глазами, отвечал гетману Дмитрий Савич особенным письмом, где рассказал, как киевские духовные власти узнали о патриаршей грамоте, как они поручили Иннокентию Монастырскому составить ответ московскому святителю, «а о времени пресущствления отвечать ему не поручено, так как мы все веруем по-старому, как научились от своих отцов», – заключает Димитрий.

Затем Мазепа устно беседовал с архимандритом Кирилловским Иннокентием, казал ему письмо Шакловитого из Москвы и какие-то другие бумаги; Иннокентий хвалил иеромонаха Сильвестра Медведева, защищающего в Москве латинское мнение о пресущствлении Даров, превознося его

труды, ум и веру. Тоже самое подтвердил Иннокентий в письме своем к Мазепе: «Не дело моего ума постигнуть, как совершается пресуществление словами Господа, но сила Божия в немощи совершается, – могу и я что-либо о там написать»¹¹⁴.

Московское литературное движение, переходившее в политическое, служило предметом особенного внимания в Малороссии. Там уже многие читали преследуемую патриархом книгу Сильвестра Медведева «Манну». Ее имел гетман, читали и делали отзыв о ней архимандрит Иннокентий Монастырский и Димитрий Савич. Оба они сравнивали «Манну» с книгою Лихудов, противников Сильвестра, – «Акосом», присланную самим патриархом к митрополиту Гедеону, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому; причем, отдавали предпочтение «Манне», излагающей латинское учение. Иннокентий ничего в греческой книжке «Акосе» не нашел, кроме одной ереси, и стал писать на нее опровержение. Димитрий в 1688 г., сопоставляя «Манну» с «Акосом», делал обильные выписки из того, что отвечал Медведев на Лихудовский «Акос».

Мазепа извещал Шакловитого, что все духовные готовы не только подписаться, что Медведев прав, но готовы за такое мнение и умереть. Гетман так уверял со слов Иннокентия Монастырского. – Во всем этом умственном движении и Димитрий не чужд был увлечения мнениями Монастырского.

Скоро и в Малороссии с литературной почвы споры перешли на церковную. Из Москвы движение перекинулось в Украину. Каждая партия группировалась около одного лица, как около своего знамени. В Москве руководителями движения явились, с одной стороны, греки – братья Лихуды, а с другой, – Сильвестр Медведев; в Киеве же, «по указу митрополита и всего духовного чина», выразителем общего мнения выдвигали Кирилловского архимандрита, друга Димитриева, Иннокентия Монастырского¹¹⁵.

В Киеве смотрели на запросы патриарха, как на одну из многих попыток лишить их канонической независимости, поданную теперь греческими выходцами. Как бы в ответ на обвинения от греческих выходцев, от киевских ученых последовало заявление, что книга Лихудов содержит ереси.

В виду того, что Димитрий во время вопроса о пресуществлении сочувствовал книге Сильвестра Медведева, не прерывал дружеских связей с его малороссийским защитником, Иннокентием Монастырским, – не лишне упомянуть о доводах Иннокентия Монастырского в вопросе о пресуществлении¹¹⁶. Книга его носит такое название «О пресуществлении словесы Христовыми с действием св. Духа совершающемся, Иннокентия Монастырского, киевского, противу Лихудиевых, словеса Христовы бездельны творящих, написанная в лето от воплощения Бога Слова 1689 г. в пост великий». Здесь указывается, что мнение Лихудов противоречит содержанию литургии апостола Иакова и мнению отцов церкви. Лихуды унижают всемогущие Божественные слова Самого Господа «приимите, ядите...» и т. д. и доказывают, что сильнее их на литургии человеческие слова Иакова, Златоуста и Василия Великого. Это похоже на не умершую ещё с XI века ересь Берендария, который учил, что слова Господни: «приимите, ядите...» надо понимать исторически. Так Лихуды пытаются ниспровергнуть Божественное установление. Они учат, что слова Господни произносятся только для воспоминания, и пишут с яростью, называя киевскую лавру униатскою и еретическою.

Иннокентий Монастырский написал и другое сочинение «Опровержение на Акос». Здесь Лихуды обвиняются в недобросовестности. Малороссы, заимствующие науку от иезуитов, считаются ими неправославными; но это – клевета. По милости Божией Малороссийская церковь имеет много свидетелей в неизменной верности православию. Она восставала против иезуитов еще в то время, когда была под властью католика короля Польского, и стояла до крови; имеет мучеников за православную веру: мощи борца за православие, мученика иеромонаха Афанасия и теперь почивают в Бресте Литовском. По всем большим городам Польши есть страдальцы до смерти за веру. Итак, если малороссийская церковь находится в непримиримой борьбе с латинянами, то не ясно ли, что она ни в чем с ними не согласна? Сами Лихуды – лицемеры; они сами никаких убеждений не имеют.

Литературное движение, так пылко начатое, несмотря на сочувствие всех духовных высших лиц, не разрослось, благодаря лишь обычным решительным московским приемам. Подозрительность свою к малороссам патриарх Иоаким питал давно и принял крутые меры. Еще в 1677 году он распорядился, чтобы богослужебные и летописные книги, напечатанные у черкас, не противоречили другим и согласовались во всем с такими же книгами московского издания¹¹⁷. Не спрашивая согласия Киевского митрополита, он присоединил к своему ведомству малороссийские монастыри. Так, в 1686 г. под предлогом, что в белорусской епархии нет «законных архиереев», он поставил в непосредственную зависимость себе Полоцкий Богоявленский монастырь, «доколе, по воле Божией, в той стране собственные архиереи православные устроятся»¹¹⁸. В 1688 году, в разгар споров о пресуществлении киевский митрополит лишен звания всея России», данного царями. В том же году изъята из ведения киевского митрополита черниговская епархия и присоединена к Москве. И сделано это по ничтожной причине: черниговский владыка, Лазарь Баранович, не хотел догадаться, что патриарх Иоаким, спрашивая у него мнение и известия о Флорентийском соборе, требовал этим не сведений о соборе, а высказать свой взгляд¹¹⁹ на время пресуществления св. Даров.

Для Димитрия тем тяжелее были такие отношения с Великороссию, откуда вся Украина ждала лишь порядка и спокойя, что в самой основе церковного управления лежали разные принципы: в Малороссии держались принципа соборного управления, и привыкли ко ставропигиальным привилегиям, в Москве же признавали лишь единоличное управление в духовных делах под наблюдением патриарха. Киевские ученые стремились к научной обоснованности догматического содержания; Московский патриарх признавал того лишь за истинного сына церкви, кто опирается на слова священного писания, святых отцов, «а не силлогизмами и аргументами токмо упражняется». В Московской Руси считали «вся писания Божественна», в том числе и творения восточных отцов, церковные традиции там считались неприкосновенными.

Терпимость даже в обрядах не была в числе московских добродетелей. Поводом к столкновению послужили крепкие допетровские связи в Москве государства и церкви: за политическим приобретением почти всегда следовало и религиозное присоединение. Патриарх зорко следил за жизнью во вновь присоединенных областях. Иоаким стоит за то, чтобы в войсках не было иностранных командиров, чтобы иноверные не командовали православными¹²⁰. В 1675 году вышло запрещение носить немецкое платье¹²¹. Запрещен у Иоакима даже «простой обыкновенный язык» для выражения веры¹²². По присоединении Малороссийской церкви патриарх запретил пускать в пределы русской Украины духовных и светских лиц, выезжающих из Польши, если они не имеют на то разрешения (февраль 1688 г.). В Москве составилось убеждение, что за рубежом обитают только плевосеятель унии и иезуиты¹²³; тогда как Димитрий там то и видел неутомимых борцов против унии и защитников православного народа, живущего среди униатов.

Не только для издания, но и для составления Димитрием Житий Святых, такие обстоятельства принесли много препятствий. Не смотря на повторенный приказ патриарха киевскому высшему духовенству высказаться относительно своего мнения о времени пресуществления св. Даров, – митрополит Гедеон и Киево-Печерский архимандрит медлили ответом с полгода. Московский патриарх стал, наконец, просить вселенского патриарха, чтобы он с прочими восточными патриархами написал малороссийским духовным властям принудительные грамоты. Просьба была подкреплена, по обыкновению, приложением милостыни в 50 золотых¹²⁴.

Иоаким пишет и киевопечерскому архимандриту, уверяя его, что сам он знает о православии иноков лавры, однако просит высказаться по современному горячему вопросу об Евхаристии, чтобы, во-первых, подтвердить истину, а, во-вторых, чтобы посрамить некоторых совратителей, предписывающих и киевопечерским монахам латинские мнения¹²⁵. В число «младомудрецов учившихся у еретиков латин», о которых писал

патриарх, мог относить себя и Димитрий, живший немалое время за литовским рубежом в Слуцке.

Особенно знаменательно для Димитрия осуждение патриархом издания в типографии киевопечерской лавры книги «Выклада». Патриарх, усмотрев в нем латинские мнения, и пишет в Киев, что, вероятно, «Выклад» издан и иезуитами под именем иноков лавры. Ранее всех отвечал на это патриарху опять черниговский владыка, но отвечал в таком независимом тоне относительно своих убеждений об Евхаристии и книге «Выклад», что патриарх еще зорче стал после следить за киевскими изданиями. Лазарь не скрывал своей веры в силу слов Господа «приимите, ядите» для пресуществления, каково учение принято не от латинов, а от греческих, вполне православных учителей. Книга «Выклад», доказывающая это, издана не иезуитами, а жившим свято покойным архимандритом Киевским, Феодосием Сафоновичем. В ней доказательства приведены не из писаний латинских учителей, а из творение восточных отцов церкви, и она вполне согласна со всеми книгами, вышедшими из киевопечерской лавры. Лазарь обещает всегдашнее повиновение патриарху, если оно не будет противно церковным догматам и не нарушит верности Церкви Христовой.

Вздумали было защищать тот же «Выклад» пред патриархом и киевские власти: митрополит, киевопечерский архимандрит и весь духовный собор. Но патриарх в приведенных ими доводах усмотрел, что они еще пребывают в своих обычаях и приводят некоторые основания из учения латинского. Поэтому, посылая им пастырское наставление, Московский святитель требует от них следовать восточной Церкви о пресуществлении, исправиться, согласиться во всем и немедленно ему отвечать. В состав духовного собора киевской митрополии, к которому обращено было такое патриаршее увещание, входил также и Димитрий.

Такие обстоятельства принесли Димитрию немало огорчений.

В разгар обостренных сношений с киевскими духовными властями в начале 1688 г. патриарх вдруг потребовал возвращения себе в Москву Великих Макарьевских Четы

Миней, высланных еще по ходатайству прежнего гетмана Самойловича. Высылка тогда состоялась при содействии В. В. Голицына, с которым теперь патриарх жил не в ладах. Таким образом Димитрий лишился главного источника для своих книжных трудов. Требования патриарха о возвращении книг были направлены к киевскому митрополиту и киевопечерскому архимандриту. Димитрий теперь сам писал патриарху. Он извещал, что книги в монастыре Батуринском держались в его руках, что он со вниманием их читал и получил от них много пользы. Отдаю их вашему святейшеству с благодарением и извещаю, что я в святом послушании, возложенном на меня Малороссийской церковью (1683 г., когда Малороссия еще не была подчинена в духовных делах московскому патриарху) написал житий святых на шесть месяцев, пользуясь книгами м. Макария и других христианских историков. Написанные жития святых читаны некоторыми благородными людьми и подверглись суждению их, а особенно в печерской лавре. Ныне же по желанию многих я хотел бы издать их для духовной пользы христианам, к чему меня понуждает и архимандрит печерский своими письмами. На таковое, не бесполезное (как я думаю) для церкви Божией, дело, прошу вашего верховнейшего архиерейского благословения¹²⁶.

Так книги опять отправлены были в Москву. Ответа от патриарха долго не приходило, а начать печатание, без разрешения патриарха, как было прежде до 1685 г. под властью Константинопольского патриарха, теперь стало неудобным. Лавре удалось испросить себе, в февр. 1688 г., из Москвы все привилегии ставропигии, но в льготной грамоте патриарха умолчано о праве ее распоряжаться печатанием: патриарх желал сам проверять книжное дело киевских ученых. Не получая разрешения на напечатание Четей Миней, решились обойтись без него, так как у Лавры уже была государева грамота на типографию. Первую книгу Четей Миней начали отпечатывать с 2-го июня 1688 года. Сам Димитрий, для наблюдения за этим делом приехал из Батурина в Киев. Жития за месяц сентябрь отпечатали еще до его прибытия, и начали уже следующий¹²⁷. Большая радость была у Димитрия, когда в январе 1689 г. книга

вышла из печати. Труды его не пропали безследно. Книгу внимательно просмотрели все духовные власти, сам митрополит киевский, архиепископ черниговский¹²⁸ и др.

К Московскому патриарху послали от лица печерского архимандрита письмо с извинением в том, что отпечатали Четью Минею, не получивши святительского согласия; в оправдание ссылались на то, что предшественнику Ясинского, архимандриту Гизелю, такое благословение печатать книги дано. При этом, кроме книги Четьи Минеи для самого патриарха, послали такую же и для поднесения Московским царям. Вместе с тем, просили снова выслать в лавру Макарьевские Великие Четьи Минеи для дальнейшего составления Житий Святых.

Патриарх, однако, остался недоволен киевопечерскими властями. Он укорял, что в лавре поступают не по обещанию своему, что им следовало сначала все, написанное в рукописи, до отпечатания послать в Москву на освидетельствование и печатать с разрешения его, патриарха. В новой книге патриарх, как и следовало ожидать, обратил внимание на отношение автора к западным учениям и усмотрел погрешности в ней. По его мнению, там проведено воззрение чуждое православной церкви, именно, – утверждение о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии, о каковом учении даже паписты запретили толковать под угрозами наказаний за это. Кроме того, патриархом замечено, что блаженный Иероним Стридонский отнесен к числу православных учителей. В патриаршей грамоте упомянута, наконец, и косвенная причина недовольства в Москве. Это отпечатание в киевопечерской типографии незадолго перед тем временем книжки «Венец Христов». Патриарх с укором писал, что в «Венце» написано, будто он, патриарх, благословил напечатание, а им не только не поддавалось благословение, но наложено прямое запрещение¹²⁹. Хотя Четья Минея уже была отпечатана и исправление ее, как того желал патриарх, стало невозможным, но он нашел средство исправить ее. Меры исправления киевских книг были уже знакомы; они состояли в удалении из книги листов и в замене их исправленными¹³⁰.

Патриарх потребовал и теперь перепечатать листы в Четьи Минеи, где замечены им ошибки, и раздать тем лицам, у которых приобретены новые Четьи Минеи для замены; а находящиеся в типографии книги отнюдь не выпускать под страхом церковной казни, пока не будут все освидетельствованы самим патриархом, очень теперь занятым другими делами.

Суровый отзыв патриарха должен был удручающе подействовать на скромного от природы Димитрия. Печерский архимандрит и с гетманом ничего не могли предпринять для его утешения. Их ходатайства пред В. В. Голицыным о «Венце Христовом» не были уважены, потому что патриарх не только вел себя независимо от ближнего боярина, но безпрепятственно входя всегда «на верх» к государям для совещания с ними, властно и уверенно действовал, с возрастающе подозрительною внимательностью присматриваясь к киевским ученым.

Димитрий сначала думала отвечать на обвинения патриарха и доказать свои мнения. В своих¹³¹ «заметках к алфавиту» им сделаны выписки из книг Барония о Пресвятой Деве Марии, Дамаскина о рождении ее, Иоанна де-Картагена в защиту учения о непорочном зачатии. Относительно учителей западной церкви им найдено и выписано даже московское свидетельство о почитании их святыми. Так в Великой Четьи Минее митрополита Макария Иероним называется старейшим пресвитером великой римской церкви, просиявшим учительством в церкви Божией; там говорится, что он жил «пресвятейшем житием, на еретиков быть млат и всей христианской истине твердейшее основание»; в евангелии московской печати в житии Ев. Марка прямо называется «святым». В цветной триоди в сырную субботу, в песне 9, Иероним с Германом названы «божественными светильниками». Августин Иппонский называется «божественным» в предисловии к библиям Московской печати. В следованной псалтири, печатанной в Москве же, помещено для благочестивого назидания Августиново предисловие. Таким образом, Августина

не переставали и на востоке почитать, так как он 53 года был учителем ее¹³².

В этих выписках видны ученые приемы Дмитрия. Он легко ориентируется во всевозможных книгах; хорошо знаком и с печатными книгами московской печати, благодаря чему поражает возражателя его же оружием. Мнение Дмитрия непорочном зачатии Девы Марии заметно и после, например, в его собственноручных заметках от 1708 года и в «Поклонении Страстям Господним», где говорится: «поклоняемся Твоему безгрешному зачатию и рождению от св. родителей Иоакима и Анны»¹³³. Повторяется подобное выражение и в проповеди его на день успения Пресвятой Богородицы, так как это было тогда лишь частным благочестивым верованием о безусловной непричастности Пресвятой Девы греху, а не составляло еще вероисповедной догматической католической особенности.

Из последующих обстоятельств выяснилось, что патриарх гневался за напечатание не Четей Миней Дмитрия, а «Венца Христова», за который и после писал новые укоризны киевским духовным властям.

В 1689 году Дмитрий ездил в Москву в свите гетмана Мазепы. Мазепа отправлялся по совету своего покровителя, боярина В. В. Голицына, чтобы доложить царям об окончании летнего крымского похода. Все рассчитывали встретить там приветливый прием. В гетманской свите находилось 200 человек. В том числе ехали и духовные лица: Кирилловский игумен – Иннокентий Монастырский, и Батуринский игумен – Дмитрий Туптало, иеромонахи, 2 белых священника¹³⁴. При игуменах состояли наместники и иеродиаконы. С Дмитрием ехали 2 дьякона, – Петр и Ефрем. Некоторые из духовенства имели особые причины к поездке. Иннокентий Монастырский отправлен собором киевских духовных властей, по требованию Московского патриарха как «муж смиренномудрый преискренно восточной церкви сын, ведущий известно писания святых отец, древних учителей св. Христовы восточной Церкви», чтобы лично говорить в Москве о времени пресуществления Св. Даров¹³⁵, как того желал сам патриарх. Афанасий Заруцкий, глуховской житель, ехал испросить позволения печатать свою книгу, «На

похвалу великих государей». Он так же, как и Димитрий, нуждался в летописях, хранящихся в Москве, для проверки царских родословий. О побуждениях для поездки в Москву других духовных неизвестно. По некоторым свидетельствам, для устного объяснения с патриархом из Киева послано много лиц¹³⁶. Быть может, и Батуринский игумен дан в товарищи своему другу, Иннокентию Монастырскому.

Малороссы с гетманом въехали в Москву 10 августа¹³⁷. Им задолго еще до прибытия готовили пышную встречу. От царей выслана «предорогая карета с окнами». При въезде Мазепы в Москву его встречали с воинскими почестями. Малороссы остановились в большом посольском дворе. Прием отличался приветливостью. Сама царевна София Алексеевна посылала кушанье со своего стола, Мазепу хвалили за победы¹³⁸. Каждому назначено определенное обильное количество корму. Димитрий получал 75 рублей в день (5 алтын).

На другой же день по прибытии их допустили к царю Иоанну Алексеевичу и царевне Софии Алексеевне. Мазепу хвалили тут, как участника крымского похода, помогавшего В. В. Голицыну поразить татар, и поднесли государево жалованье, состоящее из серебряных и золотых вещей. В тот же день Димитрий вместе с гетманом и другими духовными лицами гетманской свиты, представлялись патриарху. Вероятно, тут же у патриарха они видели московских архиереев, занятых теперь борьбою с раскольниками: будущего патриарха России, – митрополита казанского Адриана, а также митрополита Крутицкого Евфимия, митрополита Павла Нижегородского и особенно ненавидевшего папистов Афанасия, архиепископа Холмогорского, изучившего латинское мнение о пресуществлении, как видно из его пометки на «книге о Литургии», – заключавший в себе и латинскую мшу, – что эта книга у него «ради знания латинской бредни»¹³⁹. Тут же был и тобольский митрополит Игнатий Корсаков.

Малороссы попали в Москву самое неудобное для гостьбы время. Только что началась ссора царя Петра Алексеевича с сестрою. В день въезда малороссов царь Пётр уезжал в Троицкий Сергиев монастырь. И Димитрий заметил, что, Царя

Петра на приеме почему-то не было: «был негде в походе», догадывается он¹⁴⁰.

Но народ уже волновался; стрельцам предстояло выбирать на какую сторону встать им в ссоре брата и сестры. Через два дня по прибытии малороссов и патриарх уехал к Троице, а перед своим отъездом из столицы произнес проклятие на царевну Софию за ее приверженность к латинствующей партии. Положение малороссов, приехавших по приглашению фаворита царевны, стало неудобным. Попытки Софии помириться с братом оказались безуспешными. Она послала князя Троекурова звать Петра в Москву, но Петр не ехал. Он потребовал высылки из Москвы стрельцов.

Малороссам стало известно, что книга для государей принята и посланные из киевопечерской лавры для такого отношения иеромонах Сила Журавский, с иеродиаконем Мелетием Трофимовичем и Ильёю Поновским награждены, им пожалованы два меха лисьи хребтовые¹⁴¹. Но и подношение сделано не вовремя: внимание всех было отвлеченно необычайными событиями. Точно также бесполезно оказалось и подношение книги брату временщика Алексею Васильевичу Голицыну¹⁴². От Петра пришло требование выдать Медведева и Шакловитого. Софья уже не скрывала опасности и публично заявила, что брат ищет ее гибели. В. В. Голицына вытребовали к Троице и задержали его там. Сентябрьские новогодние празднества не состоялись за отсутствием патриарха. Признаки народного волнения замечены уже иностранцами, живущими в Москве: они начали выезжать из города, а малороссы должны были ждать или исхода начинавшихся событий или отпуска домой.

Вместо великой чести, приготовляемой пред приездом Мазепы, на него стали смотреть иначе и члены малороссийской свиты. Они стали гостями партии, которая терпела крушение. О Самойловиче сожалели и поговаривали даже о выборе нового гетмана вместо Мазепы¹⁴³.

После окончательного падения временщика Софии, В. В. Голицына 9 сентября малороссы двинулись к Троице, но до монастыря их не допустили, оттуда вышло приказание им

остановиться в селе Воздвиженском. Впрочем, на другой же день им позволили явиться перед светлые царские очи. Для гетмана в посаде был поставлен великолепный шатер. Царь Петр принял его очень милостиво. Здесь также хвалили его со старшинами за службу в крымском походе. Хитрый Мазепа сумел понравиться Петру и уже оболгать своего благодетеля В. Голицына. Петр велел удовлетворить все его челобитные¹⁴⁴.

Когда все таким образом устроилось, тогда и духовные лица Мазепиной свиты могли вздохнуть свободнее. На другой день после приема Мазепы Петром они представились патриарху. По свидетельству Димитрия малороссы часто бывали у него¹⁴⁵. Вероятно, в это время происходили объяснения их о времени пресуществления Св. Даров. Иннокентий Монастырский, изъявивший готовность «стоять и умереть» за латинское учение о пресуществлении силою слов Господних, с упорством защищал свое мнение. Но положение его становилось ложным: он защищал мнение о пресуществлении от лица всех духовных киевских властей, а между тем последние, с киевским митрополитом Гедеоном во главе, послали патриарху уже повинную, что они «всему тому, о чем от Христа... приняла... Церковь, вполне последуют», а равно и учению о «преизряднейшей тайне Св. Евхаристии»¹⁴⁶. В то время, когда Иннокентий говорил за независимость мнения от лица киевского собора, – патриарх имел уже в руках эту грамоту от 22 августа и страшно разгневался на Иннокентия. Где-то узнали, что Монастырский жидовского происхождения, неизвестно кем и посвящен и т.п.; особенно повредило ему близкое знакомство с иеромонахом Сильвестром Медведевым, защитником латинского мнения. Монастырского обвинили, что он ложно выдает свои доказательства за мнение святых отцов, «прокляли» и, наконец, 28 сентября отправили его из России в Украину на 8 подводах со всеми его подчиненными. Книгу его о Пресуществлении после сожгли в Москве, так как нашли ее «полною всяческого злословия»¹⁴⁷.

Во главе духовных малороссов остался у Троицы Батуринский игумен Димитрий Савич. Быть может, по совету опытного политика Мазепы, все малороссы изменили тон.

Теперь с патриархом они говорили «благочестиво и скромно» и во всем согласились с ним¹⁴⁸. О Димитрии московские иерархи слышали и ранее. Его «Руно Орошенное» было распространено и в Москве¹⁴⁹.

Димитрия патриарх благосклонно выслушал, благословил его продолжать Жития Святых и дал образ Божией Матери.

Конец пребывания Димитрия в России омрачился кровавыми событиями. Он упоминает о казнях, свидетелями которых очутились невольны и малороссы: «в бытность нашу в Троицком монастыре казнено трое знатных особ, за некоторый бунт, головы отсечены, а иные кнутом сечены, иным языки резаны, иным уши, и в ссылку разосланы»¹⁵⁰.

Пред отправкою в Украину всем малороссам кормы увеличили втрое. В страхе от всего виденного они спешили скорее выехать. Димитрий содрогался при воспоминании о московских событиях пред своим выездом: в Диарии у него записано: «в путь, в дома своя, с Божиим благословением собираемся. Господи, поспеши!» С крутыми московскими мерами мириться он не мог: не даром в Малороссии говорили, что «и смерть не так страшна, как отсылка в Москву»¹⁵¹. На Димитрия Москва не могла не произвести своеобразного впечатления. Она выдавалась могучею властью, богатством и прочими традициями. Тогда как на Украине не было центральной личности, около которой сосредотачивалась бы политическая жизнь, на Москве все к себе притягивала сильная царская власть. По мановению малолетнего Царя в Москве падало значение временщиков, как Голицын, ставивший Малороссии гетманов, отстранена сама правительница, царевна София Алексеевна. Рядом с Царем Димитрий видел русских правительственных лиц, с жестокой настойчивостью проводящих правительственные виды. На страже охранения царской власти стояло и духовенство; при малороссах раздалось патриаршее проклятие противникам Царя.

Жестокость применялась даже в церковных делах: с настойчивостью «немудрых русаков» в проведении однообразия в церковных верованиях Димитрий ознакомился, как из грамот патриарха, так и из Троицких прений с Монастырским, и,

вообще, знакомые с западной жизнью удивлялись характерным московским порядкам: «немые учителя у дыб стоят в Константиновской башне; вместо Евангелия, огнем просвещают, вместо Апостола, кнутом учат»¹⁵².

Спустя несколько десятков лет сами малороссы переняли такие московские приемы и стоя во главе духовного управления в России отличились такою жестокостью, что имя черкаса надолго служило предметом ненависти великорусского духовенства. Но теперь, на свежий взгляд тихого и скромного Дмитрия, такие порядки приводили его в крайнее недоумение. У Дмитрия скоро обнаружилось опасение, чтобы ему самому не приписали ереси, так строго карающейся в Москве «гражданскими казнями». При первом удобном случае, – 13 февраля следующего года¹⁵³, он послал от лица себя и содержателей типографии объяснения тех мест своей Четьи-Минеи, где патриарх нашел не православный взгляд, – со своим обещанием впредь «пленять разум в послушание».

По прибытии в свой Батуринский монастырь Дмитрий опять занимался составлением Четьи-Минеи. Работа затруднялась недостатком необходимых книг. Помимо пролога житий святых Симеона Метафраста приводилось пользоваться и западными источниками, которые легче было достать, чем выпросить из Москвы Великие Четьи Минеи митрополита Макария. О некоторых святых сведений не доставало, жития других оказывались настолько про странными, что не вмещались в границы монастырских чтений (четей). Дмитрий с неохотой сокращал их, оговариваясь, что более полное описание жития святого можно читать в Великой Четьи-Минеи. Восполняя Четью-Минею, Дмитрий написал и такие жития, которых у митрополита Макария и не находилась¹⁵⁴. Житийное повествование у него уже не ограничивалось передачей сведений о жизни угодника из имеющихся у него греческих, латинских и славянских книг, но пополнено географическими и хронологическими сведениями¹⁵⁵.

Через 4 месяца усидчивой работы можно было приступить уже к напечатанию второй книги Четьи-Минеи за Декабрь, Январь и Февраль. Киевопечерские власти послали в Москву

казнодея Елисея Завадовского с письменной просьбой к патриарху Иоакиму о позволении начать печатание. Вместе с тем, к нему послали исправленные и вновь отпечатанные листы для сентябрьской книги, взамен тех, которые велено удалить. При этом приложили объяснение, составленное Димитрием, относительно Иеронима, что он называется святым и в книгах московской печати, именно: в триоди постной в службе сырной субботы на утрени, в древних виленских и львовских уставах под 15 июля, а также в книге «Жезл» на листе 50. Точно также в оправдание своего мнения о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии сослались на московскую книгу «Жезл» на 5 листе, и на 6 песнь Рождеству Богородицы. За помещение таких мнений в печатной Четьи-Минеи киевопечерские власти приносят оправдание, что так думать, говорить и печатать еще не было запрещено. Исправленные два листа присылают в Москву на соборное определение, обещая полное повиновение и, не оглашая в народ, переменить листы.

Когда Завадовский прибыл в Москву патриарха уже не было в живых, а избрание нового еще не состоялось. Отдать посланные книги было уже некому. Нуждаясь в государевом жаловании, Завадовский пишет тогда самим царям, принять от него исправленные листы для сентябрьской Минеи, так как, по распоряжению покойного патриарха, светские люди не должны знать о них и он отдать их поэтому никому не смеет. На эту просьбу последовал указ, чтобы письма киевопечерской лавры рассмотрели в Малороссийском приказе.

Царь не торопился избранием патриарха. Ему указывали двух кандидатов: – Адриана, митрополита казанского, и Афанасия, архиепископа Холмогорского. Спустя некоторое время был избран Адриан.

Желание Димитрия исполнилось лишь поздней осенью 1690 года, когда во главе великорусской и малороссийской церкви стали лица, вполне оценившие его книжное дело и доверявшие ему. 6 апреля 1690 года умер киевский митрополит Гедеон. Это был человек добрый, тоже сочувствовавший Димитрию, не забывший его и в своем завещании. В монастырь Димитрия он отказал 100 золотых на сорокоуст по себе¹⁵⁶. Но кроме

сочувствия он ничем не мог поддержать Дмитрия, так как сам не имел большого образования, не выдаваясь ни характером, ни умом¹⁵⁷. Вместо него на Киевском соборе 2-го июня избрали в митрополиты архимандрита Варлаама. Возложивши на Дмитрия послушание писать Жития Святых, Варлаам и ранее поддерживал его¹⁵⁸. Поэтому у Дмитрия была теперь полная надежда на нового владыку. И действительно, во время поездки в Москву для своего посвящения в сан митрополита Ясинский сильно ходатайствовал там за Дмитрия. После своего поставления 31 августа 1690 года¹⁵⁹, он просил нового патриарха Адриана содействия как в составлении Житий Святых, так и в печатании их. При этом хвалил усердие и трудолюбие составителя. Новый московский святитель отнесся к труженику с живым сочувствием. Он сам послал свою грамоту ему с выражением своего удовольствия по поводу таких богоугодных трудов по написанию, исправлению и печатанию книги за первые месяцы. Дмитрию важно было то, что святитель, благословляя его на труд составлять Четьи-Минеи на весь год, изъявлял согласие написанные Четьи-Минеи печатать там же в киевской лавре; в патриаршей грамоте предписывалось, чтобы новый Киевский митрополит и новый настоятель киевопечерской лавры оказывали составителю всякие содействия.

Грамоту от патриарха привез в Батурин Дмитрию сам митрополит Варлаам. С великою радостью принял Дмитрий святительское послание и отвечал на него письмом, где горячо благодарил за милость. Вместе с тем, не без ведома Ясинского, от него изложена в том же письме просьба выслать ему Великие Четьи-Минеи за Декабрь, Январь и Февраль для составления и проверки своей второй книги Житий Святых, так как в первый раз ее присылали из Москвы на такое краткое время, что ему некогда было их прочесть и заимствовать то, что надобно¹⁶⁰.
Стр.94

Разнообразный состав книг под руками, при недостатке необходимых и надежных исторических источников, заставлял Дмитрия относиться критически к показаниям не только западных, но и книг московской печати. Хронология тех и других

оказывалась неодинаковою. Предстоял старательный труд согласовать летоисчисления библейское, святоотеческое и западное. Для облегчения в занятиях он сам составил грекоримский календарь, затем хронологический перечень событий русского государства, каталог греческих царей, достал себе «Каталог епископов и патриархов» Византийской церкви, составленный по сочинениям Никифора Каллиста Ксанфопула, Константина Арменопула, Филиппа Кипрянина.

О киевских митрополитах Димитрий сочинил особый «каталог» с кратким о них летописцем; тут же присоединены у него известия и о великорусских иерархах. При составлении каталогов и хронологических дат он пользовался, как видно из его упоминаний, сочинением Яна Губовича, архимандрита Германского «о церковной иерархии», летописцем Нестора, Палинодией, патериком Коссова и московским хронографом.

При таком критическом отношении к источникам церковной истории изложение Житий Святых, однако, сделано не в виде простого сухого перечня событий. Составитель, видимо, сам переживал в душе своей внутреннее состояние подвижников и мучеников. Иногда его сочувствие угоднику изливалось даже в стихотворной форме. – Беззаветно отдавшись любимому занятию, углубясь в книжные занятия до увлечения ими, Димитрий должен был отзываться и на окружающие его события. Тесное сближение у него было с Киевским митрополитом. Приемы управления Ясинского сначала ставропигиальной лаврой, а потом епархией, несомненно, оказали влияние на него. Так как в западном крае иезуиты при распространении унии старались больше всего о влиянии иерархии на паству, то и православные в противовес им должны были усилить значение своего духовенства. В 1691 году митрополит Варлаам созвал в Киеве собор из духовенства, где постановлено обратить внимание на значение исповеди и деятельность духовников, в особенности, на усиление школьного образования, чтобы дети могли впоследствии с успехом занимать священнослужительские должности. Положение митрополита требовало немалого такта и сноровки; паства его была разнообразная. Он обязан был подчиняться

власти московского патриарха в духовных делах только той части своей паствы, которая состояла в подданстве у Москвы. Но у него была еще православная паства, состоящая из польских подданных, как мирян, так и духовенства. Левобережная Украина в духовных делах вся подчинялась Москве, а часть левобережной привыкла считать своим главою все еще Константинопольского патриарха. Польским подданным, как, например, епархии Белорусской небезопасно было бы искать благословение не у Константинопольского патриарха, духовная власть которого признавалась и польским королем. Затруднительны были отношения и к епархиальным малороссийским архиереям. Епископ Могилевский Иосиф Шумлянский только по имени считался православным, а на деле был униатом. Митрополит Варлаам вынужден был жаловаться на него московским царям. За территориальную целостность епархии ему приходилось бороться с Черниговским архиепископом Лазарем Барановичем. Такое положение порождало своеобразные недоразумения; например, считая себя независимым от Московского патриарха по делам духовенства польской нации, Варлаам поставил во епископа Луцкого женатого на вдове и разведенного с нею Дионисия Жабокритского, в надежде испросить на то разрешение от восточных патриархов, помимо московского, так как Луцк находился в Польше. Составляемые Четьи-Минеи должны были способствовать религиозному самосознанию всей православной паствы и объединению ее. Сознвая такое значение своего труда для церкви, под воздействием киевского владыки, Димитрий усиленно «денно ношно», как он говорил, занимался составлением их, насколько позволяла ему это жизнь подле шумной гетманской резиденции. Он отрывался от дела только для церковного служения, которое давно стало для него насущною духовною пищею. Еще в ранней молодости он не пропускал утренних богослужений. Если случалось в ночь долго работать, он засыпал перед утреною, не раздеваясь¹⁶¹. Народные и религиозные процессии находили в нем непременно участника. Так в 1690 году он вторично ездил на поклонении Руденской иконе Божией Матери по случаю

перенесения ее из Рудни¹⁶² в Киев. 13 января 1691 г. гетман разрешил перенести из войсковой Казенной палаты в Батурине в монастырь к Димитрию часть мощей св. великомученицы Варвары. По случаю перенесения мощей Димитрий установил каждый вторник петь ей в монастыре молебен. Мощи св. мученицы оказались в Батурине по следующим обстоятельствам. В год рождения св. Димитрия Киев взят был Радзивилом. Завоеватель пожелал получить две части мощей мученицы от персей и от ребра. Одну он сохранил для своей супруги, бывшей дочери господаря Воложского, которая завещала ее перед смертью митрополиту Киевскому Иосифу Тукальскому. Так оказалась эта часть мощей сначала в Каневе, а потом в левобережной резиденции гетманов – Батурине¹⁶³. Подлинность ее засвидетельствована, по словам Димитрия, в книге «Выклад», составленной Феодосием Сафоновичем, игуменом того Михайловского монастыря, где находятся мощи св. муч. Варвары. Когда Димитрий узнал, что святыня лежит в войсковой казне среди денежных ценностей, то испросил у гетмана позволения взять ее в свою обитель.

Должно быть, Димитрию приходилось выслушивать сомнения о том, – подлинные ли это мощи св. Варвары. В защиту мощей «патрона» своего Димитрий написал рассказ о чудесной помощи мученицы киевскому райцу Иоанну Сафоновичу. Во время своей болезни Сафонович пожелал взять воды от мощей св. Варвары. Во сне после этого он видит саму мученицу, которая сказала: «многие не верят, что и мощи мои есть в Михайловском монастыре, а ты веруй и другим поведай, чтобы веровали». Иоанн Сафонович сообщил о видении своему брату Феодосию. Благоговейное почитание этой мученицы побудило Димитрия записать случаи чудесной помощи умирающим, обращающихся с молитвою к ней. Так, один человек, осужденный на смерть, по молитвам к ней не был казнен, пока не причастился Святых Тайн; все просящие ее, по словам Димитрия, не умрут без причастия; кто боится без причастия умереть, – тот должен обращаться к ней; один монах, пренебрегавший помощью святой Варвары, умер не сподобившись Святых Тайн; а другой, призывая святую

мученицу Варвару сподобился принять Их из рук ангела¹⁶⁴. В последствии Димитрий написал житие святой мученицы Варвары для Четьи-Миней, издал его и отдельной книжкой¹⁶⁵. Он особенно почитал эту святую и записывал все известные ему случаи благодатной помощи от ее мощей.

Так Димитрий умел совместить свои любимые занятия: и книжное, и церковное. Он находит время следить за жизнью своих знакомых, считает годы их службы, бед и страданий, оплакивает кончину их¹⁶⁶.

За то он и пользовался особенным уважением всех, кто только его знал. Его отличали как митрополиты киевские, Гедеон и Варлаам, так и другие монашествующие. Заметно стремление знающих Димитрия принять от его рук пострижение. По прибытию из Москвы в январе 1690 года он подстригает в монашество больную Ангелину, а в апреле Порфирия, Мартиниана и Климентия¹⁶⁷. Со своей стороны, и Димитрий с особенной любовью относился к своим постриженникам, относя дни пострижения иноков к замечательным дням своей жизни и отмечая их в своем дневнике наравне с выдающимися событиями, например, землетрясений, затмений солнца, явлением кометы, полета саранчи, смерти близких знакомых.

Как любили Димитрия знавшие его, показывают подарки, им получаемые, и доверие к нему. Митрополит Гедеон перед своею смертью завещает Димитрию деньги на поминовение по себе; Феодосий Гугуревич оставляет ему от себя книгу, – «Nomenclator Marianus. Romae. 1649».

Был такой случай. Один монах Кирилловского монастыря по имени Феофан несколько лет тому (1684 г.) назад решил ехать за рубеж, чтобы учиться в иностранных коллегиях. Это было тогда в обычае, но Димитрию отъезд его был не по сердцу. «Бог весть, зачем он едет?», – думал он тогда о своем постриженнике. Теперь этот самый Феофан вернулся из заграницы назад, побывавши в Париже, Бари, Риме и проч., ознакомленный там с западною наукою¹⁶⁸. При свидании с ним Димитрий забыл уже свое прежнее недовольство. Впоследствии он хвалил даже обычай посылать людей за границу для науки, смело говорил об этом в церковной проповеди пред

московскими людьми, не перестававшими верить, что вредно знакомиться с немцами¹⁶⁹, ради их прелести, чтобы веру не отменили бы и не пристали к иным¹⁷⁰.

Широко поставленное хозяйство тогдашних монастырей также не мало занимало Дмитрия. До штатов 1764 года как великорусские, так и малороссийские монастыри владели земельной собственностью, которая сопряжена везде и всегда с хозяйственными заботами. В монастырях не только держались волы и кони для пахоты; но на землях за игуменами и епископами жили крестьяне, так же, как и за казаками. Для добывания средств к своему содержанию практиковались все возможные занятия до винокурения включительно.

Дмитрий в дар своему монастырю получил 2 февраля 1691 г. от самого гетмана Мазепы «житные торги»¹⁷¹, то есть – пошлину с торговцев в Батурине хлебом. Урожаи тоже озабочивали его. В августе 1690 г. Дмитрий записал пролет саранчи. Она появилась в этом году в такой массе, что опустошила засеянные поля, целыми грудками оставалась на земле и гнила. Скот, поедавший ее с травой, заболел. Запах саранчи отзывался даже на мясе скота. Настала страшная дороговизна продуктов¹⁷². Объем хозяйства Дмитрия рос, благодаря расположению к нему властей не только малороссийских, но и великорусских. Так в 1689 г. московские цари на подношение Дмитриевых Четей-Миней ответили жалованной грамотой на угодья Крупицкого Батуринского монастыря. Грамотой утверждались за игуменом Дмитрием все владения и угодья на реках Сейме, Ромне, Куш, Ушуруна, присвоенные монастырю разными гетманами, пуши с борями, сенными покосами, озерами и лесами, до 10 мельниц, поля, острова, сады, пчельники: Старое, Заборошное, Кривое, Лозовица, Осечье, село Обмачев, Красный Борок, Лицетовщина, Хмилово, сельца в Овручском повете Торчинка и Могильная земля, вотчины Любетово, Заболотово, Озаричи, село Спасского поля с Божком. Все эти вотчины угодья и оброчные статьи требовали внимания и умелого управления со стороны игумена.

Жизнь близ гетманской резиденции не позволяла Димитрию быть замкнутым. К нему приезжали разные духовные лица Украины, являвшиеся гетману и имевшие нужду до него. Благодаря этому, он был в курсе всех политических и церковных событий Украины. Так в 1692 году он ждал к себе архимандрита Новгород-Северского монастыря Феодосия Углицкого, поставленного во епископа в Москве на черниговскую епархию вместо престарелого Лазаря Барановича и по просьбе последнего, так как новый епископ обязан был после посвящения в Москве явиться к гетману.

Между тем события стали тревожными. Поговаривали уже о политическом отделении Украины от Москвы, чтобы отдаться Польше. На Мазепу составляли доносы. В Батурин приезжали узнавать о положении дел даже лица духовные. Киевский митрополит Варлаам Ясинский тоже был встревожен ходившими слухами о грядущих переменах. От него в Батурин приезжала игуменья киевского подольского Фроловского монастыря для проверки слухов в самой столице гетмана.

С одной стороны, тревожное течение событий, обстоятельств, а с другой, – понуждения митрополита Варлаама продолжать составление Четвы Минеи заставило Димитрия оставить, ради книжных занятий, управление обителью. 14 февраля 1692 года последовал его новый отказ от игуменства. Хотя митрополит Варлаам и назначил другого игумена, Пахомия Ходоровича, но не желал и Димитрия оставить без повышения. Он подал гетману проект, чтобы в виду важности Батурина, как местопребывания гетмана, учредить там протопопию, для монастырей же сделать архимандрию и архимандритом поставить пречестного отца Димитрия, вверив ему власть над Батуринскими монастырями: Глуховским, Максановским и другими¹⁷³. Проект, однако, остался невыполненным.

Димитрий, отказавшись от управления монастырем, поселился в келье, выстроенной им еще в 1691 году и освященной 18 октября. Изящество вкуса Димитрия сказалось в самом устройстве кельи. Она была дубовая, вся расписана ветками и цветами и долго после него сохранялась¹⁷⁴.

Теперь в этой кельи Дмитрий все свое время употреблял на писание житий святых. Над Великими Четьями-Минеями, высланными из Москвы, он трудился всю зиму, а весной еще в Великий пост 1693 г. из Гданьска (принадлежавшего тогда Польше) прислали ему «Acta Sanctorum» Болландистов. «Акты святых» дали богатый новый материал для Четьи-Минеи. Написанные жития предстояло исправить по ним, а те жития, каких не было в Великих Четьях-Минеях и у Сурия, – составить вновь по актам. Так им составлено заимствованное из Болландистов житие Петра Севастийского на 9 января, Дорофея, Христины и дружины их на 6 февраля. Такие исправления своевременно втиснуты в напечатанную вторую книгу за Декабрь, Январь и Февраль. Что касается уже напечатанной первой части, то Дмитрий составлял особую тетрадь пополнений для второго ее напечатания. Тетрадь эта в последствии хранилась и осталась в его библиотеке¹⁷⁵.

Быстро, уже в мае (9) месяце того года, вторая книга приготовлена к печати. Дмитрий сам поехал в киевopечepскую лавру для наблюдения за типографскими работами¹⁷⁶. Впрочем, ему привилось целых 2 месяца, с 9 мая по 10 июля, ожидать начала работ по печатанию.

Дмитрий опять нашел себе отдых на короткое время в родной семье перед новыми усидчивым трудом. Савва Григорьевич состоял тогда ктиторм Кирилловского монастыря. Игуменом этого монастыря состоял все еще ближний друг Дмитрия, архимандрит Иннокентий Монастырский. К нему тоже он наезжал, участвуя как в богослужении, так и в проповеди. Сохранилось слово¹⁷⁷ Дмитрия, сказанное им тогда в этой обители.

В этом слове, произнесенном в присутствии таких лиц, которых он давно знал из молодости любил, мы видим будущего архипастыря. Течение речи поражает добродушием и простотой. Это – простое толкование простой молитвы «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»: как сын должен почитать отца, и человек обязан воздавать славу Отцу Небесному, говорит тут Дмитрий. Как почтительный сын не смеет при своем отце присесть, но стоит при нем «шапочку снявши», – с подобными

выражениями своего почтения надо относиться к Богу. Так и ангелы на небе пред Богом закрывают двумя крыльями свои лица, двумя ноги и двумя летают. Сын Божий говорит, что он прославил Отца своими страданиями. Прославили Отца своими страданиями и мученики. Но какими страданиями мы его прославим? Нет у нас теперь Перунов, Волосов, Лад, Купал. На местах их – святые церкви. Однако идолы есть: Златоуст утверждает, что у нас есть различные виды идолослужения. «Объясни же нам учитель святой, скажи хоть единого идола, чтоб его как некогда Перуна в Киеве сокрушить!» Слушайте же, что нам тот святой учитель скажет: «Не говори мне, что не кланяешься золотому кумиру, но то мне скажи, не делаешь ли того, что повелевает злато!» У тебя идол не на холме Киевских гор, а в шкатулке, а идолослужение – в сердце! Что бы золото ни сказало тебе, ты слушаешь его, как крещеный идолопоклонник. Смирением мы должны прославлять Бога. «В чистом улье бывает много меду: много даров Святого Духа и в чистом сердце. Откуда выйдут пчелы, на их место летят осы и ядовитые шершни: откуда прогнан Дух Святой скверными делами, туда много наберется ос, – жал греховных. Неправда бы то было, если бы кто господина полновластного из дому нахально «выпихал в шею», а мы изгоняем Святого Духа скверными делами и вместо него поселяем идолов.

Таково было содержание проповеди. Речь на родном малороссийском языке о почтении к отцу в присутствии Саввы Григорьевича, упоминание о языческих киевских древностях на самом месте древнего нахождения их, упоминание о пчеловодстве, занятие киевлян, – поражает жизненностью, сердечностью и произвела, вероятно, сильное действие на присутствующих.

Теперь мешали естественности речи одни лишь насильственные попытки истолковать, что ноги у ангелов означают нашу низость, а глава их честь. Натянуты также некоторые сравнения. Рутинна также схоластическая манера упоминать языческие имена и ссылка на западных писателей, из которых Франциску приписана им полнота духа (*Spiritu elevatus*).

В это время в Печерской лавре Дмитрия окружали лица, относящиеся к нему с любовью. Там просматривали целым собором его Четьи-Минею за Декабрь, Январь и Февраль. Это вменено в обязанность Печерскому архимандриту еще патриархом Иоакимом. Помимо этого приказания, в Киеве был обычай, чтобы авторы давали свои произведения до напечатания их читать своим знакомым, во избежание неточностей и недосмотров.

Под наблюдением киевских духовных властей напечатание Четьи-Минеи началось и продолжалось до 1695 года. В январе уже и вторая книга увидела свет. Из Печерской лавры отправлено в Москву по поводу окончания книжного предприятия, несколько послов и несколько грамот. По желанию Дмитрия поехали туда соборные киевопечерские старцы, строитель Троицкого больничного монастыря и смотритель киевопечерской типографии, иеромонах Софроний. В грамоте от киевского митрополита заключалась просьба о том, чтобы московский святитель милостиво принял отпечатанную Четью-Минею и благословил игумена Дмитрия, пречестного трудолюбца, за его усердие, а равно и разрешил продолжение «Житий Святых». Киевский владыка давал обещание опять следить за написанием и отпечатанием их. Гетман Мазепа тоже, со своей стороны, грамотою от 8 февраля из Лубен, извещает патриарха о желании, чтобы Дмитрий окончил писание «Житий Святых». Особая грамота от 26 февраля к патриарху о том же послана и от печерского архимандрита с братией¹⁷⁸.

Писал патриарху и сам труженик над Четьями Минеями. Называя себя подножием патриарха, посылая ему поклон до лица земного, Дмитрий просит принять книгу, как плод патриаршего благословения и молитв; извиняется, затем, что она не в переплете, благодарит патриарха, что своею прежнею грамотою «возбудил и возставил» его на труд. «Благословение ваше архипастырское (т.е. грамоту патриарха от 1690 г.), я дерзнул в эту новую книгу вложить для лучшего ее украшения» и подтверждения читателям именем патриарха, что описанные чудесные деяния несомненны. В заключение Дмитрий просит патриарха опять выслать ему Великие Четьи-Минеи митр.

Макария на Март, Апрель и Май для соглашения имеющихся при составлении под руками книжных источников; равным образом, дать патриаршее благословение ему продолжать четиминейный труд, а киевскому митрополиту по-прежнему прочитывать написанное: «о сем благоволи святейшество ваше к его преосвященству (м. Варлааму) особо писать»¹⁷⁹. В предупреждение недоразумений, какие были при представлении первой книги Четьи, в предисловии ко второй книге все неточности, замеченные патриархом Иоакимом и самим автором, были оговорены и исправлены, например, о времени кончины Св. Анны, матери Богородицы, о числе гвоздей, которыми пригвоздили Спасителя, о смешении имен Михаила Травля и Михаила Рангаве. При этом излагается и просьба к читателю исправить все погрешности, какие только окажутся в книге.

Вторую книгу Четьи-Минеи приняли в Москве несравненно милостивее, чем первую при старом патриархе. Сам патриарх Адриан лично писал Димитрию, как своему «возлюбленному сыну и люботруднику в книгословоправлении». Труду его приписывается особенная важность и выражается молитвенное патриаршее пожелание окончить полезное для всей церкви дела на весь год. Составителю «Житий Святых» патриарх желает долголетнего благополучного здоровья и заслужить небесной участи с ними¹⁸⁰. В награду Димитрию за труды патриарх пожаловал 10 рублей. Внимание патриарха к Димитрию не ослабевало и после. На подношение Четьи-Минеи чрез год он ответил присылкою ему книги православного «катехизиса», вновь переведенного с греческого языка на славянский и изданного в Москве, «для выражения любви (своей) архипастырской» к Димитрию¹⁸¹. Разрешено было Печерской лавре вновь отпечатать «Руно Орошенное» Димитрия.

Адриан в особой грамоте от 29 мая 1695 г. умолял киевского митрополита Варлаама, чтобы уговорить благого мужа, игумена Димитрия, исполненного разумом и люботрудием, как опытного и тщательного писателя – не оставлять начатого дела, пока оно не окончится. Отдельные

патриаршие грамоты с выражениями удовольствия и благопожеланий от святителя получили и гетман Мазепа и киевопечерский архимандрит¹⁸². Милость патриарха так радовала Дмитрия, что он мечтал следующую третью книгу Четей везти в Москву сам¹⁸³.

Патриарх Адриан возложил на Дмитрия новое поручение – написать житие кизических мучеников.

Когда Адриан состоял митрополитом в Казани, то в 1687 году поселившиеся там русские люди страдали от эпидемической болезни «трясавицы». Местных татар болезнь щадила, как будто их «Господь оставляет здесь хорошо жить». Адриан по этому поводу для ободрения христиан выстроил в 1688 году храм в Казани во имя кизических мучеников, подающих по верованию Церкви безмездное врачевство. К Дмитрию теперь послана была из патриаршего дома грамота написать житие их, а равно описать и сооружение храма в Казани. В 1694 году Дмитрий уже закончил этот труд и представил в Москву¹⁸⁴, извлеки сведения о кизических мучениках из Болландистов, церковной истории Созомена и Корнелия а Ляпиде¹⁸⁵.

Но и при таком благоволении к Дмитрию патриарха судьба грозила ему новыми испытаниями. Поднимались смуты, омрачавшие светлые отношения патриарха Адриана. Печерский архимандрит Мелетий Вуяхевич, на которого тоже возложено было помогать делу Дмитрия, ничем не проявлял себя, кроме упорства ехать в Москву к патриарху для поставления¹⁸⁶ и ссорю с инокaми. Патриарх по доносу чернеца Иерофея даже запретил ему священнослужение за то, что он, будто бы, изгоняет чернецов из лавры. В епархиальной жизни в Киеве тоже возникли недоразумения, могущие киевское духовенство вовлечь в столкновение с Московским патриархом, как, например, поставление во епископа Луцкого и Острожского такого человека, который жил в разводе с своею женою. В это дело втянули даже друга Дмитрия, – префекта школ Стефана Яворского. У Дмитрия еще на памяти были пререкания с Московским патриархом Иоакимом, отражавшиеся и на его занятиях Четьями. Он теперь опасался коварств вражиих¹⁸⁷.

Еще во время печатания второй книги его назначили игуменом в Глуховской монастырь¹⁸⁸. Димитрий теперь уединился там и занялся устройством обители в хозяйственном отношении, он улучшал постройки, между прочим проектировал новую соборную церковь. Испрошена на это грамота митрополита, заключен и договор с подрядчиками. Однако, события церковные и политические не переставали интересовать Димитрия.

Умер 1693 г. 3 сентября в Чернигове архиепископ Лазарь Баранович, – этот «столп церквей», как называет его Димитрий. Недолго спустя, 1696 г. 6 февраля, скончался и его преемник, св. Феодосий Углицкий; в начале 1696 г. пришла весть о кончине московского царя Иоанна Алексеевича. В том же году последовала смерть друга Димитрия, игумена Иннокентия Монастырского.

В 1696 году Димитрию предложили занять место игумена в Кирилловском монастыре, где ктиторм состоял его отец, Савва Григорьевич. Он сначала отказался, но после был «убежден принять игуменство». Жить здесь ему почти не удалось: будучи определен сюда в начале 1696 г., он 20-го июня получает уже другое назначение в архимандрита Елецкого Успенского монастыря, близ Чернигова, вместо Иоанна Максимовича¹⁸⁹, который по смерти св. Феодосия Углицкого возведен в сан Черниговского епископа. Посвящение в сан архимандрита совершил епископ Иоанн. Это назначение он считал уже честью, которая превышала его силы, как писал он на поздравления из Москвы от Феолога; в то же время Димитрий не переставал управлять и Глуховским монастырем в течение 3 лет. Ему помогал в этом его наместник, Ипполит.

При приеме Елецкого монастыря там оказалась и денежная казна¹⁹⁰ и немалые земельные владения. Так, когда новый игумен через месяц собрался ехать в Батурин, Киев и Глухов, то его осадили просьбами о деньгах: монахи просили выдать им «зажитое», отец Геннадий заявил, что у него мало денег на расходы. Отправляющийся тогда же в Нежин наместник Ипполит заявил, что и ему надо деньги. По возвращении Димитрия из Глухова опять к нему приступил казначей за

деньгами. При смене казначея новым, в декабре того года, тоже оказались такие же надобности. Так и перед каждым выездом архимандрита из обители выдавались деньги братии, «бо згола неотколь взяти». С лежащей суммы израсходовано у Дмитрия за все его управление 544 злотых и «шагов три». Казна монастыря, однако, при Дмитрии не убыла, а возросла, потому что были жертвователи, в роде пана бунчукового, обозного и самого гетмана, так, что, принявши в 1697 году сто битых талеров, он при сдаче монастыря оставил их 1000.

В Елецком монастыре Дмитрий усердно поддерживал довольно широко поставленное хозяйство по селам Овдеевцы, Горбове, Середницы и Святых Ризниках, наблюдал за посевами, сенокосом, умолотом, скотоводством, пасекою, запасами хлеба и сена. За время управления Дмитрия утварь по церкви увеличилась владными вещами от пани обозной и самого пана обозного. Сам гетман внес в виде пожертвования 300 золотых чеками. Земельные угодья прикупал и сам Дмитрий¹⁹¹.

На Дмитрия сразу пала обязанность защищать границы земельных монастырских владений и крестьян, живших на них. У гетмана разбирались челобитные Елецкого архимандрита с братией на Шабельника, захватившего монастырский сенокос; на черниговских людей, притеснявших «онисовцев», подана была жалоба Черниговскому полковнику Лизогубу¹⁹².

За это время в голодную зиму 1699 г. Дмитрий показал себя сострадательным к бедному крестьянину. По распоряжению его на лежащую казну монастырскую покупали хлеб и в самой обители кормили голодных¹⁹³. По отметке Дмитрия оказалось потраченным на это 250 грошей золотых. Впрочем, эта сумма покрыта отчасти щедрым пожертвованием богобоязненного пана бунчукового в 150 золотых.

Монастырское хозяйство, как и владение, так и управление, считалось в Украине независимым ни от кого. Приобретение земельных владений еще не стеснялось правительством, как в Великороссии. Дмитрий показал себя распорядительным и точным хозяином, сберегающим средства на черный день. Он имел в это время собственных лошадей: при отъезде из

монастыря на прощание он оставил в подарок обители 6 своих собственных¹⁹⁴.

Через 3 месяца после вступления в должность он предпринял поездку в Батурин, затем в Глуховской монастырь и в Киев. Целью ее, по всей вероятности, было освящение той самой церкви в Глухове, которую он же и начал строением в 1693 году. В Киеве он навестил не только родных своих, но и принял участие в храмовом празднике Михайловского Златоверхого монастыря. Здесь им произнесено сохранившееся до нас слово¹⁹⁵, на текст: «ополчится ангел Господень окрест боящихся Его». 8 ноября в тот год пало на 23 неделю по пятидесятнице, когда читается Евангелие об изгнании бесов. Сопоставляя дневной праздник с этим Евангельским событием, проповедник находит, что Св. церковь, как будто бы «собор ангельский с легионом бесовским к битве сводит, где... Христос, предводительствуя, в страну Гадаринскую сходит, а при Нем воевода сил безплотных со всеми полками ангельскими туда же вступает, вооруженный на древнего неприятеля. Итак, пришедши Иисусу в страну Гадаринскую, Михаил и ангелы его брань сотвориша с змием». Сделавши такое любопытное, в схоластическом духе, сопоставление, проповедник говорит далее, что борьба у ангелов идет за нас людей, указывает, затем, имена и должности архангелов, защищающих нас, и объясняет значение 7-ми рогов апокалиптического змия, враждующего против людей. В этом слове уже просачиваются живые талантливые сравнения, свойственные Димитрию, но оратор еще очень осторожно допускает вольности и отступления от тогдашних правил «сложения» проповедей.

Что касается причины поездки в Батурин, то из сопоставления писем и фактов можно заключить, что Димитрий ездил искать защиты гетмана. С Черниговским владыкою благодушных отношений у него не заметно, так что его, с монастырскою братиею, нашел необходимым защищать сам московский патриарх Адриан. В письме своем от 1-го февраля 1698 года патриарх успокаивает Димитрия, что им уже написано Черниговскому владыке не обидеть их и вникать в нужды («требования») «любовию и рукою»; только просит не оставлять

дела составления «Житий Святых» и сам посылает на издержки по этому делу 20 червонцев¹⁹⁶. За Дмитрия в Москве теперь стояли его друзья, посылавшие ему свои письма, помогавшие ему не одними молитвами о книжном деле и радовавшиеся его возвышению¹⁹⁷. Вероятно, они сообщили патриарху и об отношениях Черниговского епископа к Дмитрию.

Епископу Иоанну Максимовичу патриарх писал: «известился я, что близ тебя ныне в Черниговском Елецком монастыре трудится в общественном книжном словоделии пречестный архимандрит Дмитрий, составляющий «Жития Святых». Просим твою любовь, – вспомоществуй твоею рукою ему, когда нужно будет... окажи ему любовь с благодушием на пользу церкви».

У черниговской кафедры существовали какие-то наследственные недоразумения с духовенством, управляемых Дмитрием монастырей, которые разрешались при посредстве высших светских и духовных властей. Праздник Рождества Христова Дмитрий провел с епископом, произнес даже это слово в этот день¹⁹⁸. Но недоразумения у них возобновились, как скоро Дмитрия перевели из Елецкого монастыря в Новгород-Северский. Этот монастырь считался богаче и архиерейского дома. Лазарь Баранович высказывал убеждение, что в нем лучше, чем в Чернигове; есть при нем и земли, и мельница. Некоторые монастырские вотчины он, поэтому, своею властью присоединил к кафедре, а о присоединении других были заявлены просьбы перед гетманом.

Мазепа незадолго пред этим приезжал в Чернигов и узнал об этом от самого епископа. В начале управления Дмитрием монастырем, из Батурина вышел гетманский приказ, чтоб спорную слободу Юриновку от Новгород-Северского монастыря взять в Черниговский архиерейский дом. Должно быть, Дмитрий протестовал против такого решения, потому что гетман писал ему: «извольте, ваше преподобие, ничем не оправдываясь и нас больше не тревожа просьбами, ту слободу Юриновку отдать кафедре»¹⁹⁹.

Во время пребывания Дмитрия в черниговских монастырях у него вышло из печати несколько сочинений.

Отдельно отпечатана его книжка «жизнь великомученицы Варвары» (1698 г.)²⁰⁰. Им же написана псалма великомученику Димитрию Солунскому²⁰¹, «Апология», появившаяся из печати 1700 г.²⁰² В это время у Димитрия зрели другие литературные планы. Когда он составлял «Жития Святых», то нашел полезным издать эти же жития в сокращенном виде в одной небольшой книге, в порядке месяцеслова, и назвать ее по древнему обычаю, «мученикословием» (Мартирология), потому что пространные жития святых не всякий может иметь по их дороговизне; но если и приобретет их, то, за обычными недосугами, прочитать их ежедневно не может; бывает так, что некоторые люди привыкли воздавать почитание святым особым им поклоном на каждый день; а так как в месяцесловах написано не о всех святых, то Димитрий и решил собрать краткие жития святых.

Так появилась новая книга, – «Мартиролог вкратце, в обители Спаса Новгородка Северского новонаписанный, в лето 1700». Из Киевопечерской лавры от имени архимандрита Иосафа Кроковского снарядили опять посольство в Москву для поднесения книги патриарху. Но этот раз ехал соборный старец, писал Гавриил Филиппович и проповедник, Амвросий Слонимский.

В Москве приняли послов ласково, положили жалование каждому из них деньгами, съестными припасами и обласкали их. После того, как ими поднесена была отпечатанная третья книга «Житий Святых», их отпустили домой с пожалованием 61 руб. на всю свиту и корму на 10 дней²⁰³. Выход третьей книги Четьи- Минеи отмечен в летописи, что появление ее в свете наполнило духовной радостью сердца книжных людей²⁰⁴.

От Киевопечерской лавры в это время самому составителю Димитрию архимандрит Кроковский прислал образ Пресв. Богородицы, замечательный тем, что он подарен царем Алексеем Михайловичем киевскому митрополиту, Петру Могиле²⁰⁵. Сам Димитрий не скрывал своей радости по поводу выхода 3 книги житий. В письме своем к Феологу²⁰⁶ он выражает задушевное свое желание: «О, бы сподобил мя Господь и последние три месяца написать!». В Новгород Северском

монастыре у Димитрия завелись новые знакомства; так, большим приятелем был новгородский гражданин пан Доморца, который переписывался с ним и после²⁰⁷. Вращаясь среди всех выдающихся событий своего времени, по-видимому, глубоко поглощенный возложенными поручениями, Димитрий Савич за это время обнаружил глубокое религиозное чувство и необычайное смирение. Так, у него в Диарии тщательно отмечены чудеса, происходящие от Чудотворных икон Божией Матери, подобные тем, какие были у него описаны в «Руне Орошенном», например, исцеление пяти болящих в воскресный день во время литургии в селе Старожище, близ Слуцка, в 1678 г., или 76 чудотворений в Старчицах²⁰⁸, а также случаи чудесной помощи от мощей великомученицы Варвары.

Глубокая религиозная его настроенность видна и из отношений его к иерархам.

Благожеланию архиепископа Лазаря Барановича он придает пророческое значение, и молится: «дай, Боже, чтобы пророчество его архипастырства сбылось!». Тревожные сны заставляют его задумываться, что через особу преосвященного отца архиепископа Сам Создатель наказывал его. В неделю крестопоклонную 1676 года тот же владыка, приснившись ему, с укором говорил: «не я ли тебе имя нарек? Брата Павла оставил, и прочих приходящих, тебя же избрал!» Четыре года Димитрий носил в памяти этот странный сон. Четыре года он спрашивал о диаконе Павле, не был ли когда таковой, но не мог сыскать ни в Киеве, ни в Чернигове, ни по другим монастырям. «Бог весть, что значит Павел диакон?»²⁰⁹, – недоумевает он. Смирение Димитрия поразительно. Когда чудовский монах Феолог в 1677 г. поздравил его с возведением в сан архимандрита, называя его достойным такого повышения, как благонравного, сравнивая его со светом, озаряющим мир, и проч., то Димитрий в ответ пишет, что ему стыдно от таких похвал: «я «неблагонравен, а злонравен, исполнен злых навыков, груб я и невежа, а свет мой – одна тьма и прах!»²¹⁰.

Глава III. Димитрий в Москве

Вторая половина XVII века в России полна богатых исторических событий и составляет замечательную эпоху ее развития. Наставало время соединения старой Руси с новой. Оно освещало минувшие века как яркий результат их; оно служило звеном для будущих событий. Это был завершительный момент государственной и общественной жизни, в духе древнерусских устоев, почти без малейших признаков духовной связи с западом.

Задачи объединения Руси завершились: она стала единым политическим целым. В XVII веке шло завершение старорусского политического строения земли: издано уложение, присоединена Малороссия, распространилось и укрепилось владычество России в северной и восточной частях Азии, дипломатические сношения захватили огромную территорию восточного и западного океанов. В деле Никона и в отношениях к расколу определились внутренние убеждения русских людей.

В конце XVII века Россия круто повернулась на Запад, обнаружилось усиленное стремление к сближению с Европой и к восприятию новых начал западного образования. Правда, знакомились с Европой немногие, русский народ – не иначе смотрел на иностранца, как на иноверца, с которым всякое сношение ограничивалось до той поры лишь в сфере военной. Но эти немногие люди, составляя правящую силу, влекли народ к западноевропейскому укладу, влекли помимо его воли, указами, распоряжениями, нарядами, даже мерами жестокости. Для того, чтобы вложить сознание новых европейских понятий в народные массы, понадобились новые люди.

В такую важную эпоху Русского государства царь Петр стал приглашать к себе киевских ученых.

Из множества только один вполне удовлетворял вкусам и стремлениям Петра. Это – Феофан Прокопович. На других царь смотрел подозрительно. Он ждал просвещения от Европы. Но там просвещение давно имело два течения. Одно старое – схоластическое, которого держались католические ученые, а

другое – выродившееся из гуманистического движения, свободное от всяких авторитетов, процветающее в протестантских университетах. Первое привилось в Киеве. Малороссия обязана своим образованием Польше, где царила схоластика. Пропитанные ученостью, киевляне с высока смотрели на «немудрых русаков». Петр заметил у них жажду господства и требование повиновения от других²¹¹. Сам он тяготел к немецким порядкам и разочаровался в киевских ученых, которые не соответствовали преобразовательным видам.

Первым появился в России друг Димитрия Стефан Яворский. Около этого времени киевский митрополит Варлаам испросил у патриарха себе викария с титулом епископа Переяславского. Выбор пал на Стефана, бывшего тогда игуменом Святоникольским. При погребении воеводы А. С. Шейна Стефан произнес речь. Петру, присутствовавшему тут, она понравилась, заинтересовал его и сам горячий подвижный оратор. Царь пожелал назначить его на Рязанскую кафедру вместо ушедшего на покой митрополита Авраамия. Стефан открыто противился назначению, но воля Петра была непреклонна. Его посвятили в Рязань.

Вслед за Степаном вызвали и Димитрия. Его назначили в Сибирь. Как при определении Стефана Яворского в Рязань имелось в виду поставить человека не с узкими взглядами, и не ханжу, а такого, который проникся бы прежде всего просветительными планами царя и был помощником ему во всем, те же качества требовались от кандидата на Сибирскую митрополию. От архипастыря Сибири, по взгляду Петра, большая ученость и не требовалось, а нужен человек разумный и покладистый²¹².

На самом же деле громадная Сибирская епархия требовала самых разнообразных свойств от правивших ею лиц. Пространства ее раскидывались на десятки тысяч верст. Население, по большей части, состояло из не просвещенных людей, диких племен, кочующих номадов. Все они еще ждали христианской проповеди. Воеводы и начальники не могли выполнять просветительских задач, так как сами нередко

находились на положении ссыльных. Не было и малых промежутков времени, чтобы из Сибири перестали жаловаться на самоуправство, жестокость и несправедливость правящих лиц. В XVII веке возлагали большие надежды на епископов, назначаемых в Сибирь. Архиепископу Сибирскому и Тобольскому издавна вменяли в обязанность и дали право ходатайствовать за всех опальных и гонимых татар перед воеводами, приучать к себе и приводить к крещению иноземцев ласкою и научением, а не страхом и жестоким обращением. При бесчинствах бояр, воевод и дьяков он мог получать и высших царских слуг сначала с умилением, а там и с прещением²¹³.

Сибирскому епископу было бы довольно одной борьбы с беспорядками, происходящими от самых сибирских правителей. Миссионеры, как милости, просили заступления от Московского правительства, чтобы воеводы и дьяки не чинили помехи к обращению язычников в христианство. Кроме того, понадобилось бы долголетнее управление, чтобы только ознакомиться с разнообразною паствою, говорящею на неведомых языках, живущею в различных климатических поясах, от знойного до полярного. Не даром бывший пред тем епископ Игнатий Корсаков сошел с ума. Попробовал он, для облегчения себя в управлении, по старому русскому обычаю, учредить десятильников из боярских детей и чрез несколько годов услышал о страшных разорениях, обидах, налогах, побоях, бесчестиях девицам, насилиях, лихоимстве, которые творились от них в Сибири именем владыки. Христианскими пунктами служили редкие храмы, убогие часовни и бедные монастыри. Митрополит Игнатий Корсаков от изнурения лишился сна и от бессонницы «повредился в уме». Во время посвящения Стефана Яворского он жил в Москве в Чудовом монастыре.

Патриарх все еще надеялся на выздоровление Игнатия, чтобы иметь его при себе в качестве помощника, но Петр взглянул на дело иначе. На Сибирь у царя образовались особенные виды. Он хотел еще больше расширить область и ведомство Сибирского владыки.

В 1692 году завязались дипломатические сношения с Пекином о разрешении въезжать в Китай для торговли русским караванам и построить русскую церковь. Петру доносили, что китайский богдыхан Канзий расположен к православной вере, и тем вызвали у царя надежду на возможность воздействовать, если не на самого китайского императора, то на его подданных, как действовали уже там иезуиты. В 1685 году русские пленники насильно увели с собой в Китай русского священника Максима. Митрополит Игнатий послал Максиму в Пекин благословенную грамоту на освящение первого храма. Узнавши об этом, Петр писал: «это дело зело изрядное. Только ради Бога поступайте осторожно и не шибко, чтобы китайских начальников не привести в злобу, а также и иезуитов, для чего там надобны попы не столько ученые, сколько разумные и покладистые»²¹⁴.

Теперь, при известии о безнадежном положении Игнатия, Петр прямо кидает взоры на киевских ученых. Киевскому митрополиту им предписывалось: «для утверждения и приумножения в православную веру и проповеди Святого Евангелия в идолопоклонных народах, також для приведения ясачных народов в веру христианскую», поговоря о том с святейшим патриархом, великий государь указал: «поискать в малороссийской области, – городах и монастырях, – из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученого и благого непорочного жития, которому бы в Тобольске быть митрополитом и мог бы Божьей помощью исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание, и служение, и поклонение истинного Живого Бога». Требуя такого просвещенного человека, способного поставить дело проповеди на высоту, царь желал, чтоб избранный ехал не один, а с двумя-тремя добрыми и учеными иноками для обучения китайскому и монгольскому языкам, а также для служения и учения в новопостроенной в 1685 году пекинской церкви в таком духе и направлении, чтобы расположить богдыхана и китайцев к русским торговым людям²¹⁵.

Царь, как видно, хотел и в духовных назначениях извлечь свои государственные виды, именно, освежить и закрепить

дипломатические и торговые сношения с соседними государствами. Он так интересовался успехами русской колонии в Пекине, что наказывал Виниусу выпрашивать у приезжих купцов из Китая, ходят ли китайцы в церковь, хвалят ли службу, не смеются ли над нею и к которому храму более склонны, – к русскому или иезуитскому? Равно спрашивал царь и о том, каковы там попы, много ли русского народа, как украшена церковь, где совершается погребение умерших, кто из китайцев принял крещение?²¹⁶ На киевских иноков Петр рассчитывал, что они опытнее и способнее соперничать с иезуитами в постановке церковного дела и проповеди, чем великорусское духовенство.

Патриарх Адриан извещал киевского митрополита Варлаама, ка о необходимости, выслать в Москву, по велению государя, людей, о чем у него было уже с ним «советывание», потому что «ныне время того дела истязует». Постарайся, писал он к м. Варлааму, ради славы имени Божия и расширения нашей веры, людей, способных к проповеди и достойных епископского сана из игуменов и иеромонахов, человека два, а с ними – человека 4 ученых и искусных в доброй жизни, отправить, если они пожелают, на дальнюю поездку²¹⁷.

Того лета намеревался «ради потребы своея» ехать из Москвы в Украину митрополит Стефан Яворский. Патриарх поручил ему доставить свою грамоту в Киев, а в августе опять обращается к нему с запросом: «нынешним временем мы известились, что ты туда не поехал. Ныне мерности нашей сотвори видение: грамоту нашу в Киев к митрополиту киевскому послал или нет? Да еще возвести нас, которые бы люди именно там, по твоему суждению, на то были годны»²¹⁸. В конце 1700 года (27 декабря) вышел именной указ для избрания освященным собором в сан Сибирского митрополита в Москву приехать в начале 1701 года переяславскому епископу, Захарии Корниловичу, и Новгородскому Черниговскому архимандриту Димитрию, чтобы избранный по-нынешнему же зимнему пути мог уехать в Тобольск. Чтобы побудить их поторопиться выездом из Украины, объявлена двойная порция содержания с того самого дня, «как они будут великих государей у руки».

Так Дмитрий навсегда оставил Малороссию. Он прибыл в Москву с небольшою свитою, – с наместником, 3 диаконами, 3 слугами и 14 конюхами на 12 лошадях. Приехавшие получили государево жалованье деньгами, пивом, медом; им выдавали особые деньги на дрова для топления светлиц, свечи сальные и конский корм. На все ассигновано 72 рубля 2 алтына (около 500–600 нынешних рублей). Дмитрий дожидался царя в Москве с 9 февраля целый месяц.

У Петра в то время начались новые комбинации. Мечты о торговых отношениях с Китаем несколько стушевались более насущною для него потребностью в Балтийском море. Он только что возвратился из местечка Бирж, где виделся с польским королем Августом для уговора, как вести им союзную войну против шведов. При первом свидании с царем Дмитрий приветствовал его речью. Царь в то время был в полном развитии юношеских сил и способностей. В сравнении с пятидесятилетним Дмитрием, потерявшим уже остроту зрения от усидчивых книжных работ и несколько уже сутуловатом, высокий стройный молодой царь с орлиным испытывающим взглядом производил величественное впечатление. Опытный в ораторстве Дмитрий начал говорить пред ним о царском маестате²¹⁹, отражающем на земле величие Небесного царя, указал на три сословия: дворянское, военное и посольство²²⁰, на которых зиждется деятельность царя, как на небе Господь носится на таинственных животных; как Небесный царь положил душу свою за церковь, так и земной царь не щадит своего здоровья и трудов за церковь Христову и за безопасность отечества²²¹.

Таково было содержание речи Дмитрия. Его предпочли Переяславскому епископу. Тобольская кафедра предоставлена ему. Большое участие в назначении и посвящении принимал друг его, Стефан Яворский, носивший тогда титул митрополита рязанского, а на деле заведующей по после смерти патриарха Адриана, скончавшегося 16 октября 1700 года, всею патриаршею областью и делами, подведомственными патриарху.

Посвящение Димитрия в сан митрополита состоялось 23 марта 1701 года на крестопоклонной неделе²²² в Московском Успенском соборе. При хиротонии его присутствовали 3 митрополита: Крутицкий – Трифиллий, Нижегородский – Исая и Рязанский – Стефан. Хотя теперь споры о пресуществлении уже и прекратились, но малороссов и всех посвящаемых обязывали кроме исповедания православного вероучения заявлять свою непричастность к заблуждениям, в которых заподозрены малороссы. Еще в 1696 году постановлено внести в текст архиерейской присяги и для царских духовников православное исповедание о времени пресуществления Святых Даров в следующих словах: «не принимать странных обычаев в церковных преданиях и чинах, паче же от латин новопривмещающихся; еще веровать и мудрствовать – совершати Божественной литургии пресуществлению Тела и Крови Христовы, яко восточные и наши российские учителя древние учат, наитием и действием Святого Духа – чрез призывание архиерейское или иерейское в словесех, к Богу Отцу молителных: сотвори убо хлеб сей и прочая»²²³. И Димитрия при хиротонии обязали присягать, чтобы он не признавал того учения, за которое стоял в Москве Сильвестр Медведев, и которому в Малороссии сочувствовали некоторые духовные власти.

Кроме того, Димитрий давал клятвенное обещание соблюдать мир церковный, управлять паствою и учить ее, не ожидая наград, – так как сам получает свой сан даром изволением государя, – не делать не достойного против церковных правил, если бы кто и потребовал этого под угрозой даже смерти. Когда будет избран патриарх и позовет на собор, то повиноваться его зову.

Присяжный свой лист вновь избранный «митрополит городов Сибири и Тобольска» вручал поставившим его митрополитам: они же, «когда Бог благоволит... быть отцу патриарху..., да вручат (это) писание избранному святителю»²²⁴.

Новый Тобольский владыка в марте 1701 г. после своей хиротонии вступил в управление Сибирскою епархиею.

Прибывшая с ним в Москву свита отпущена обратно в Малороссию. Малороссийских спутников Дмитрия щедро наградили государевым жалованием: деньгами, мехами и сукнами, снабдили кормом на 2 недели²²⁵. Митрополит Дмитрий поселился теперь в Чудовом монастыре, где было Сибирское подворье. Так как предшественник его, митрополит Игнатий Корсаков, приехал в Москву на чреду священнослужения, то в Москве находились прибывшие из Сибири певчие, была и архиерейская ризница. Игнатия, после проявления им буйства при наречении Стефана Яворского, держали с 3-го апреля в Симоновом монастыре.

Перед митрополитом Дмитрием опять потекла обычная московская жизнь, какую он видел в 1689 году. Петровская реформа уже начиналась. Совершались одни за другими важные распоряжения и события политического и церковного значения, изменяющие прежние взаимоотношения церкви и государства. Хотя царь редко бывал дома, но и в отсутствие его вся жизнь вращалась по мысли, желанию и воле его. Требовалось полное подчинение его замыслам не только от светских служилых людей, но и от духовенства, хотя русское неподготовленное духовенство никак не могло проникнуться замыслами Преобразователя. Летом, 19-го июня при Дмитрии объявлена война со шведами. По Москве шли полки, двигались военные обозы. Продолжительные приготовления разрешились ужасными слухами о Нарвском поражении. На духовенстве лежала обязанность поддерживать в народе бодрость. Вести шли неутешительные. Поражение унесло много человеческих жизней, многие уведены шведами в плен. По словам Дмитрия, восстали и восстают на всецелый корабль Церкви Христовой и всего отечества христианского то глады, то огненные казни, пожары великолепных зданий, городов и храмов Господних, то непрестанные брани и восстания иноплеменников! Одни мечем посечены, другие в плен отведены. Не упоминаем уже о внутренних междоусобиях!²²⁶ Одновременно со слухами о военных неудачах при Дмитрии, жившем в Чудовом монастыре, в самом Кремле вспыхнул страшный пожар, испепеливший до 2000 зданий.

Петр, однако, сам не упал духом. Напротив, как натуру сильную, воодушевленную ясною идеей, неудачи подняли его дух и располагали к упорной борьбе с врагом. Но чтобы поправить военные дела, пришедшие в расстройство, он прежде всего принес в жертву задуманному делу – духовенство. При недостатке средств для войны ему указали на неисчислимыя, будто бы, церковныя богатства: вотчинныя, денежныя и имущественныя.

При Димитрии в Москву со всех сторон свозили медныя церковныя колокола для отливки из них пушек. Если народ с ужасом должен был смотреть, как повсюду снимали их с колоколен и отвозили для воинскаго употребленія, то что могло чувствовать духовенство, а в особенности Димитрій, видевшій в Малороссіи всегдашнее покровительство Церкви даже со стороны иноверцев? Из будущей Димитриевой Ростовской епархіи доставлено в Москву свыше 300 пудов колокольной меди²²⁷.

Петръ Великій. Нужда в денежных средствах у государства отражалась всевозможными стеснениями церковных учреждений. Все, что считалось, по мнению правительства, излишним, от них отбиралось. Вышел постепенный ряд унижительных для духовенства высочайших указов. Уже во время прибытія Димитрія в Россію, здѣсь происходила опись монастырей, – строения, имущества, вотчин, людей и служек. Вышел указ уволить из монастырей бельцов и лишних слуг не держать. Самим монахам приказано заниматься физическим трудом. Письмо в кельях запретили, не велено держать там ни бумаги, ни чернил. Станным должно было казаться такое распоряженіе для Димитрія, всю жизнь проведеннаго в письменных келейных занятіях и знавшаго из летописных источников, что писаніе книг составляло заслуженное достоинство русских иноков.

Подверглись закрытію старыя церковныя учрежденія, как, например, патриаршій разряд. Восстановлен ненавистный духовенству тот Монастырскій приказ, против котораго ратовали патриархи. В приказе сосредоточили все управленіе монастырскими вотчинами. Заведовало им светское лицо,

воевода И. А. Мусин-Пушкин. Все, казавшееся Петру лишним в монастырях, обращалось в правительственные ресурсы; как-то: оброчные статьи патриарших, архиерейских и монастырских вотчин и всякие остатки от расходов в монастырях. Наконец, всем монахам положено определенное «штатное» жалование, – около 10 рублей в год на каждого. Все остатки от таких дач велено представлять из монастырей в Монастырский приказ, а оттуда шли на военные надобности.

Были и протесты со стороны низших духовных лиц, но недовольных правительственными распоряжениями карали, как государственных преступников, а, чтобы не могло быть таковых из высшей духовной иерархии, для этого медлили избранием патриарха. Стефан Яворский, поставленный блюстителем патриаршего престола, не мог не чувствовать того унижения, которое он унаследовал по смерти последнего патриарха. Сношения правительства с ним ограничивались простыми лишь приказаниями ему. Стефан Яворский, если с кем мог делиться сознанием обидного положения своего, так это со своим другом, митрополитом Димитрием. По горячности, природной подвижности и чувствительной отзывчивости ко всему, Стефан не мог не высказываться пред ним и сравнивать положение церкви в Москве с свободною привольною церковною жизнью в Малороссии. Поводом к таким разговорам могло служить сочинение Корба, только что присланное в Москву, где говорилось о свирепости московитов во время стрелецкого движения.

Димитрий и сам не мог не видеть странных надписей, прибываемых к городским воротам, где публично высказывалось от имени правительства о намерении ограничить духовенство в имущественном отношении и сословных правах. Если Димитрий и отзывался в своих проповедях о текущих событиях, то лишь о таких, в которых требовалось утешить и ободрить слушателей. Ничего не имели малороссийские выходцы против распоряжений Петра (дек. 1701 г.) носить немецкое платье всем, ходившим по Москве, но странным для них был способ убеждения. Нарушителям царского приказа грозили штрафом и гневом царя. Величие преобразовательных планов и меры о

просвещении народа омрачались, необычною в Малороссии, древнерусскою жестокостью. Личность человеческая всецело приносилась государству и его целям.

Заменяя теперь митрополита Игнатия Корсакова, вызванного из Сибири для очереди в богослужении и проповеди, Димитрий принужден был отзываться на занимающие умы политические события живым церковным словом. Все военные неудачи и несчастья он приписывал грехам людей и призывал к покаянию.

По случаю объявления войны со шведами он говорил в Москве проповедь; не молчал также и во время общего уныния после нарвского поражения. Он высказал, что нужно твердо переносить испытания и принести жертвы на общее дело. Еще не все потеряно. Нельзя отчаиваться, как людям, которые верят в судьбу и предопределение. Спаситель Сам сказал: молитесь и дастся вам. Рука Всевышнего, простертая к наказанию грешников, удерживается при молитвах их. Примеры этого неисчислимы. Тяжелый труд – война, много требуется сил, средств, помощи: вот тут-то и надо поднимать, как Моисей, свои руки на молитву к Богу о даровании победы. Всем надо молиться. Вся Россия теперь, как обиженная вдовица, должна припасть Праведному Судии со слезами, чтобы отмстил Он нашему сопернику и доставил радость небесной помощи²²⁸. Молитвенные слезы составят облака. Из облаков могут быть громы и молнии на врагов наших!²²⁹

Успех оружия своей новой родины составлял пламенное желание Димитрия, что в одной проповеди он разбирал перед слушателями, каких врагов надо любить. Христос сказал: «любите враги ваша». Но это Он говорит не о тех врагах, которые воюют на наше христианское отечество и враждуют на благочестивую нашу веру²³⁰.

Из произнесенных тогда проповедей видно, что Димитрий в своем новом положении, по свежести впечатлений, разделял общее настроение русских людей. Недовольство поведением царя сообщилось и ему. В его проповеди находят намеки на то, что Петр не присутствует сам в войске, не бросает при страшных испытаниях веселой своей жизни, что у него всем

заведуют и руководят им немцы, а русское войско терпит неудачи и поражения²³¹. Представляя в пример пророка Самуила и царя Саула, Дмитрий говорит, что если и не могут молитвы иереев привлечь воинский успех, то лишь за неверие царя²³². Понятно, поэтому сочувствие к новому Сибирскому владыке старорусской партии. Проповеди его слушал царевич Алексей Петрович и посылал ему подарки. У Дмитрия сохранился даренный ему царевичем золотой крест, с такою же цепью и с мощами посередине, украшенный по сторонам драгоценными камнями: яхонтами, изумрудами и лалами²³³.

За все время годового пребывания Дмитрия в Москве известно 15 проповедей. Они произнесены им большею частию в с. Преображенском (3) и в Донском монастыре (3), а также в Успенском соборе и в других местах и случаях. Некоторые произнесены в присутствии государя²³⁴ и особ царской фамилии.

Нет известий, чтобы речь Дмитрия производила на царя особенное действие, как речи живого и бойкого Стефана. Быть может, в спокойствии тона у Дмитрия, самый вид его и тихое произношение роняли достоинства его проповеди в глазах царя. Быть может, неприятно действовало на самолюбие Петра то обстоятельство, что у Дмитрия не было в проповеди панегириков ему, как, например, у Афанасия, Холмогорского архиепископа, который не находил и не употреблял иных сравнений для своего государя, как только с Богом и со Христом²³⁵. Есть предание, что царь, подозревавший высших иерархов во властных «замах» и в скрытности, хотел узнать характер Дмитрия и его взгляды на политику; для этого, призвавши его к себе во дворец, усердно угощал вином, желая вызвать на откровенность. Дмитрий принял царское угощение, но отвечал ему непрестанными смиренными поклонами на все, о чем царь ни заговаривал с ним, и только, молча, благословлял Петра.

В Москве у Дмитрия, кроме митрополита Стефана, оказались преданные друзья, о которых он после вспоминал с признательностью. Это были справщики печатного двора Феолог и Карион. Когда он сделался больным, они его не оставляли без

помощи. Чудовский келарь Иоасаф «Колдычевский служил мне больному любезно, не гнушаючися немощи, купно с твоею (Феолога) честностью и Дмитрием Алексеевичем. Спасет Бог и отца Кариона, что меня ягодами вишневыми кармливал»²³⁶, вспоминал после Дмитрий. Подружился здесь также он с будущим митрополитом Сибирским Филофеем Лещинским, о котором ранее отзывался неодобрительно, как о человеке небезукоризненный точности в литературном отношении. – Благодаря друзьям, у Дмитрия расширилось знакомство с текущим московским церковным движением. Так, Дмитрий присутствовал в Преображенском при споре митрополита Стефана Яворского с фанатиком Григорием Талицким «о летех»²³⁷. Вопрос этот должен быть уже знакомым Дмитрию, так он имел трактующую об этом книгу Иосифа Волоцкого, посланную ему еще в Киев московскими друзьями²³⁸. По крайней мере, он критически отнесся к доводам Яворского и его ссылкам на святых отцов, у которых, по мнению Дмитрия, счисление лет далеко не согласно с библейским.

Впрочем, Дмитрий держал себя так корректно, что все его любили и уважали. Даже иезуиты, проживающие в Москве, считали сначала его благорасположенным к ним. Один иезуит называет Дмитрия европейски образованным и уверяет, что он такой же настроенности, как и Стефан Яворский, о котором и протестанты говорили, как о тайном паписте²³⁹.

В Москве обращались к митрополиту Дмитрию разные лица, едущие в Сибирь. Сохранились стихи, сочиненные им для Никиты Демидова, отправляющегося в пожалованную ему от царя Невьянскую и Нижнетагильскую местность:

«Никита Демидович, муж благословенный
С сыном Якинфом будучи во всем умноженный.
О Всепетая Мати, ему сопутствуй,
Сохраняй в дому здрава, на пути присутствуй,
Архиерей Тобольский молит Тя усердно:
Даруй ему здравие цело и невредно,
Храни благополучно в премногая лета,
Избавляй и покрывай от злого навета».

Во время пребывания Дмитрия в Москве умер (13 мая 1701 г.) предшественник его по кафедре, несчастный м. Игнатий Корсаков. Дмитрий сам отдал ему последний долг. Игнатия погребли в Симоновом монастыре, где он жил в последнее время пред своею кончиною. При погребении присутствовали и другие митрополиты, кроме блюстителя патриаршего престола²⁴⁰.

Не радовали Дмитрия рассказы о далекой Сибири. Время наступало горячее. Инородцы сибирские сами тяготели к христианству. Их массовое движение немного спустя создало славу Сибирскому митрополиту Филофею Лещинскому, просветителю Сибири. До Дмитрия дошли слухи об обращении в христианство вогулов. Их нужно было учить христианской вере.

Подобные утешительные слухи тонули в массе вестей о Сибирских нестроениях, бедности и общественных бедствиях. Летом 1701 года в Тобольске во время страшного пожара погорело 5 церквей и девичий монастырь. В огне уничтожены списки крестьян сибирских архиерейских вотчин. Дмитрий дал распоряжение, чтобы в архиерейский дом истребовать новые списки из Тобольской приказной палаты²⁴¹. Новые петровские налоги скоро дали себя почувствовать. Дмитрию, митрополиту Сибирскому и Тобольскому, с 150 церквей предъявили взыск данных денег не только за текущий год, но и за минувшие, начиная с 1688 года²⁴². Сибирские церкви, наделенные землею, еще в 1698 году лишены были руги²⁴³. При таких обстоятельствах необходимо быть в Сибири человеку с пракческою сноровкою и опытностию. Хотя Дмитрий и озаботился вызвать туда на службу малороссов и, насколько мог, приводил дела в порядок, но обстоятельства заставляли скорее выезжать на место службы. Для Дмитрия, как и для каждого малоросса, Сибирь не считалась «золотым дном». Сибирью в Украине пугали друг друга²⁴⁴. Ни один из сосланных туда малороссов, каких знал Дмитрий, оттуда не возвращался живым. Туда на памяти Дмитрия отправлены по распоряжению Москвы писарь Шийкевич, войсковой судья Назамай, Рославец, Адамович, Д. Многогрешный и другие²⁴⁵. Все они пропали для

Украины бесследно в Сибирской дали, где и люди, и климат соперничали в беспощадности к украинцам.

Отпуска Дмитрию в Сибирь еще не было. Государь, уехав из Москвы, занимался в Воронеже постройкой кораблей. 17 апреля 1701 г. Виниус напоминал царю: «Сибирский, государь, архиерей ожидает вашего государева указа: с Москвы ему в путь свой, до пришествия вашего государева, идтить ли или поожидать, еже и сам он ожидает?» На это Петр кратко отвечал из Воронежа: «архиерею дожитатца»²⁴⁶.

По приезде государя в Москву Дмитрий не мог сразу явиться к нему, потому что был болен. Тогда царь сам посетил его и расспрашивал о его болезни. Дмитрий открылся, что болезнь у него стала с тоски: посылают его против желания и сил в далекую, несносную и вредную для здоровья Сибирь, а у него единственное стремление – окончить составление своих Четей-Миней. Государь внял его положению и позволил ему остаться в Москве. Он сам начал хлопотать о приискании в Сибирь подходящего к его планам человека, спрашивал даже у патриарха Досифея, нет ли в Иерусалиме такого тактичного и благочестивой жизни человека в Сибирскую кафедру?

10 ноября 1701 года умер в Ростове митрополит Иоасаф Лазаревич. Место его не без содействия Стефана Яворского, предоставили 4 янв. 1702 г. Дмитрию²⁴⁷.

Для занятия тобольской кафедры в Сибирь, того же дня, представили иеромонаха Филофея Лещинского. Дмитрий участвовал в посвящении (1 февр.) Филофея вместе с м. Стефаном и м. Парфением Лаодикийским.

Часть II. Деятельность Димитрия в Ростове

Глава I. Ознакомление с паствою

На Ростовскую кафедру Димитрий прибыл 1 марта 1702, в воскресенье 3 недели поста с образом Ватопедской иконы Божией Матери. От ростовской паствы при встрече поднесена владыке Боголюбская икона Божией Матери.

Он сначала приехал в Спасо-Яковлевский монастырь, находящийся на окраине города по дороге из Москвы. Помолившись здесь, он указал в юго-западном углу храма место, где желал быть похороненным²⁴⁸.

Из монастыря он прибыл прямо в Ростовский Успенский собор и служил первую литургию. После литургии он обратился к пастве с замечательнейшим своим словом, так любимом теперь в простом народе.

«Мир вам». Изволением Бога, все устрояющего на пользу, и повелением пресветлейшего Монарха, Благоверного Великого Государя нашего Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России Самодержца, соизволением и благословением всего освященного собора, мое недостойнство, прибыв сюда, на престол пречестнейшей митрополии Ростовской и Ярославской, мир вам, о возлюбленные, словесного Христова стада овцы, возвещаю, мир пречестнейшему сему Пречистыя Матери Божия храму, мир богоспасаемому граду Ростову, мир богоспасаемому граду Ростову, мир богоспасаемому граду Ярославлю, мир богоспасаемому граду Угличу, и всем богоспасаемым епархии сея церквям и градам мир и благословение, мир жительству и сожитию вашему, мир домам вашим, мир сердцам вашим, как и апостол говорит: *и мир Божий да водворяется в сердцах ваших, в оньже и звани бысте* (Кол. 3, 15).

Да не смущается сердце ваше о моем к вам пришествии, дверьми бо внидох, а не прелазая инуды: не искал, но поискан был, ни я не знал вас, ни вы меня не ведали, но неисповедимая глубина судеб Господних, она послала меня к вам; я же пришел не для того, чтобы вы послужили мне, но, чтобы послужить вам,

по слову Господню: *хотяй быти в вас первый, да будет всем слуга* (Матф. 20, 26).

Пришел я к вам с любовью; сказал бы, что пришел, как отец к детям, но лучше скажу: пришел, как брат к братьям, как друг к любезным друзьям. Ито и Христос Господь не стыдится нарицать нас братиею. *Вы друзи Мои*, говорит, *не ктому вас нарицаю рабы, но друзи* (Иоанна 15, 19), а что еще почетнее и удивительнее, что и отцами себе именует тех, кого любит, говоря: *сей Ми есть и отец, и мати, иже творит волю Отца Моего Небеснаго* (Матф. 12, 49). Поэтому по любви моей к вам вы для меня и отцы, и братия и други. Если же и отцем меня назовете, то я апостольски вам отвечаю: *чадца моя, ими же болезную, дбндеже вообразтся в вас Христос* (Галат. 4, 19).

Я пришел тем путем, которым некогда пришел сюда из Киева иже во святых отец наш Исая, здешний ростовский чудотворец; тот на сие место принес благословение о благодати, свыше излианной на новый Афон, или лучше сказать, на новый Иерусалим, на Киево-Печерские горы. Итак, я грешный, прибыв из Киева по стопам того святого Исая, говорю: да будет на месте сем благословение Божие, Богородицы, преподобных отец наших Антония и Феодосия, и прочих чудотворцев Печерских, в нетлении почивающих и всю вселенную чудесами озаряющих! Радуюся духом, прибыв в сей град, в сей дом, который здешние чудотворцы стопами святых своих ног освятили, молитвами оградили, богоугодным житием украсили, подвигами и трудами возвеличили и премногою святынею прославили. Радуюся духом, видя такое собрание, великое словесных отец Христовых стадо, которое пасет сам Пастыреначальник Христос, которое соблюдает Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, Матерь Христа Бога нашего, которое блюдут и охраняют древнейшие пастыри, архиереи Божии и великие светильники: Леонтий, Исая, Игнатий, Иаков и прочие, иже в здешней сей епархии угодники Божии, предстоящие престолу Божию, непрестанно о нас ко Господу молящиеся.

Радуюся духом, видя таковой виноград, его же насади десница Вышняго, напоила благодать Духа Святаго, возрастили

труды прежде бывших архиереев, посещает Сам Христос с Пречистою Своею Богородицею и источает вино духовного веселия.

Молю же и должен умолять Пастыреначальника Владыку Христа, да соблюдет Свое стадо цело и невредимо от волков, видимых и невидимых, да ни одна овца от этой Христовой и Богородичной ограды не впадет в заблуждение и гибель, да ни одна овца не будет похищена адским зверем, да ни одна овца не превратится в козлище, но пусть лучше из козлищ превратятся в овцы, и вси с благословенными овцами деснаго стояния да сподобятся во время пришествия Господня.

А так как Архиерей Великий, прошедший небеса, меня, хотя и недостойного, поставил вам пастырем и вверил мне спасение ваше, то должен я свои обязанности относительно вас знать и выполнять, равно как и вы свои обязанности в отношении ко мне.

Должен я помощью Божией, по наставлению апостольскому, «сносить немощи бессильных и не себе угождать» (Рим. 15, 1), а каждому из вас во благо к назиданию, так, как и Христос не Себе угождал. Должен я вразумлять бесчинных, утешать малодушных, поддерживать немощных, быть долготерпеливым ко всем. Должен добрых любить, злых наказывать со снисхождением, заботиться об общей пользе, всем усердно искать спасения, о всех молиться.

И вы, о возлюбленные, меня, по Христе Господе, хотя и грешного пастыря своего, должны знать и являть любовь нелицемерную, почитание без лести и подобающее повиновение и оказывать с усердием.

Если Бог повелел, чтобы я был вам отцом, то и вы будьте присными мне чадами. Если благоизволил Христос, чтобы я был первым между вами, то и вы будьте кроткими и смиренными под управлением первенствующего. Если Дух Святой поставил меня пастырем вам, то будьте мне истинными овцами, овцами слушающими, а не преслушающими гласа пастыря своего. Если Бог поставил меня учителем вам, то «приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас». Если дал наставником вам, то повинуйтеся вашему наставнику и

покоряйтесь, ибо мне вверено неусыпное о душах ваших попечение, «как обязанному дать отчет, чтобы я делал это с радостью, а не вздыхая».

Когда увижу с вашей стороны добросовестное ко всему отношение, возрадуюсь; когда же недобросовестное, буду вздыхать. Когда увижу вас истинными овцами Христовыми, идущими на десно, буду радоваться; когда же увижу вас уклоняющимися в сторону козлищ, буду вздыхать. Когда найду в вас истинную любовь, смирение, повиновение о Господе, премного возрадуюсь; если найду не любовь, неуважение, неповиновение, много буду вздыхать. О добронравном и богоугодном вашем житии возрадуюсь, о развращенных же вздохну. Вы же заботьтесь, да с радостью пасу вас, а не вздыхая. Ибо если заставите меня вздыхать о вас, не полезно будет вам сие.

Бог же Преблагий, хотяй всем человеком спастися и в разум истины приити, Той да наставит вы на путь Свой, во еже творити волю Его благую и совершенную, и во всем Ему угождати, да не посрамлены и не постыждены предстанем Страшному Того суду. Да возрадуюсь же и аз, недостойный пастырь, и реку ко Владыке Христу: *се аз и дети мои, яже дал ми еси*. Ныне же потщимся вси купно, уклоняющееся от зла, творити благостыню, да угодны очесам Господним явимся.

Благодать же Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любви моя со всеми вами. Аминь.»²⁴⁹

Нового владыку, всю жизнь, до 50-летнего возраста, прожившего в Украине, поразила церковная жизнь в Ростовской области. Он не скрывал своего удивления, высказывал его в своих посланиях, проповедях и сочинениях. Благодаря этому, можно судить о состоянии духовенства и паствы, об отношении правительства к церкви, а, равно, и о ненормальных явлениях в церковной жизни, вроде суеверий и раскола. Все это вызывало административные и просветительные меры нового святителя, особенно, против нестроений в церковной жизни.

Духовенство

В первый же день бросилась в глаза Димитрию небрежность духовенства при совершении богослужений, а после оказалось еще нечто большее: «клирошане читают и поют без внимания, священники с диаконами в алтаре сквернословят, а, иногда, и дерутся»²⁵⁰.

Вскоре по прибытии на кафедру Димитрий поехал в Ярославль. Случилось ему войти в сельскую церковь. Когда он спросил у местного попа: «где животворящие Тайны Христовы?». Поп не понял таких слов владыки и стоял молча, ломая голову над вопросом. – «Где Тело Христово?» – пояснил архиерей; но поп и этого вопроса не мог понять. А когда один из опытных стоящих подле архиерея священник подсказал ему: «где запас»²⁵¹, тогда он взял из угла «сосудец зело гнусный» и показал небрежно хранимую святыню. Так она, по словам Димитрия, хранилась в углу с клопами и тараканами.

Обозревая все опущения по должности среди духовного чина, Димитрий восклицает: чему я удивляюсь, так это долготерпению Божию! Священники стоят около престола Божия без страха и без боязни, а Милосердный Христос не казнит внезапную смертью бесчинствующих в алтаре²⁵². В быту, жизни и взглядах духовенства Димитрий видел полное невежество, пьянство и безобразные поступки.

Разговоры у духовенства между собою Димитрий находил «смеху подобными». Например, один иерей рассказывает другому, будто тем самым мечом апостол Петр отсек ухо Малху, которым и пророк Илия порубил жрецов Иезавелииных. Пастыри не только сами не просвещены учением, но не любят знающих, даже порицают учения и хулят²⁵³.

Духовные лица не отдают своих девиц в замужество по мнимым религиозным соображениям и даже не заставляют их исполнять христианский долг исповеди. От детей духовенства владыке случалось слышать, что они и не помнят, когда причащались. Святитель недаром увещевает пастырей подавать пасомым руку помощи и «во внешних нуждах»,

заступаться за невинно угнетаемых, заботиться об убогих и нищих²⁵⁴. Некоторые иереи ленились ходить к нищим и убогим, но богатых посещали. Из-за такого нерадения много бедных умирали без исповеди и причащения Святых Тайн²⁵⁵.

Пьянство духовенства вносило много безобразных явлений в приходской жизни. Напьется «злонравный иерей», говорит Димитрий, и начнет рассказывать грехи своих духовных детей и обличать их. В пьянстве они хвастают своими духовными детьми пред посторонними людьми в беседах или в гневе с укорами бранят их.

В увещании таким духовникам Дмитрий говорит об обязанности иерея хранить исповедные тайны и сравнивает грехи с камнями, отягощающими нашу совесть, а милосердие Божие с морем. Подобно тому как камни, брошенные в море никому уже не видимы, так должно быть и с грехами, ввергнутыми в пучину милосердия Божия. Иерею, рассказывающему об исповедных грехах, не уйти от адских мук, да и здесь, по человеческим законам, следует ему язык ископать сзади²⁵⁶. – Пьянствовали иногда до болезни. В 1704 году был у Димитрия Угличский архимандрит Макарий и рассказал ему о таких несчастных пастырях. Поп Прокопий Оглобля, напившись пьяным, был подхвачен на подводу какими-то страшными людьми. Дорогой он перекрестился и очутился перед убогим домом после открытой ямы с трупами и т. п.²⁵⁷.

Невежественные священники сами советовали пасомым не часто причащаться; на это возмущенный владыка ответил особым посланием, чтобы причащать мирян как можно чаще. Служба совершалась механически, с соблюдением лишь обрядности, без внутреннего участия совершителя ее. Раз протопоп Ростовский видит, как один священник служит литургию без служебника, не читая положенных молитв, а делая только обычные возгласы. Когда его спросили, почему при нем нет книги, он отвечал: «я уже прочел положенные молитвы на дому». Ему возразили, что так не следует делать, а он сослался на обычай: «я от старых попов к этому привык», и сказал даже по имени, от кого научился. Подобные манеры невнимательного

и небрежного отношения к богослужению глубоко возмущали святителя: он сравнивал такое служение с кадильницей, бряцающей без огня и дыма. С негодованием узнавал он, что и просфоры для литургии употреблялись иногда ржаные, а не пшеничные.

Священники вообще не сознавали ни важности своего сана, ни ответственности служения, а служили из-за доходов: «не для Иисуса, а для хлеба куса», как говорил святитель.

При высоком благоговении к пастырскому служению святитель Димитрий, как видно из его духовной грамоты, возмущался положением брать деньги за поминание умерших, хотя при жизни и не укорял в этом иереев.

Нечего и говорить о том, что он не мог быть доволен также грубою живописью в церквях. Нередко встречал он иконы, написанные неправильно и даже «ужасно». Например, мученика Христофора писали с собачьей головою; Бога Отца – лежащим на кровати с подушками, как бы отдыхающим после шести дней творения. Пресвятую Деву при Рождестве Христовом представляли больною, для чего рисовали при ней женщину. Обозревая городские и сельские церкви, святитель обращал внимание на чистоту церковной утвари: дарохранительниц, купелей и проч.

Были случаи, когда духовенство вступала с кротким владыкой в «состязание». Много было досады святителю от вдового священника Давыда, который упрекал его в латинстве, называл даже еретиком «и многою бранью лаял». По этому поводу следствие производил сам начальник Монастырского приказа боярин Мусин-Пушкин. Священник, вместо того, чтобы по обычаю принять монашество, просил оставить за ним место в приходе. Владыка отказал. Священник сочел себя обиженным и обратился с жалобой к царице Прасковии Федоровне, которая письмом просила митрополита пощадить просителя и сделать по его желанию. Но владыка в решительных словах написал царице о невозможности для него удовлетворить такую просьбу. Давыд, по отзыву святителя, был человек неистовый; он оказал раскольническое противление святой церкви, хуля новые книги, разглашал о ложных чудесах. Он, по поведению своему,

развратник, святотатец, и хульник, заслуживающий лишения сана²⁵⁸.

Имея в виду таких невежественных жалких помощников по управлению ростовскою паствою и безнадежную бедность их, митрополит Димитрий писал своему знакомому Феологу в Москву, «печалью смущаюсь, видя беды священников и глядя на слезы их..., хотя и уповаю я на Бога, но, при очевидной такой нужде, печалюсь»²⁵⁹. Вспоминал и свою родину на Украине, где тоже духовенство не стояло на особой высоте образования в сравнении с его паствою. И там редко кто из духовного чина знал порядок библейских историй, когда и что происходило. Игумен одного Киевского монастыря раз спрашивал у Димитрия, который еще жил тогда в Украине: когда был пророк Илия, до Рождества Христова или после? Приводилось ему слышать от духовного лица и такое утверждение, что Маккавеи жили после апостолов, потому что учитель их Елеазар ободрял их на суде апостольскими и святительскими речениями, как это видно из пролога.

Если в Малороссии духовенство проявляло такое невежество, то что сказать о Ростовском духовенстве, у которого и школ не было? Разница была лишь в том, что в Украине духовенство обособилось от паствы, считая себя выше народа, держало себя с достоинством. В Ростове же, как и вообще в Великороссии, священнослужители ничем не отличались от мужика. «Потешно было видеть, как иной пресвитер возложит на себя златотканую одежду (ризу), а на ногах лапти растоптанные и во всяком кале обваленные, а кафтан нижний ведь гнусен»²⁶⁰.

Паства

Состояние народной массы в нравственном и религиозном отношении казалось таким безотрадным, что скорбное сердце святителя отдыхало лишь на одной добродетели, – именно на вынужденном терпении страдальцев, которых случайно судьба, жадность людей и требования правительства ставила на правежи, бросала в тюрьмы и заставляла глотать сухой хлеб²⁶¹.

Унижение личности считалось обычным во всех слоях общества. Святителю не могло не броситься в глаза резкое противоречие религиозности с нравственной разнузданностью. Еще Котошихин заметил о русских людях, что «московские люди – не богобоязненные», – разумея их безнравственную жизнь. М Димитрий рисует яркую картину нравов ростовских. Неправды и обиды происходят такие, что иногда и стыдно говорить о них. Среди господ – какое-то озлобление на подчиненных²⁶². Сладострастие считают высшим наслаждением. Строят храмы, а чужое грабят и воруют; их созидают чужим кровавым потом и слезами²⁶³. Это – не благочестие, если кто-либо созидает Богу храм, а ближнего своего приводит в разорение, – это разбой! восклицал святитель. Заставит человек за себя молиться нищих и церковников, а другие люди от него плачут²⁶⁴. «Христос Спаситель! Если бы ты ныне взошел в твою церковь и увидел, как безчинствуют, вероятно, тоже бы изгнание учинил! Велико ныне безстрашие в церкви. Где с кем увидеться? – В церкви! Где шутить и смеяться? – В церкви! Где приветствуют, поздравляют друг друга, спрашивают о здоровье, о жене, детях и о прочем? – В церкви! Будто церковь на то и создана, чтобы сходиться только на политику и безчиние, а не на молитву Божию?»²⁶⁵. Особенно возмущало святителя неравенство сословий и прав. «Ныне, как на пиру Ирода, господа чуть не также поядают и пьют кровавые труды человеческие, а бедных крестьян своих немилосердно мучат. У господ всего довольно до пресыщения, а у бедных крестьян нет и краюхи черствого хлеба. Одни объедаются, а другие алчут; эти упиваются, о те

разве водою утоляют свою жажду; здесь веселятся, а там плачут на правежах²⁶⁶. Подождите, богачи немилосердные, обидчики убогих людей, – дайте срок! Придет и на вас час смертный, в ту пору увидите, каково будет ваше блаженство и счастье!²⁶⁷ – А вы страдалцы, не изнемогайте в терпении, но благодарите Христа своего!»²⁶⁸ Так утешает владыка обиженных. – Иногда он высказывает желание, чтобы воеводы и судьи не на мзде судили бы и не грабили бы²⁶⁹.

В темном народе пороки стали бытовым явлением. Там сохранились еще с давних времен гульбища, кулачные бои, хороводы, святочные игрища и суеверия. Рассматривая жизнь простого народа, святитель восклицает: «где более воровства, как не в простом народе? Там происходят беззакония, разбои, убийства и такие дела, о которых не только говорить, но в помысле вспоминать стыдно»²⁷⁰. От развратной жизни зарождались физическое расстройство и болезни, о которых тоже упоминает Святитель²⁷¹. Были случаи страшных побоищ. Так в одном таком побоище между архиерейскими и монастырскими крестьянами участвовало 3000 человек, было много раненых и даже убитых. Случались не простые разбои, а грабежи церквей. Крали не только из сельских церквей²⁷², но и из городских. В самом городе Ярославле с чудотворной иконы Божией Матери Феодоровской в 1702 г. унесена дорогая риза и все драгоценности при ней.

Отношения между духовенством и паствою, при отсутствии авторитетности пастырей, не могли быть нормальными. Священника выбирали себе сами прихожане, прося затем посвятить его. Например, помещики Ростовского уезда, села Карагачева, Илья Иванов Мещеринов, да сельца Ликина, князь Семен Матвеевич Шаховской, пишут владыке: «излюбили мы помещики того же села Карагачева церкви Рождества Пресв. Богородицы вторым священником в поможение отцу своему, потому что тот священник при старости, и (чтобы) церкви Божией без пения не быть и душам христианским без покаяния не умереть. Милостивый Государь, преосвященный Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский, пожалуй нас, вели его,

Василия, по твоему архиерейскому благословению, поставить в попы. Смилуйся, пожалуй!»²⁷³.

Но такой выбор и любовная сделка крестьян с духовенством еще не служила залогом согласия между ними. Заводились дела о раздорах в приходской жизни.

В начале управления Ростовскою паствою, 1702 г., владыка получил жалобу от воскресенского священника из города Углича: прихожане-де той церкви, его духовные дети, упиваются допьяна, в церковь Божию не ходят, и ему ни в чем не послушны, поносят его, попа, небылыми словами за то только, что он их, своих приходских людей учит по правилам святых отец, не святит колодцы и проч. – На эту челобитную воскресенские прихожане ответили владыке, что священник сам не исправен: не ходит на дом, не дает креста, дерется, снимая с себя ризы, кулаком ушиб прихожанина и т. д.²⁷⁴

Итак, взор владыки не мог отдохнуть на пастве. Из жизни богачей до владыки доходили вести об одних лишь пороках и нравственной темноте; погрязшие в такую жизнь люди не думали об улучшении. Надо было будить их сознание. Взаимное отношение сословий представляло господство привилегированного сословия над безнравственным крестьянином. Мало утешительного представляло и духовенство, жившее одними материальными интересами с народом и ограничивающееся только обрядовою стороною религии. – От владык все одинаково были далеко. Их не привыкли видеть в сельских церквях и обращались к ним только для расправы над явными нарушителями правил веры и нравственности. О внедрении свежих начал, вместо замкнутой в форму обрядности, никто ко владыке за советом не обращался.

«Окаянное наше время!» восклицал святитель в одной проповеди: «Не знаю, за кого приниматься нужнее: за сеятелей или за землю; за иереев или за сердца человеческие?.. Сеятель не сеет, а земля не принимает! Иереи не брегут, а люди заблуждаются... Со всех сторон худо: иереи глупы, а люди не разумны!»²⁷⁵. Судя, по таким словам, владыки, паству ростовскую надо было «снова в веру христианскую приводить».

Много предстояло искоренить духовных недостатков во всей пастве и требовались большие силы вместо них насадить самые необходимые Евангельские начала.

Выбор прихожанами себе священника практиковался и в Малороссии, он знаком был Димитрию. Но кроме этого, ему привелось узнать великорусский обычай закрепления должностных церковных мест в одном роде, не только по мужской, но и по женской линии. Так священническая жена подает 1709 г. просьбу владыке закрепить мужнино место за ее дочерью, которая могла бы выбрать себе жениха, так как она после мужа осталась вдовой с ребятишками «сама шестая»²⁷⁶.

Материальное состояние архиерейского дома

Ростовская епархия считалась одною из самых по древности важных и по средствам богатых в России. При учреждении патриаршества она в числе четырех возведена в митрополию. В одном из проектов XVII века предлагалось поставить в ней патриарха. Такому значению ростовской епархии, кроме ее древности и наследственного уважения к владыкам, управлявшим некогда религиозною жизнью почти всех полночных стран, помогало нажитое веками прочное благосостояние. Помимо дани с ростовского духовенства, в ростовский архиерейский дом шли доходы с огромных церковных вотчин, принадлежавших ему. Одни леса занимали территорию до 300 квадратных верст. Соответствующее количество было и пахотной земли, сенных покосов, мельниц, рыбных ловель, оброчных статей. Крестьянское население архиерейских земель закреплено к архиерейскому дому на тех же основаниях, как и к служилому сословию. Владыка имел над ним право суда, распоряжения трудом и расправы. Он нес пред правительством ту же платежную ответственность, как и служилое сословие: денежными пошлинами, рекрутами, налогами, если государь по особому усмотрению не освобождал от какой-либо повинности, напр., ямской, полотняной и т. п.

Только в сравнении с правами служилого сословия положение его было выше и прав больше. По образцу московского патриарха у владыки завелись помещики, которым за их службу владыке давались архиерейские вотчины с крестьянами в помещичье управление. Святитель имел своих бояр, боярских детей, дворян, которые служили у него в приставах, управителях, судьях, стряпчих, десятильниках²⁷⁷ и т. п. Богатства архиерейского дома давали возможность предшественникам Дмитрия украшать кафедральный город сооружениями и постройками. Митрополит Иона Сысоевич, благодаря неистощимым средствам населенных своих земель, понастроил храмов, разукрасил их с таким великолепием, что затмил древнюю славу ростовских князей, сидевших здесь в

удельное время, и значение, какое имели ростовские князья, перешло теперь, благодаря духовному влиянию на народ и богатству епархии, на ростовских владык.

Обилие материальных средств давало каждому архиерею возможность осуществлять на деле свои природные склонности. Если один из них, по собственному его выражению «для забавы людишек поотливал колоколишек» в 500 пудов, в 1000 и даже в 2000, то и Димитрий мог рассчитывать завести, например, любимые его школы для народа в видах сознанной им необходимости народного просвещения. Но его судьба поставила быть архиереем в особенное, никогда не бывалое на Руси время, какого не испытал ни один из 56 предшественников Димитрия по кафедре. Находиться, когда бы то ни было в том течении, которым уносилось все старое, и стремительным потоком несло новое, архиереям было очень трудно. Планы царя легли тяжким бременем на народ, на духовенство, а, в особенности, на архиереев.

Теперь узнали на деле цель и плоды монастырских переписей. Когда Димитрий проживал еще в Москве, по монастырям разъезжали стольники, дворяне, приказные и стряпчие. По ростовским монастырям и в вотчинах архиерейского дома опись производил стольник Воейков. Своими мерами, установленными при переписи, Воейков бросил в отношения между крестьянами и духовными их властями недоразумения, не угасавшие десятки лет²⁷⁸ Описи земельных имуществ монастырей и архиерейских домов служили для правительства показателем того, что можно взять с них на военные нужды, а нужды оказывались велики, разнообразны, – на войско, на строение кораблей, на основание Петербурга и т. д. В своем увлечении кораблестроением на Воронежской и Олонецкой верфи, Петр потребовал средств от всех сословий. В кумпанства для постройки кораблей входило и духовенство, помимо особого корабельного сбора с него по 4 алтына с деньгою с приходского двора. При вступлении Димитрия на Ростовскую епархию вышло распоряжение все церковные оброчные статьи отдавать в оброк уже через светские власти с надбавкою.

Указы об этом прибывали к проезжим воротам. В следующие годы требования всяких средств в правительственную казну росли и изыскивались с изумительной находчивостью в виде налогов банного, гробового и т. п., истощая и церковные вотчины.

В 1703 году потребовали людей для кораблестроения; – сначала в виде набора с 200 дворов по одному плотнику с инструментами, а потом на это дело определили все Пошехонье. Кроме того, плотники потребовались из Ростова, Ярославля и Романова. Потом был спрос о наряде каменщиков и кирпичников для постройки городов. Где таких мастеров не находилась, там взыскивали по гривне с двора²⁷⁹. Кроме плотников и кирпичников на Олонецкую верфь требовали кузнецов. Из Ростовских уездов гоняли в Москву лошадей для осмотра и набора в войска²⁸⁰. Шла переписка брать провиантский сбор натурой²⁸¹. При налогах на драгунских лошадей в указах настойчиво подтверждалось, что сбор обязательно шел с самого духовенства, а не с прихожан. С тех пор беспрерывно недостаток и убыль в войсках сопровождались усиленными рекрутскими наборами. При Димитрии начался набор рекрутов из духовного сословия, чего никогда ранее не бывало ни в Великороссии, ни в Украине. Все лица, происходящие из духовного звания, но неграмотные и не способные быть церковниками, должны были идти в солдаты; иная служба им воспрещалась²⁸². Строго смотрели за тем, чтобы от этого распоряжения никто не уклонялся.

В Ростовской епархии такие правительственные меры приводили в страх и порождали самые невероятные слухи. Один священник узнал, что скоро в рекрутский набор станут вербовать без снисхождения из всего духовенства и даже священно-церковнослужителей. В охватившей его печали стал он молиться, чтобы Бог не допустил его разлучиться с женой и детьми; затем отправился в Ростов проверить слухи. Ростовский протопоп Симеон подтвердил, что об этом говорил ему и воевода, будто, скоро будет такой набор. Священник пришел в ужас и стал думать, как бы ему укрыться. Подумывал даже все бросить и бежать, да жаль стало с семьей

расставаться; нечем было и прокормиться без прихода. Дорогой повстречались с ним священники, приезжавшие в Ростов по поводу таких же слухов. Те его утешили. Зашли они для выведывания в приказ духовных дел и начали с приказным дьяком свою речь издалека, будто, пришли с уплатой оброчных денег за своих детей. Дьяк сказал: «плату вы платите по-прежнему и за великого государя Бога молитесь. Велено было нам по государеву указу дети ваши всякого церковного чина в рекрутский строй брать, а ныне те указы на Москве с ворот сняты, и вы живите по-прежнему.»²⁸³

Теперь положение духовенства стало зависеть от взглядов правительственных, которые были так новы и необычны, что давали повод верить всяким слухам. Помимо натуральных повинностей, старые денежные сборы увеличивались и без конца налагались новые. Увеличены ямские сборы, полотняные; новые сборы носили какие-то бесформенные названия, гривенный, полтинничный, полуполтинничный (на военный приказ 1708 г. 8-го декабря). В числе специальных сборов значился для «содержания царевны Маргариты Алексеевны» по 5 денег с двора²⁸⁴. Кроме того, стольник Воейков по указам отбирал серебряную казенную посуду, ломаное серебро в монастырях и даже конскую сбрую, если она отправлена в серебро²⁸⁵. Каким-то чудом укрылись от государевых прибыльщиков сенные доходы; до них дошла очередь после.

Архиерейский дом и монастыри могли бы ещё содержаться от своих вотчин, где на них и исстари работали крестьяне и отправляли натуральные повинности. Но и это было ограничено. Половина всех церковных крестьян освобождена правительством от натуральных повинностей с обязательством вместо этого вносить 28 копеечный ежегодный налог в казну. В Спасоярославском монастыре Воейков определил на содержание братья 1.500 душ крестьян, тогда, когда до этого времени у монастыря было 14000 человек. Остальные вошли в состав «заопределенных». Распределение крестьян сделано Воейковым так неудачно, что стало причиной нескончаемых волнений среди крестьян и полувековой тяжбы их с монастырем. — Положение церковных крестьян тоже

ухудшилось, когда единицу обложения раздробили, именно, вместо двора стали взыскивать с каждой живой крестьянской души. По установленной круговой поруке крестьян обязали платить за рекрутов, за беглых, за умерших после народной переписи и за всякую пустоту.

От несносного положения разоренные налогами и сборами крестьяне бросали церковные вотчины и обращались в бега. От этого вотчинное хозяйство еще больше расстраивалось, платежи в казну увеличивались, так как крестьянское общество обязано было платить не только за себя, но из-за беглых. В случае недоимок несли ответственность за крестьян их духовные власти. При чем светские власти имели склонность обвинять их в нерадении к государственным интересам даже и тогда, когда сами тормозили такие платежи. Раз из углицких монастырей потребовали обычной ежегодной высылке 18 человек служек и конюхов в указные места. В день отправки всех высылаемых похвтал углицкий воевода под тем предлогом, что ими не внесены денежные и хлебные платежи в государеву казну. Прибытие их в Москву поэтому затянулось, а отписываться о причинах умедления должен был митрополичий стряпчий пред самым Воейковым²⁸⁶. Светские власти не опускали повода доносить на всякие неисправности духовенства. Последнее старалось задобрить стольников, но не всегда удачно могло это сделать. От времени митрополита Димитрия сохранились жалобы, что стольники не принимали простого чествования, а предпочитали и вымогали взятки.

На Ростовском митрополите тоже лежала ответственность за вотчинные платежи пред Монастырским приказом. В 1704 году предписано ему наблюдать за поповскими старостами, чтобы писал им венечные памяти на клейменной бумаге по одной только свадьбе на столбце, оплачиваемом копеечным сбором, так как при некоторых церквях стали писать по 5–6 и даже по 20 свадеб на одном сите. За такое нерадение к государственному интересу виновников отсылали для правежа пенных денег в оружейную палату²⁸⁷. В 1706 г. узаконено с дьячков и всяких церковных причетников, которые написаны в службу, брать по рублю, с малолетних по 26 алтын и 4 деньги, со старых и

увечных постольку же. При таких сборах денег опрашивали еще и о новорожденных, на которых вперед положен такой же оклад, как и на младенцев²⁸⁸.

Владыке не представлялось никакой возможности стоять за свое вотчинное хозяйство, как в Чернигове, потому что всякие протесты шли в разрез петровским указам. Ему оставалось терпеть, как бы ни стесняли его.

По какому-то счастливому случаю разрешалось отпускать запасы с вотчин про архиерейский обиход без оскудения. Но в остальном содержание дома все более и более ограничивали: на другие домовые расходы без указа «отпускать ничего не велено»²⁸⁹. От владыки требовали точного выполнения предписаний о сокращении монахов, приходского духовенства и о неприкосновенности церковных вещей.

Ему сделали форменный указной выговор за то, что он, будто бы, постригал лишних, по своему усмотрению, монахов, а также поставлял священников по 2 и по 3 в такие приходы, где положено быть одному. В 1705 году ему послан из Москвы высочайший выговор: Царь узнал, что в Ростове продолжают посвящать архимандритов, игуменов, дают им шапки, ставят протопопов там, где их не было ранее, и, таким образом, поступают самочинно. Кроме того, Ростовский владыка увеличивает, будто бы, состав приходских причтов, отпускает своих попов в патриаршую область, где они служат у крестов, бедствуют и ведут нетрезвую жизнь; затем, вопреки церковным правилам, посвящает несовершеннолетних, многих проклинает и налагает запрещения, так что иные умирают без покаяния. Ему поставлялось на вид нерадение о своей пастве – и предписывается: впредь о всех своих назначениях священно-церковнослужителей извещать письменно в патриарший казенный приказ, как это было и при патриархе; от вдовых священников следует ему отбирать подписку в обязательстве принять пострижение; ставить вновь священников не по переписным книгам, а по писцовым²⁹⁰, и только по усиленным просьбам самих прихожан не возбраняется учредить второй притч; посвящать только ученых священников и не моложе 30 лет.

Запрещается, «по правилам св. апостолов», переводить священников с одного места на другое, потому что переведенные священники имеют обычай продавать свое место, по своему усмотрению, другим иереям. Проклинать людей архиерею совершенно возбраняется²⁹¹, но не повинующихся можно подвергать запрещению на время, пока «не престанут от начинания своего». – Такой выговор учинен святителю по настоянию Воейкова. Обостренные отношения их между собою видны и из других дел. Так еще в начале святительства Димитрия, Воейков доносил о растрате церковных вещей у архиерея, будто бы, старые ризы у него употребляются на костюмы для комедийных представлений. Сначала стольник послал казначею свои указы – не тратить церковных материй без разрешения. Казначей, однако, его не послушал. Тогда Воейков запечатал церковную палату и донес в Монастырский приказ. Владыке пришлось не только перенести такое хозяйничанье стольника в своем доме, но и выслушать выговор, посланный из Духовного Патриаршего Приказа, где во главе всего стоял друг владыки, м. Стефан Яворский.

С Воейковым у святителя случались частые приятные столкновения. Однажды, во время литургии в ростовском соборе кого-то били на правеже. Отчаянные крики истязуемого ясно слышались в самом храме и мешали богослужению. Архиерей послал на правеж сказать, чтобы прекратили истязание. Однако, распорядившийся там стольник продолжал битье и крики продолжали раздаваться. Тогда святитель оставил богослужение и ушел в любимое свое село Демьяны²⁹². Велики пороки, по мнению Димитрия, во всех званиях и сословиях, но дворяне всех превзошли в нарушении нравственного закона. В одной проповеди его приводится легендарное сказание, будто Моисей, сходя с Синайской горы со скрижалями, разбил их не поперек, а вдоль, при чем на одной отбитой половине было только начало отдельной заповеди: не, не, не..., а на другой стороне окончание ее: «сотвори себе кумира, приемли имени Господа Бога твоего всуе, убий, прелюбы сотвори, укради; по этой половине

заповедей и живут ныне дворяне, говорит Димитрий: убивают, крадут и проч.

Несогласия между владыкою и Воейковым перешло даже границы отношений по должности. Однажды во время проповеди святителя дочери Воейкова без стеснения громко разговаривали и смеялись. По окончании проповеди он в своем возгласе «благословение Господне на вас», прибавил: «кроме смеющихся». Впрочем, сам Воейков нес строгую ответственность за целостность церковных средств, которые могли быть обращаемы в казну правительства. Он должен был следить, когда поповские старосты собирали дань с духовенства на архиерейский дом, венечные деньги с браков и проч., а также следил за правильностью записи их. 1704 г. 4 дек. Приказано данные деньги и венечные пошлины и всякие доходы митрополита Димитрия собирать ему, Воейкову, совместно с архиерейским казначеем, с точною записью всего. Раз в Московском Казенном Приказе обнаружили неправильную запись в книгах, именно: – утайку сбора по деньге с каждого приходского двора, венечные деньги тоже оказались записанными не сполна; – вместо 5 алтын 4 деньги с первобрачных записано по 4 алтына, вместо 13 алтын 2 денег с второбрачного – по 6 алтын и т. п. – С Воейкова потребовали не только объяснений, но и всех удержанных по его²⁹³ недосмотру денег.

В 1705 году велено переписать всех монахов, а также количество пострижений после народной переписи с указанием, на какие убылые места размещены новые постриженники и по каким указам. Представить в Москву справки об этом обязали митрополита²⁹⁴.

В том же 1705 году из ограниченного содержания монахам убавили еще половину: получающим 10 рублей в год положено по 5 рублей, равно архиерейским людям, служащим на жалованье, давать половину, да и во всех вотчинах половину доходности отбирать для отсылки в Монастырский Приказ на дачу ратным людям²⁹⁵. «Сколько беззаконий! Столько обид!» восклицал владыка. «они вопиют на небо и будят там гнев отмщения! Но мы не теряем надежды!» Положение нашего

низшего благого духовенства, не имевшего средств платить дань архиерею, возбуждало одну печаль и тревогу: «внеуду брани, внутрьуду страхи!»²⁹⁶ «печалью смущаяся, видя беды, сущие священникам, и видя слезы их и дом наш, падающий час от часу!»

Старшего виленского, терпевшего от униатов, Димитрий утешает: «вы терпите от чужих, а мы от своих». «Остался только прах». Сам чуть не пешком брожу: ни коня, ни всадника! Оскудели овцы от пищи и лошадей нет²⁹⁷. Гомерическое опустошение церковного хозяйства дало повод Димитрию вспомнить разрушенную Троицу. Святитель утешается лишь тем, «когда сам ничего не имеешь, то никто уже ничего и не отнимет»²⁹⁸. Он сознавал, что царя вынуждает к новым налогам тяжелая война, повторял даже точные слова Петра: «деньги нерв войны!»²⁹⁹ По-видимому, и в монастырях сознавали необходимость обратить все средства на временные общегосударственные нужды для борьбы с непримиримым врагом, только неизвестно, что вызывало на такое сознание: патриотизм или запуганность. Угличские старосты церковных вотчин сожалеют, что нет у них для высылки на верфи ни кузнецов, ни плотников, они выражают готовность не только платить за это деньгами, но и положенную пеню, что государь укажет³⁰⁰. Времена стали для святителя так тяжелы, сто ему было, как он выражался, не до фантазий и не до книгопечатания.

Светские чиновники распоряжались имуществом архиерейского дома, как своим. Однажды владыка уезжал в Москву. Когда же вернулся оттуда, то дом его едва не оказался уже занятым: в нем хотели поместить пленных шведов. В Москве он видел то же порабощение. Более горячий митрополит Стефан Яворский не молчал о своем унижении. О недовольстве его знал и Петр Великий. Конечно, оба митрополита делились друг с другом своими мыслями о небывалом унижении церкви и стеснения духовенства. Яворский в письме к Димитрию сетует, что он живет у царя на положении пленников, «от них же первый есмь аз, грешный Степка!»

Сам царь всегда изъяснял ростовскому владыке знаки своего расположения. Проездом в Архангельск, весною 1702 года, Петр был в Ростове; посетил и архиерейский дом. Св. Димитрий принял его в сохранившейся до ныне Белой палате³⁰¹. Царь был в благодушном настроении и, будто бы, приказал стольнику Воейкову: если тебе прикажет архиерей, дом архиерейский перенести на остров (на Ростовском озере), то ты во всем удовольствуй³⁰². Но все это скоро забылось. Практический взгляд царя усмотрел новые предметы эксплуатации ростовских земельных угодий. После его посещения стали устраивать казенные овчарни на ростовских землях, обильных мелкою луговою травой.

Святитель протестовал против обид церкви и унижения ее, но протесты его были литературного характера. В летописце³⁰³, не предназначенном, впрочем, для напечатания, обличаются у него люди, которые не только своего не дают на церковь, но и чужое отнимают; написана даже большая статья о не отнимании у Церкви имений. Сведения о свободе Церкви собирались им тщательно. Он просит своего друга Феолога послать слово «о разграбляющих имения церковные», переписавши его из книжки, принадлежавшей ему³⁰⁴. Сам затем выписывал места из Барония, Голятовского, Кедрина, где говорилось о церковных имениях, о неприкосновенности их и наказании свыше за отнятие их. В древности в России много составлялась таких слов на «обидающих Церкви Божия», «о свободе святых церкви». Последнее от 1505 года хранилось и у святителя Димитрия, но он опасался показывать все это посторонним, потому что «различны нравы у людей, один ищет пользы, а другой ухватки»³⁰⁵.

Если Димитрий касался защиты церковного достояния в своих проповедях, то всегда говорил в общем смысле, а не об одних земельных церковных имениях, называя церковное достояние «вещами», «святим», и при этом опирался на ту нравственную силу, которая издревле охраняла имущество Церкви, закрепляла и способствовала росту его во всех видах.

«Чужие вещи, а особенно церковные-огонь», они все сожгут, где появятся незаконно, нельзя обогатиться грабежом. Илиодор,

казначей царя Селевка, пришедший ограбить в Иерусалиме церковь, – бит был ангелами.

Если придет человек в безбожие, забудет страх Божий, тогда решится и на несправедливый промысел, прострет тогда руку и на святую. Кто отнимает у другого вотчины, палаты и дома, тот ввержен будет в тесноту адскую³⁰⁶.

Приводятся у святителя и исторические доказательства церковноимущественного права. Так он напоминает, что прежде цари представляли церкви не только богатства, но и свои порфиры, скипетры и венцы, содействуя благолепию ее³⁰⁷.

Но нравственное воздействие святителя не приносило результатов тогда, когда сила заключалась в указах и распоряжениях правительства. Всякий налог на церковных собственников и строгость взыскания его оправдывали военной нуждой. На обложения и сам царь смотрел тогда, как на меру чрезвычайную и временную. Известен ответ царя одному архиерею, что если во время шведской войны, по нужде, пришлось перелить колокола на пушки, то после можно сделать и наоборот: пушки опять перелить на колокола.

Зато ростовский воевода, Иларион Воронцов, оказывал возможное содействие владыке в его скудном положении. Так, он озаботился укрепить городской вал у Ростовского кремля, где шел спуск к озеру. От стока весенних вод земляной вал непрерывно обсыпался; спуск по нему к Ростовскому озеру стал затруднительным; во время же крестных хождений невозможно стало пронести чрез это место иконы.

За неимением средств у владыки, воевода хлопотал чрез разряд укрепить вал на казенный счет³⁰⁸.

Когда, таким образом, за всем обширным хозяйством архиерейского дома и монастырей и за исправностию вотчинных сборов следили из Монастырского Приказа чрез своего стольника, то духовным владельцам, как любили тогда выражаться в правительственных указах, стало «менее заботы» о вотчинах: за них светские власти делали безчеловеческие взыски, применяли правед за неплатежи. Хозяйство уменьшилось за сокращением земель, доходов и числа монахов; бельцы же все были повысланы из монастырей.

Все черные работы на монастырь, по установившемуся вековому обычаю, исполняли вотчинные крестьяне; они пахали пашню, привозили хлеб не только в Ростов, но, по особым нарядам, и в Москву. Они же ставили на владычных лугах сено, рубили и поставляли дрова, лучину, исполняли все сделья, без которых теперь немыслимо было обойтись монастырям и архиерейскому дому: поставляли овощи, грузди, морошку, грибы, овчины, подводы и т. п. Такие «сделья» поражают своею мелочностью, но они составляли необходимое подспорье при скудных средствах духовных вотчинников, издавна развивших широкое домовое хозяйство. Но когда крестьяне почувствовали стесненное положение духовных своих владельцев, они стали смелее по отношению к ним. При своем собственном разорении от бесчисленных государственных налогов, они уже проявляли готовность пользоваться архиерейскими лесами и лугами.

Оберегавшие архиерейские леса боярские дети доносили владыке, как трудно хранить их от крестьянских порубок. Лес воровали помещичьи крестьяне не только тайком, но и открыто. Так в 1708 году для порубки архиерейского заповедного и дровяного леса на свои дома пришли «с многолюдством», вооруженные бердышами, дубинами и копьями. Когда оберегавший их Иван Губастов стал их не допускать, то они его били и увечили на смерть; похвалялись еще и убить в лесу, если он станет мешать им.

Некоторые вотчины вместо пользы приносили один убыток. Так, в подмосковном Дорогомиловском селе все почти крестьяне разошлись в столицу на заработки. Сборы с них на архиерейский дом поступали неисправно, а между тем, все недоимки с них ложились на ответственность владыки³⁰⁹. Архиерейский дом пришел в такую скудость, что святитель вынужден просить пожертвований на него на стороне. Так, он пишет к Феологу в Москву: «попроси, чего не великое, у благодетелей»³¹⁰.

Пастырские отношения к пасомым при таком положении святителя требовали от него большой сноровки, терпения и нравственной силы. Что он мог сделать для облегчения изнывающего от поборов населения? Трудно было угодить и

своим вотчинным крестьянам. Тогда привелось бы отказаться от средств, предоставляемых ими для содержания своего архиерейского дома, где скудость сказывалось на всем. Небезопасно стало указывать и на беспощадное отношение к крестьянам разных правительственных сборщиков.

Однако мудрый и тихий владыка нашел средства помощи в труднейшее время для русского народа, в важнейший исторический момент государственного устройства. Силу же для этого он почерпал в беззаветной любви к своей пастве, как к духовенству, так и к простому народу. Она сказывается во всех его мероприятиях по епархиальному управлению; в разрушении одряхлевший обрядности и в насаждении библейских начал жизни не только церковной, но и школьной, а также бытовой и общественной.

Глава II. Школа Димитрия

Все человеческие нестроения Димитрий считал последствиям невежества. Даже причиной падения прародителей он считал незнание; невежеством объяснял происхождение раскола и другие заблуждения; пышная похвала разуму написана им еще в «Алфавите Духовном», появившимся в Малороссии³¹¹. Познание он превозносит, откуда бы оно не почерпалось. Он хвалил обычай посылать молодых людей за границу. «Что другое может вразумить человека, как не учение?», – говаривал он. Поэтому принимал все меры насадить школьное образование в своей епархии. Первая Ростовская школа им основана, им поддерживалась и, если закрыта, то помимо воли и ведения, и даже в отсутствие его. Она помещалась в самом ростовском кремле подле архиерейских палат в комнатах садового корпуса³¹². Вербовали в нее детей всякого сословия и состояния, не только духовного звания, но детей горожан, даже «нищих». Для святителя все дети были равны и обучение для всех предлагалось бесплатное. Вскоре, по вступлении Димитрия на паству, поповские старосты известили всех священников, чтобы в открытую у архиерея школу посылали учиться всех детей школьного возраста. И, должно быть, священники не сразу откликнулись на зов архиерея, потому что вскоре последовало от него внушение не задерживать детей дома, высылать их в архиерейский дом и не ждать повторительных указов. Ослушникам владыка грозил даже мздою³¹³. Таким образом в школу собралось до 200 человек детей. В это число попали малороссийские дети и даже греки.

Весь год 1702 прошел в приготовлениях и организации обучения, – в устройстве помещения, найме учителей и вербовании учеников. При таком поспешном и совершенно новом деле состав ростовских учеников оказался самым разнообразным по сословию, подготовке, пониманию, а может быть и по возрасту. Детей разделили не по возрасту, а по

способностям на два разряда: лучший и худший; занятия с лучшими и худшими учениками шли отдельно.

Владыка сам влагал душу в школьную постановку. Он ходил в школу, слушал ответы учеников, сам испытывал их. Зимой он читал и толковал им священные книги Ветхого Завета, а летом приглашал в свое архиерейское село Демьяны и там занимался с ними объяснением священных книг Нового Завета. Постановка воспитания отличалась разнообразием и широтой.

Не мало изобретено таких средств, чтобы умы учеников не замыкались в одной школьной сфере науки. Им предоставлялась свобода. Иногда их вывозили по ростовскому озеру на остров; там они бегали, гуляли в поле. Не редко посещали и архиерейские села; кроме Демьян бывали в Шестакове, Капцах. Сам будучи знатоком и ценителем искусства и поэзии Димитрий не пренебрегал в развитии у детей сценического искусства. Дети более опытные разыгрывали пьесы и комедии. С позволения владыки они пользовались для декорации и костюмов материей из архиерейской ризницы и, притом в таком размере, что возбудили неудовольствие стольника Монастырского Приказа. В 1702 году представлена известная комедия на Рождество Христово. Был тут и владыка³¹⁴. В 1704 году они разыграли пьесу «Венец великомученику Димитрию» в стихах. Сам владыка сочинил для них диалог на Воскресение. Иногда давалась комедия на Рождество Христово. Драматическое построение «стихов страстных», сочиненных святителем Димитрием, дают повод предполагать, что дети разыгрывали и эту пьесу. По смыслу пьесы на сцену выходили 11 отроков с предметами, бывшими при распятии Господнем, например, вервью, бичом, терновым венцом, молотом и др. и в стихах выражали скорбь о страданиях Его³¹⁵.

Разнообразие школьной жизни и самостоятельность способствовали сознательному развитию детей. Свобода царила и в педагогических приемах. Ученикам предоставляли самим готовить уроки. Владыка лично увещевал их учиться, в поощрение раздавал им по грошу денег, и приглашал к себе. Поощрения иногда опирались на чувство честолубия

детей. На ученье указывалось как на источник почестей и власти епископов, князей и воевод. Кто опережал товарищей и переселялся на высшее место, на похвалу такому не жалели фраз: его уподобляли кедру ливанскому, кипарису или финику, тогда как худых учеников величали ракитою, горькой осиною и другими, менее звучными прозвищами. Иногда в наказание провинившихся не пускали гулять по архиерейским дачам в Демьянове.

Детям, не имевшим понятия о совместном обучении, трудно было войти в школьную колею. Поэтому владыка снисходительно относился к виновникам, если они сознавались в своих проступках. За сознание в лености и шалостях обещалось всегда помилование. Но были ученики, не думающие об исправлении. Таким детям сам владыка грозит наказанием даже плетью. Иным не нравилось ученье, и они не ходили в школу, другие из нерасположения к латыни уходили от уроков под предлогом, что им, как певчим, надо идти в церковь. Как только владыка узнавал о таких непорядках, – то сам принимал меры. Раз он пишет ученикам: «слышу о вас худо; вместо учения учитесь раздражению, а неции от вас вослед блудного сына пошли со свиньями конверсовать³¹⁶. Печалюсь очень и гневаюсь на вас, а так как причина вашего развращения та, что всяк живет по своей воле, всяк большой, то, поэтому ставлю над вами сеньора господина Андрея Юрьевича, чтобы он вас мунштровал как цыганских лошадей, а кто воспротивится ему, тот пожалован будет плетью»³¹⁷.

Так как в неприятных столкновениях учеников со своими учителями фигурирует латынь, то, вероятно, ростовским ученикам этот предмет был ненавистен. Это было общим явлением. Со времени возникновения малороссийского влияния на русскую школу латынь упорно проводится в ней и всегда встречает не менее упорное нежелание среди учащихся к ее восприятию. Древняя русская образованность покоилась на византийско-греческих основаниях. Греческий язык и аскетическое направление в византийском духе имели мало общего с латинской образованностью схоластического и практического типа. С Петра Великого началось влияние этой

половины западной Европы, где все, напоминающее старый папский строй, подверглось отвержению и где латинский язык не имел главной роли в просвещении. В киевских ученых латынь нашла горячих почитателей. Они принесли ее в Россию и проводили в школах с замечательной настойчивостью. Массовое нежелание учиться латыни в расчет никогда не принималась, не хотели видеть и безрезультатность такой учебной постановки. За все многовековое время господства латыни не составлено было в России ни одного учебника латинского языка, а пользовались чуть ли не в течение 200 лет одним учебником иезуита Альвара³¹⁸.

Святитель Димитрий тоже отдал дань общему увлечению. У него преподавался и греческий, и латинский языки, но не оба языка пользовались одинаковым расположением преподавателей: латинский ставился выше. Лучшее отделение или класс назывался латинским, а менее успешный – греческим. «Грамматическое ученье» началось с русской азбуки. Одновременно учили писать, и искусству петь. Владыка был большой любитель пения, в молодости даже нес послушание церковного пения, да юго-западных школах нотному пению отводилось в школе не последнее место. Изучение всей грамматики кончилось в три года. После приступили и к изучению синтаксиса. В конце года происходил экзамен. В течение учебного года ученики упражнялись, как и в юго-западных школах, в словопрении, например, по вопросу – кто выше, – Иоанн Предтеча или Иоанн Богослов, возлежавший на персях Господа; один ученик защищал и превозносил Крестителя, а другой – Богослова, а в конце концов оба спорящие мирились и каждый из них хвалил того, кого защищал его противник. Латинскому языку научали до такого совершенства, что ученики могли писать на нем стихи и составлять композиции. Держась в постановке школьного преподавания южнорусских традиций, сам Димитрий высоко ставил и греческий язык. Он считал эллинский язык началом и источником любомудрия; от греческого языка произошло всякое учение во всех народах. Хвалит он греческий язык и в частных письмах³¹⁹, и в проповедях.

Для ознакомления учащихся с христианским вероучением после молитв изучался катехизис. Практиковавшийся в ростовской школе катехизис занесен тоже из Украины. В нем есть характерные упражнения в схоластическом совопросничестве. В катехизисе, бывшем в употреблении в школе и даже помещенном ошибочно в число его сочинений³²⁰, есть признаки его применения для школы. Наем учителей, приобретение учебников, лексиконов славяногреческих и греколатинских, глобусов, географических карт, тетрадей для многочисленных ученических письменных упражнений и прочее, все это составляло заботу одного владыки. Учителя вызваны из Украины. По русскому языку известен Евфимий Морогин, а латинский язык преподавал Иван Мальцевич³²¹, был и третий учитель риторики Богомодлевский.

Платы за обучение не взималось, потому что и при безмездном обучении владыке приходилось понуждать отцов, чтобы отдавали своих детей в ученье. Сборы с духовенства на школу только разрушили бы новое дело образования. Решено поэтому деньги на школу брать из средств ростовского архиерейского дома. Но там Воейков все успел уже зарегистрировать. Владыке приводилось просить у Монастырского Приказа разрешения тратить на дело образования своих же архиерейские средства. Он представил особую роспись расходов как на служащих своего дома, монахов, переводчиков, певцов, дьяков, келейника, повара, так и на учителей с учениками.

Учителя греческого и латинского языка получали по 30 рублей в год каждый, учитель русского языка – 5 рублей. Ученикам святитель ассигновал по их бедности по деньге на день; в поощрение же лучшим, которые будут изучать греческий и латинский языки, тем по 2 деньги.

Роспись святителя через Воейкова поступила в Монастырский Приказ. Там решено было расходы на школу покрывать из архиерейских средств, тем более, что жалованье учителям оказалось небольшое в сравнении с учителями московской школы, получающих по 60 рублей в год.

Не мало порадовало святителя сочувствие и помощь его просветительному делу со стороны воеводы Илариона Воронцова. Сохранилась письмо святителя, где выражена благодарность воеводе за приветливое отношение к учителям ростовской школы, за то, что он угостил их и отправил на своих подводах в Ярославль³²².

Успехи школы интересовали владыку. За мало успешность не применялось строгих наказаний, если ученик не имел хороших способностей. Их ободрали и советовали молиться святым.

Школьники заменяли святителю семью и друзей в тяжелые минуты одиночества и болезни. Так он приглашал их к себе, когда был болен и заставлял читать молитву «Отче наш» по пять раз в воспоминание пяти язв Господа на кресте, потому что от этого ему было отраднее. Присутствие учеников при богослужении было обязательно³²³. Во время всенощной ученики пели на клиросе, а во время кафизм все приходили в алтарь на благословение святителю. Он сам их причащал, сам и исповедовал, убеждая усердно молиться, жить в чистоте, целомудрии и воздержании. Обещал им и свои молитвы Богу, если только это будет полезно для них.

Ученики утешали со своей стороны святителя пением. Певчие из учеников входили в состав архиерейского хора; они участвовали при богослужении и в других церквях. О близости Димитрия к ученикам свидетельствуют следующие слова комедии на Рождество Христово: «лицу святительства вашего предстоя, верую, что вы тоже полны благодати к детям, как и Господь был на земле, давая детям к себе путь невозбранный»³²⁴.

К огорчению владыки школа существовала только три года. После одной из своих поездок в Москву 1705 г. святитель уже не нашел ее: учеников распустили, по приказанию стольника Воейкова. При скудости средств на военные потребности нашли излишним и непроизводительным выдавать деньги на содержание учителей и учеников. Досада святителя выразилась в горестном его письме к митрополиту новгородскому, у которого тоже возникла школа, основанная Лихудами. «Что

человека вразумляет, как не ученье?» «Я завел было латино-греческое, поучились два лета, не больше, стали и грамматику не худо разуметь... Но вознегодовали питатели наши (из Монастырского Приказа), будто бы много выходит на учителей и учеников издержек. И уже все то, чем должен архиерей питаться, от нас отнято, не только вотчины, но даже вечные памяти»³²⁵.

Но дела просвещения святитель Димитрий не покидал. Он приказывает священникам, чтобы они сами учили своих детей грамоте, читать, писать и понимать, что читают. До закрытия школы он убеждал их чрез свои пастырские послания отдавать детей в ростовское училище, где безденежно учат, чтоб им не быть глупыми, а когда будут священниками, то могли бы учить народ и по книгам, и живым словом.

Дело Димитрия не пропало бесследно. Стали появляться школы и в других местах. В Ростовской епархии упоминается за петровское время цифирная школа. В других епархиях школы мало-помалу стали возникать. Это дало повод правительству сделать общее предписание всем архиереям заводить школы при их домах на свой счет.

Глава III. Управление паствою

От священников владыка требовал, чтобы они исправно совершали богослужение и учили своих духовных детей. На обязанность их он особым указом возложил труд обучения прихожан молитвам. Обучение должно происходить за литургиею: владыка советовал каждому священнику с амвона читать краткие молитвы: «Иисусову молитву», «Царю небесный», «Трисвятое», «Отче наш», «Богородица Дева радуйся» и «Символ веры» и твердить со слушателями не спеша «по одной точке».

Свои собственные проповеди он приноравливал так, чтобы некоторые из них могли быть произнесены и священниками. Для этого он делал отметки, до какого места написанные им проповеди можно говорить, как ее приспособить и с чего начать. Относительно слова на день мучеников кизических в рукописи есть пометка: «сие и мученикам общее, аще изволиши чести». А далее: «зри: аще не в день святых девяти мучеников, то сие пропусти и чти конец» и т. п.³²⁶.

Святитель не разделял обычного взгляда, что архиерей, как начальник над иереями, не обязан заглядывать в народную толщу. За обличение духовных нестроений он принимается сам. Он даже бросает свою излюбленное желание – писать летопись. Бог о летописании не станет спрашивать, а об этом, если молчать, – истяжет. Не для того архиереи, чтобы величаться, но, чтобы показывать в себе образец смирения Христова. Не добро ему не иметь в устах слова, называться учителем и не учить, источники на мантии носить, а источников учения не источать³²⁷, и, главное, образец его собственной жизни должен исправлять всех. Он убеждает пастырей взять пасомых «на рамена своя, как доилица носит доимых»³²⁸. Священникам святитель завещал неослабную проповедь, если не словом, то жизнью³²⁹. Признак доброго пастыря, когда он перед овцами, а не позади овец ходит в подвигах и богоугождении; не добро, когда овца бодрая, а пастырь ленив; овца постничает, а пастырь разрешает

на вся. Если ему повелевается души своей для овец не щадить, то надо ли жалеть своего имени для них?³³⁰

Надежным средством будить благочестие в пастве Димитрий считает богослужение. Опять же пример усердия и любви к общественному богослужению он подавал сам. Он не пропускал у себя ни одной утрени. Требовал и от духовенства чинного богослужения. Он устраивал крестные ходы, сам участвовал в них и шел, как бы это далеко ни было. 22 июня 1704 года он устроил торжество переложение в Новую раку святых мощей князей Феодора, Давида и Константина Ростовских. В 1705 году подтвердил общие распоряжения о церковном благочинии, какие практиковались повсеместно в Великороссии.

По городам и уездам духовенство по обычаю выбирало одного *старосту*, который брал с духовенства всякие окладные и неокладные сборы, а также наблюдал за церковным порядком в своем округе. Вместо такого старосты владыка послал в 1705 году в Углич своего домового монаха Варлаама. В инструкции Варлааму³³¹ наказано наблюдать, чтобы богослужение совершалось «чинно и не мятежно и единогласное пение пели на речь»; литургию по новоисправленным служебникам совершали над 5 просфорами из четвероконечным крестом, и просфоры печь из чистой пшеничной муки. Ему внушено следить, чтобы антиминсы в церквях были новые, и везде вся утварь была целая, а не ветхая, в церквях находилось достаточное количество новоисправленных книг, сосуды для святого мира и купели – чистые, запасные дары в приличных дароносицах на престоле. Прихожан предписано научать их обязанности, чтобы они со своими детьми исповедовались во все четыре поста, в церкви стояли чинно и т. п.

Чтобы оживить богослужение в Великий Пяток и во время говения прихожан, святитель велел читать в этот день во время утренней после великого славословия составленный им «Плач на погребение Христа», а также и перед причащением. Содержание плача такое: «Куда ты идешь Иисус! ...Станьте, носящие, чтобы приблизиться нам к Нему и оплакать слезами Того, Кто кровь Свою пролил за нас! Что я вижу? Бога биен,

язвен и бездыханен! Тело –окровавлено, глава уязвлена тернием, произращенным для Него землею. Очи залиты и кровью, и слезами. Лицо, просиявшее на Фаворе, оплевано, на устах желчь, – сомкнуты оне! Руки и ноги пригвождены долгими гвоздями, ребро прободено! Воин отверз копьем сердце Его для наших взоров. Разгоряченное сердце охлаждено железным наконечником. Язвы Его вопиют к нам: «люби Меня, потом что все это за тебя претерпел». О, распяли любовь нашу к Тебе, чтобы мы спогреблись Тебе! Да будут Его язвы в нашем сердце навсегда!»³³².

Сам святитель возбуждал горячую и живительную веру в присутствующих. В 1707 году 23 декабря был такой случай: для больной бесноватой женщины он служил молебен в девичьем монастыре пред чудотворным образом Божией Матери. По прочтении кондаков с икосами больная, страдавшая 5 лет, почувствовала облегчение; во время литургии сам архиерей причастил ее Святых Тайн, и она возвратилась домой уже совершенно здоровою³³³.

Когда составлялось в первый раз житие св. Димитрия, то были в живых еще очевидцы таких чудес. Со слов такого очевидца, престарелого священника, впоследствии в 1757 г. записан такой случай. Жена этого священника, Татьяна Романовна, со времени замужества страдала тоскою. За два года до кончины Димитрия (1707 г.) после Пасхи она в тяжелой тоске стала кричать. Испуганный муж ее поспешил в келью архиерея и стал просить помолиться за больную. На утро ее привели в домовую архиерейскую церковь Григория Богослова. – Во время пения задостойника она сильно билась и кричала. По окончании литургии владыка велел священнику кропить ее святою водою. Больная кричала: «ты де мой мучитель, в другой раз ты меня мучишь: архиерей де меня мучил, о теперь ты меня стал мучить!» В полдень пришел святитель в ту же церковь, приказал больную ввести в церковь и читал над нею по великому требнику заклинательные молитвы «и прочее чиноположение и во время чтения молитв, когда духа заклиная именем Божиим и ударяя рукою своею по лицу ее, Татьяну, стоящую пред его преосвященством, коя тогда была держима

людьми, сказал: «изыде, душе нечистый, от создания Божия!» Тогда он, нечистый дух, в ответ говорил: «изыду, боюся тебя, архиерея!» А преосвященный, заклиная снова и кропя святою водою, говорил: «убойся Бога, а меня не бойся, только выйди!» Женщина была исцелена³³⁴. Священнику, который как очевидец рассказывал об этом, в 1757 году было 73 года, а во время рассказанного им события он имел 25 лет от роду.

Пасомые любили святителя. Упоминаются случаи, когда по выходе его из храма после литургии, они окружали его, сопровождая до келии и прося о разрешении своих недоумений. Он приглашал совопросников в келью и там беседовал с ними.

В Монастырском Приказе при ассигновании средств на ростовского архиерея резко разделили личные нужды архиерея от нужд его домовых людей. Архиерейские дома имели большой состав служащих, так как устраивались на подобие патриаршего. При доме жили судьи, приказные дьяки, канцелярские служители, протоколисты, а равно и домовые служители; в тот же состав архиерейского дома входила и духовная свита митрополита: священники, монахи, диаконы, певчие, управитель архиерейского дома из духовных особ, секретари, протоколисты, канцеляристы; из низших служащих: кухмистеры, повара, приспешники, хлебники, пивовары, солодовники, гвоздари, садовники, кузнецы, окольнішники, лошкомой, конюхи и проч., дворяне, боярские дети, находящиеся у государственных сборов, пристава и стряпчие по разным городам.

Состав архиерейского дома был в разное время неодинаков; – в лучшие времена доходил до 500 человек, спускался и до 200. При Димитрии его крайне сократили: положено 34 приказных и 85 домовых служителей³³⁵ на «преогромный дом»³³⁶. Из средств дома жалование отпускалось не всем. Некоторые питались от своих рук, как, например, светские особы: секретари, десятильники, бравшие с каждой церкви «почестная», т. е. добровольные пожертвования деньгами. Иных митрополит Димитрий сам наделял из своих владычных доходов. Все церкви в Великороссии и все духовенство считались податными учреждениями. Дань с них

определялась неодинаково. При св. Димитрии получалось около 3 рублей с церкви³³⁷, церковей же было около 800. Кроме того, вносили в архиерейский дом за новые антиминсы, были ставленнические пошлины, со священников взимались епитрахильные деньги, с диаконов – постихарные, потом, при переводе с места на место платились перехожие пошлины, новоявленные, дьячковские, пономарские, просфирнические, когда выдавались им грамоты на должность. Все эти деньги шли не одного архиерея. У Димитрия часть их уделялась в казну, по некоторой части получал казначей, иеромонах, ризничий, подризничий, хлебник, истопник, писарь, иподиакон и приказный истопник. С перехожих грамот деньги шли на архиерея, казначея и подьячих.

Когда таких пошлин, даней, окладных и неокладных сборов оказывалось в иных епархиях мало, то, по малороссийскому обычаю, начали приписывать к ним вотчинные монастыри. Только цели приписки оказались различными: в Малороссии несколько монастырей соединялось под одним управлением, чтобы защитить слабые обители от обид, по образцу западноевропейских конгрегаций; а в Великороссии, наоборот, приписывали монастыри к архиерейскому дому, чтобы брать с них доходы на содержание архиерейского дома. За приписными монастырями вотчины оставались по-прежнему, но часть вотчинной доходности вносилась на содержание архиерейского дома.

В епархии Димитрия находилось около 40 монастырей³³⁸. Состав людей в них теперь уменьшался, вследствие правительственных желаний сэкономить побольше остатков, которые можно было бы обратить на военные нужды.

Владыка вникал в течение внутренней монастырской жизни и состава монахов. От него зависело замещение настоятелей, казначеев и других административных лиц. При уходе настоятеля монастырское имущество описывали и уведомляли об этом владыку. Новому настоятелю давалась от него грамота на настоятельство. Так, в настоятельной грамоте игуменье Ярославского Казанского девичьего монастыря Александре Святитель приказывает священникам, диаконам, старицам и

слугам в монастыре новую игуменью почитать, слушаться и повиноваться, как госпоже своей. Она должна устраивать обитель, иметь духовную любовь, заботиться и начинать всякое доброе дело. В состав монастырского братства поступали вдовые священники. Впрочем, в случае нежелания постричься, им давалась грамота на служение в приходе. Так, в 1706 г. священник села Туталова, Василий, просит владыку пожаловать его – благословить служить в том же храме и выдать епитрахильную грамоту, обещая жить чисто и в послушании своему духовнику, в доме своем зазорных лиц не держать, кроме матери и сестер. Святитель соглашается на его просьбу³³⁹. К монашествующим святитель относился внимательно и с любовью. Сохранилось его письмо к старице монахине Варсонофие Евфимиевне, где он увещевает ее так: «люби Бога, так как Ему работаешь. Он воздаст тебе»³⁴⁰.

При обширном размере епархии ростовский архиерей не мог рассчитывать на спокойную жизнь в своей келии. Помимо беспрестанных посетителей из духовенства с просьбами об определении на места, о переводе, с жалобами и челобитьями, – каждое время года давало особых докладчиков и челобитчиков. Осенью съезжались сельские старосты и выборные из церковных архиерейских вотчин с докладами об урожае, сельских работах, о необходимости новых построек и перемене в хозяйстве. Зимой с 1 декабря начинали съезжаться поповские старосты из всех городов и уездов епархии с собранною ими казною даней, окладных и неокладных сборов со всего духовенства. Хотя все экономические дела сосредотачивались в Ростовском Духовном Приказе, но и владыке со своими экономом и казначеем было тогда немало дела.

Из Монастырского Приказа строго проверяли записи, в особенности, целостность венечных пошлин, чтобы они не оказались меньше окладной венечной суммы, зорко следили за денежными недочетами и всякими неправильностями. Ответа тогда требовали со столыника, тот, в свою очередь, тянул к ответу духовные власти, а за все отвечал архиерей. Провинившихся своих подчиненных не мог и он за защитить.

Жестоко наказывали не за одно злоупотребление, но и за недосмотр и халатность. Так, в 1704 году правящим взыскивали с виновных запущенный в Ростове гербовый сбор с венечных памятей³⁴¹.

Помимо челобитчиков, просителей и ответчиков у Дмитрия водились гости.

Святитель Ростовский принимал у себя раз самого царя Петра Великого. Два раза или более приезжала поклониться ростовским святыням из Москвы царица Прасковья Феодоровна (1708 1709 г. г.). Она глубоко уважала святителя и не забывала своим вниманием; однажды послала ему в жалованье лисье одеяло, в другой раз водки в 4 стеклянных сосудах, именуемых бутылках, и 3 кочана красной капусты. Таких почетных гостей обычно принимали в Белой палате. Из высших духовных лиц его посетил митрополит Ефрем Сербский, бывал там и Сильван, архимандрит Троицкий.

С своими украинскими земляками у Дмитрия знакомство не прерывалось. Сохранилось письмо его к новгород-северскому гражданину Семену Тимофеевичу Доморце, которого он благодарит за внимание к себе и своим родственникам. В Киев от него отправлялись за каким-то делом особые «посланники».

Из Троицкой лавры в 1707 году на праздник Рождества Христова прибыл к владыке префект, учитель философии в Московской академии иеродиакон Стефан Прибылович для того, чтобы поднести ему конклюдацию. Конклюдация – это род нынешнего «спича». У Прибыловича она вся состояла из напыщенных восхвалений архиерею и написана на латинском языке, считавшимся тогда особенно важным для выражения высоких материй. Искусное письмо ее на куске атласа разукрашено рисунками и фигурами, – именно, – изображением Духа Святого в виде голубя, окруженного по сторонам ангелами и ликом святых угодников. Из рисунков и надписей видно, что конклюдация было выражением признательности за составление житий святых; вензель вязью указывал инициалы Дмитрия Савича. Дмитрий величался здесь отцом патроном и особенным благодетелем; четыре его книги Житий Святых

уподобляются четырем евангельским книгам и называются «святейшим книгостроением». Автор Житий восхваляется за то, что являет своею подвижническою жизнью образец подражания святым. – При подношении конклюдии сам Прибылович произнес перед Димитрием похвальную речь. Это был молодой человек, подававший большие надежды своим трудолюбием и знанием философии и богословия. Димитрий с 1708 года посвятил его в сан иеромонаха³⁴².

К святителю приезжали гости и из Греции. Так в 1700 году был у него греческий архимандрит Иосиф Коломнятин из Афонской Пантократовой обители. Он освящал Духовскую церковь в Ярославле³⁴³.

Димитрий, как приветливый хозяин, и сам приглашал гостей: «пожалуйста, в церковь к обедне, а ко мне на груздочки». «Степан Васильевич покушал груздочков с моим недостойнством»³⁴⁴, – пишет он. Близкие гости принимались владыкою в своем архиерейском доме. В него вела передняя комната с чугунным полом, называемая крестовою, потому что в ней находились иконы и распятия. Она служила и молельней, и приемной, а, иногда, и столовой. В ней находились два стола, из которых один покрыт был ковром. За крестовой находились две архиерейских кельи, а внизу под ними и парадными комнатами – людские комнаты. В комнатах находились портреты Саввы Григорьевича, митрополитов Варлаама Ясинского и Стефана Яворского. Для увеличения числа комнат они разделялись занавесками. Одежда владыки отличалась почти одним цветом – зеленоватым или темнокрапивным, такого же цвета употребляли подушки, постели и одеяла. В келье находились на станках глобусы – небесный и земной. Вместе с иконами находились благословляющий крест, один басмяной, а другой в виде Голгофы. Тут же в келье находились мощи святых, например, великомученицы Варвары, полученные им от архимандрита Киевского Златоверхого монастыря, мощи князей Василия и Константина Ярославских, были, вероятно, части мощей и других святых. В кельях находилась масса книг и выписок. Кроме 300 томов своей библиотеки у Владыки много книг заимствовалось из других мест, в особенности из Москвы.

Из людей постоянно и ближе всех находившихся к Димитрию, был его племянник, приехавший из Украины, иеромонах Михаил, которого Димитрий посылал с поручениями в Москву к своему другу митрополиту Стефану Яворскому. Близок был по всегдашней совместной работе его переписчик. Уважением Димитрия пользовался дьяк Михаил Феоктистов³⁴⁵.

У святителя не прерывалась большая переписка с друзьями. Он с любовью писал пространные письма, выражая в них мысли и чувства. Помимо писем к митрополиту Яворскому м справщику Московской типографии Феологу, он переписывался с митрополитом Иларионом Сарским и Подонским, с Гавриилом епископом Вологодским, с отцом Иларионом Поликарповичем, Соловецким архимандритом и другими. Большая часть переписки касается задушевного дела Димитриева – его книжных трудов. Он имел сношения даже с иерусалимским патриархом, приславшим в подарок полотенце или «мандилион» с надписью от своего имени – «Димитрию митрополиту»³⁴⁶.

Одни выражали ему сочувствие за его ценный труд – составления Четей-Миней, а другие уважали его за скромный образ жизни. Иногда обращались к нему, как знатоку языков. Феолог послал ему чрез Волкова посмотреть греческую библию, посылали ему треязычный лексикон Феодора Поликарпова³⁴⁷.

Знавшие Димитрия проявляли ему такую любовь, что Димитрию приходилось часто посылать письменную благодарность за память. Так митрополита новгородского он благодарит за «изрядную рыбку», присланную к нему, и за пол бочки свежепросоленных новгородских лодог, и соболезнает, что не может ничем воздать по убожеству своему³⁴⁸. Почти одновременно из Москвы шлет ему в подарок дьяк Монастырского Приказа Гавриил Осипович Окуньков, башмаки греческие. Троицкий архимандрит Сильвестр, – при просьбе выслать ему Четьи-Минеи, послал Димитрию хлеб и рыбу, как благословение Троице-Сергиевой обители³⁴⁹. Воевода Воронцов прислал вина, за которое благодарил его Димитрий³⁵⁰, а благодетель Стефан Васильевич из Москвы – немецких сухариков, но «не смею их в посте кушать – не с молоком ли?»,

– сомневается святитель³⁵¹. Иногда посылали груздочки, рыбу, чай и огурцы. Соловецкий архимандрит с монахом Антонием послал рыбу. Стряпчий из Москвы, Т. Терпигорев, послал 150 свежепросоленных огурцов, дошедших до Димитрия, когда он совершал свой поход в Ярославль³⁵².

На все такие знаки уважения Димитрий отвечал высылкою своих отпечатанных книг³⁵³. Иногда просит чаю немного, так как «в Ростове взять негде, а иногда надобно». Но что всего удивительнее, во всей переписке ни единым словом никем не упоминается о жгучем вопросе ожидаемого выбора нового патриарха московского.

За семь лет своей жизни в Ростове Димитрий делал походы не только в Ярославль и по епархии, но поездки в столицу, в равно и в Вологду.

В 1705 году, едва он вернулся из летней поездки в Ярославль, приказом блюстителя патриаршего приказа его вызвали в Москву на очередь служения вместе с певчими, домовыми припасами и домовыми людьми. К 1 сентября он явился в столицу и пробыл здесь весь 1706 год.

Он проповедовал в Чудовом монастыре, в с. Преображенском, в присутствии царя Петра, и в других местах, – по случаю храмовых праздников или придворных торжеств; произносил и надгробные слова. В присутствии государя он говорил стройно, по киевским образцам составленное слово об ярости, повреждающей ум, здоровье и достоинство человека. В пример приводится как ослепленный гневом Александр Великий убил своих друзей. В назидание излагается польза от терпения: оно – сокровище, которым могут обладать все, но такое редкое, что трудно его отыскать. Точно также заметна его попытка обосновать свою проповедь на 8 июля. Он просит письмом Феолога написать ему, почему Матерь Божия называется Одигитрией, и принести ответ пред литургией к нему в церковь³⁵⁴.

Произносить проповеди в Москве приводилось едва ли не в каждый воскресный и праздничный день. Одних письменных за конец 1705 г. сохранилось 12, так что надобные справки без своей ростовской библиотеки были затруднительны, и

схоластическая стройность не могла быть выполненною. Димитрий нашел исход для этого. Он воспользовался проповедями Фомы Младзяновского. 19 ноября в селе Измайловском он произнес известное слово, начинающееся: царствие небесное подобно купцу, ищущему бисера³⁵⁵. Оно и теперь представляет образчик красоты русского слова. Уже тогда чрез 3 года по прибытии в Россию Димитрий успел уловить характерные черты жизни и дух народа, и отобразить в церковном слове. Проповедь Младзяновского под пером Димитрия получила такое удачное применение, что считается оригинальным произведением его. Сочувствие слушателей еще более вело Димитрия по пути нового творчества. Он произносил и другие проповеди в народном духе.

В Москве ростовский владыка еще теснее сблизился с Стефаном Яворским. Реформы Петра, так тяжело отразившиеся на Ростовском хозяйстве, возбуждали недовольство и в Москве Яворский сам был недоволен новыми порядками и отношением царя к церкви и, вероятно, говорил об этом с Димитрием. Близость Ростовского владыки к царевичу Алексею Петровичу тоже заставляет думать, что он сочувствовал партии старого порядка. 3 июня 1706 г. он произносит слово о перенесении мощей св. Димитрия Угличского³⁵⁶, память которого особенно торжественно праздновал всегда царевич Алексей Петрович.

В июле 1706 года владыка вернулся в Ростов. Его ожидало большое огорчение. В его отсутствие весь архиерейский дом описали. В архиерейские покои за отсутствием хозяина хотели поставить шведов, взятых в плен. Но там был гост у Димитрия – сербский митрополит Ефрем, который не допустил такого вторжения в архиерейские покои и отстоял для себя архиерейскую келью.

Димитрий узнала об этом еще из Москвы и благодарил митрополита, прося жить у него здраво и благоденственно³⁵⁷.

В это время закрыли и ростовскую школу. Так сказалась неприязнительность Димитрия на благоволение царя и близость его к рязанскому митрополиту.

В 1708 г. 10 августа святителя вызвали опять в Москву на хиротонию киевского Иоасафа Кроковского. На 2 сентября 1708

г. он приезжал в Александровскую слободу на погребение царевны Маргариты Алексеевны и говорил надгробное слово. Там же он еще раз был для постижения кормилицы царевича Алексея Петровича. В том же году предпринимал 3 февраля поездку в Вологодскую епархию по просьбе Ив. Ст. Стрешнева для погребения его отца иерея Стефана³⁵⁸. С вологодскими епископом Гавриилом отношения были понятны, потому что епархии были смежными. В 1703 г. епископ Гавриил просит о посвящении во диакона в Ростовскую епархию к Воскресенской церкви на Пуре Андрея Иванова, который просил об этом вологодского епископа. Кроме того, он просил Димитрия содействовать освобождению от солдатчины ростовского жителя Петра Федорова Кичигина. Кичигин от солдатства Димитрием освобожден, как только попросили его об этом, и Иванова поставить в диаконы епископу Гавриилу обещал³⁵⁹.

Во время вторичного пребывания святителя в Москве еще больше обнаружилось его не сочувствие новому направлению политики, отражавшейся неблагоприятно на религиозных обычаях и быте среди знати. Вместо того, чтобы превозносить царя, он в своих проповедях намекает на его слабые природные и нажитые стороны. «Силен царь, – говорил святитель, – но не совершенно; он имеет власть только над людским телом, а не над душою каждого; погубить, кого угодно, может, а спасти ни у кого души не может, да и о своей душе не знает, приведет ли ее к спасению. Царская власть часто побеждалась и слабою женщиною, как видно из примеров Давида и Вирсавии, Самсона и Далилы, Дария и Апамины. В настоящей жизни мало правды: нельзя ее говорить никому, если не хочешь беды и гонений. Пострадали за истину Предтеча, Христос, Стефан первомученик. Так и ныне, начни только произносить праведную истину и истинную правду, тотчас потерпишь не меньшее»³⁶⁰. Так говорил Ростовский архиерей еще в 1707 году, а в следующем году уже в самой Москве в проповеди обличал небрежение к религии, нарушение постов в войсках, склонность русских к протестантству, чопорность знатных родов. Самые сравнения он употребляет те, которые употреблялись и Петром. В проповеди рассказывается о пире Ирода. На пиру Венус,

Бахус и Арей, олицетворяющие прелюбодеяние, вино и человекоубийство. Венус пришла царствовать, она и царями помыкает. Подле нее – Бахус. Этот божишко и нашим православным христианам не нелюб, понравился. Очень уж взялись за чревоугодие, подражая ученику Бахусову Лютеру. «Не соблюдать постов – это не грех! День и ночь пьянствовать – это общительность! Пребывать в гуляньи – это дружба! А что говорят о загробной жизни для души, – то куда ей идти? Это басни!». Говорит Бахус: «не надобно в войсках соблюдать поста, а есть мясо, чтобы военные люди сильными были, не ослабели бы для брани от поста и воздержания». Но Гедеоновы воины, и постясь, победили Маданитян. «Вывелись добрые люди, нет среди них Константинов, нет Владимиров, нет других богобоящихся любителей благолепия дому Господня, которые не только свое богатство и порфиры, и скипетры, и венцы обращали на церковное украшение!»³⁶¹. Мы оставили сосцы нашей матери церкви и ищем египетских, иноземных, еретических православию противных³⁶². – Точно также он осуждал с церковной кафедры нововведение у богатых людей ставить в домах античные статуи или бюсты королей, и пренебрегать иконами; обличения Ростовского владыки не могли не возбудить разговоров в Москве, где крепла партия последователей старины. Близкое общение с иноверцами у москвичей будило вопросы о их вере и оправдании. Ростовский владыка коснулся и этого предмета. По его мнению, многие из иноверцев живут по правде, но неправильная вера не оправдывает их перед Богом. Святая церковь молится об обращении их на путь спасения.

Петр искал теперь популяризаторов его начинаний с церковной реформы, а не указаний, как ему поступать. Недовольство его простиралось на все старорусское духовенство. Если он и отвечал на ненависть со стороны духовных к новым порядкам, то отвечал на них пародиями и пренебрежением к проявляющемуся, по его мнению, среди русских папскому всевластию.

Оба деятеля на русской ниве, – и царь Петр, и святитель Димитрий одинаково познакомились с западом, один в Польше,

другой – в Европе, оба сознавали невежество и застой в народе, и тот и другой одинаково стремились, хотя и разными средствами, к просвещению народа. Тот и другой сознавали силу ученья: царь хотел заимствовать науку, чтобы осветить цели жизни, а святитель действовал более теплым и сродным народу средством, –Евангельским, заставляя всколыхнуть застоявшиеся убеждения указанием на ненормальность настоящего состояния и светлый привлекательный идеал для будущего.

Глава IV. Проповеди св. Димитрия

Св. Димитрий придавал большое значение силе слова: «злое слово и добрых злыми творит, доброе же слово и злых делает добрыми», – говорил он³⁶³. Сам он с таким умением пользовался даром слова, что его еще при жизни звали Златоустом³⁶⁴. Такая идеальная нравственная мера против нестроений паствы, в сравнении с тогдашними московскими способами внушений, выдвинула ростовского святителя из всех современных ему иерархов.

Св. Димитрия можно назвать проповедником покаяния³⁶⁵. У него в проповеди видна одна определенная цель: возбудить высшие духовные запросы у слушателей и дать ответ на них, а также помочь пасомым возрасть в христианской жизни. Его проповеди носят нравственно-практический характер. Если раскрывается перед слушателями вероучение христианское, то оно непременно связано с применением его к жизни. Во всех беседах своих св. Димитрий обращает взоры и чувства слушателей к Распятому за нас Сыну Божию. Искупление человека – это средоточный пункт всякого его поучения. Из других догматов христианского вероучения святитель останавливается преимущественно на тех, которые имеют ближайшее отношение к спасению человека, или на таких, рассмотрение которых вызывалось обстоятельствами и событиями. Есть у него поучения о поклонении св. иконам, о Божестве Иисуса Христа, о важных и благодетельных причинах вознесения Господня, о молитве (в четверг I недели по пятидесятнице), об ангелах (слово на собор архистратига Михаила), о воскресении мертвых и о будущей жизни (слово на погребение Т. Б. Юшкова)³⁶⁶. Раскрытие таких догматов вызывалось самой жизнью.

Поэтому догматические проповеди св. Димитрия имеют *полемико-апологетический* характер. Очень немного таких проповедей, где излагается положительное учение церкви. В беседе на вознесение Господне св. Димитрий говорит о важности и следствиях этого события; в беседе об ангелах – о

сотворении их и отношении их к людям. Ангелы занимают, по мнению Димитрия, среднее место, именно, – небеса, которые находятся по эмпирейским небом. Этим небом со всем миром ангельским управляет Превысочайший Бог, низайшее же (земля) управляется от среднего, то есть, ангелами. «Управлять ангелами изволил Сам Бог, управлять же и хранить людей Он повелел ангелам»³⁶⁷.

В слове о воскресении мертвых выясняется, что тела людей «не будут причастны тлению, сияя премирною красотою», – смерть души будет состоять в отнятии благодати Божией и в удалении от лицезрения Божия. В поучении об ангелах на фактах истории Товита выясняется отношение ангелов к людям. Во всех таких догматических вероучительных беседах св. Димитрий не опускает случая сделать практическое назидание слушателям.

Так в надгробном слове он высказывает: «нам – польза от памяти смертных, та, что поминания умершего и держа его в уме, мы вспоминаем свою смерть, видя его гроб, мы помышляем и о своем». Ведь глас Сына Божия раздается не только через Евангелие или через проповедующих, но и вид мертвого есть такой же глас Сына Божия, обращенный к нам. Видишь мертвеца, несомого к погребению, – это глас Божий тебе: «и ты – умрешь, зачем не радишь о своем спасении?» Видишь развалины домов, – это глас Божий к тебе, что, как они жили и умерли, так тебе предстоит смерть и т. д.³⁶⁸ В полемических проповедях у святителя Димитрия указываются отрицательные, не православные мнения, и раскрывается правильное церковное учение о том же предмете. Например, святитель говорит: «Образ или икона есть изображение вещи истинная, которая или есть, или была, или будет». Приступаю к получению о молитве, проповедник обещает показать, какая польза и сила молитвы. Доводы он заимствует из Святого писания: «я от писаний Божественных с тобой говорить буду», но пользуется также святоотеческими творениями и историею. В учении об иконопочитании есть ссылки на Моисея, поставившего медного змия на кресте в пустыне, так и на предание о том, как Иисус послал свое изображение Авгарю.

Затем излагает и христианский взгляд на иконы: «у нас (признается) Бог – один, славимый и поклоняемый в Троице Святой, а икона Его служит (нам) только изображением и воспоминанием, и мы, православные, надежды на иконы не полагаем, но надежду и упование возлагаем на того, кто изображен на иконе»³⁶⁹. Установивши взгляд на икону, св. Димитрий разрешает недоумения противников. Не противоречит, по его словам, иконопочитание второй заповеди Закона Божия: там запрещается почитать кумиры или идолы и сам Моисей, принявший от Бога эту заповедь, от Бога же получает повеление поставить в скинии литые изображения херувимов. В полемических проповедях слышится возмущение святителя против ослушников церкви. В резком тоне он говорит: «а что ты на это скажешь, семиглавый змий, – иконоборная ересь?» «Вас, мерзких еретиков, гноеменитых Копронимчиков, вместе со Святым седьмым собором вселенским проклинаем!»³⁷⁰. Святитель с воодушевлением заключает: «хотя бы вы отверзли мерзкие свои гортани со всем адом преисподним, но Церковь Святую врата адовы не одолеют». Церковь, как столп и утверждение истины, с которою мы – чада ея, – со всеми отцами святыми... единогласно утверждаем и кровью нашею готовы подписаться: «Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благий!» Систематического изложения догматов нет у святителя. Большая часть их рассматривается во всех его сочинениях и так полна, что дает повод составить по ним «догматическое учение» в полном объеме³⁷¹. Но главная цель его проповеди – способствовать нравственному преуспеянию слушателей и, потому, большая часть – *нравоучительная*.

В проповеди рисуется идеал христианской жизни, а равно и уклонение от него. В одних излагаются правила жизни, большая же часть полна горячих обличений. В вероучении христианском святитель Димитрий подчеркивает не оскудевающий источник назиданий людей и исправления их. Для него явно было отсутствие в пасомых главного христианского достоинства, именно, сознания духа Евангельских правил. Все у людей сводилось к внешности, к обрядам благочестия. Чтобы научить слушателей, святитель избирает для проповеди Евангельские

рассказы, события, тексты, указывая во всем нравственные требования от христианина. Главная цель его проповеди – привести слушателей в умиление, разбудить сознание нравственного долга. Он указывает на Христово воплощение и искупление. Внушает любовь к Богу и всем ближним, изображает внутреннее обновление человека при помощи благодати Божией, покаяние, молитву, пост, терпение в страданиях, обновление и будущую жизнь. Таковы главные пункты проповеди Димитрия. Чтобы легче было простому народу воспринять сознание нравственного долга, у святителя раскрывается безобразие и тяжесть греха: «что может быть гнуснее греха против седьмой заповеди? Кто же это прелагает благодать Бога нашего в скверну? Поистине, никто другой, как христианин, принявший при крещении небесные благодетия!.. Кто-нибудь скажет: какая же обида Христу Богу от того, что кто-нибудь оскверняет тело свое грехом блудным? Воистину великая обида!.. Все тело твое, которое ты оскверняешь и чернишь блудным грехом, не твое тело, но Христово: храм Божий свят – это вы!»³⁷². Так отвращает святитель от блуда указанием на святость закона Христова, а также тяжесть и внутреннее безобразие греха.

В нравообличительных беседах и поучениях выставляются не столько частные отклонения от правил христианской жизни, сколько указываются общие пороки паствы. Святитель Димитрий обращается с обличением к людям всех сословий, положений, состояний, не исключая и себя: «от них же первый есть аз», заявлял он. Приготовляясь в неделю мытаря и фарисея говорить о тщеславии и клевете, он уклоняется пред слушателями, говорит и о другом смысле притчи: «нынешнюю о мыtare и фарисее притчу пусть толкуют себе, кто как хочет, а я одно хочу поведать и любви вашей предложить; к кому Господь сказал ее». Ответив на такой вопрос, далее говорит уже о тщеславии и осуждении³⁷³. Святитель имел здесь в виду раскольников, которые проявляли фарисейское самовосхваление, клеветали на церковных предстоятелей и хулили церковь. – Иногда он метко указывает недостатки и пороки разных сословий. У него представлена живая картина

как Царствие Божия странствует на земле, ища себе покоя. Заходит в палату князей, бояр и могучих людей, видит там богатства, собранные несправедливо грабежом, хищением, чрез обиды и слезы людские, и, гнушаясь несправедливого, отошло прочь. Пошло Царство небесное в торговые ряды – нет, думает, здесь награвленного, поселюсь тут, а как посмотрит на продажу и куплю, видит великую суету, слышит ложь, обманы, божбу не по правде, не мешкая, и оттуда выходит. Пошло Царство небесное в приказы и ратуши, думая про себя; здесь судят, здесь поставлены люди творить правду. Но и здесь нет правды, просят даров, судья мирит только на словах, а на душе у него зло. Увидав такие суды, вышло оттуда Царство прочь. Проходит городом, слышит пирование и мыслит: вот собрались люди на любовь, а где любовь, там и Бог; и мне там надо быть. Взошло на пир и видит: люди поедают, вместо хлеба, друг друга, словами льстят, а на сердце у них коварство. Напились, начали брань и восстали друг на друга. Видя то, скорее выходит оттуда Царство небесное. Не нашло себе места Царство и в простом народе. Там – беззакония, воровство, татьбы, разбои, убийства; такие дела, что и помянуть о них стыдно. Пойду, говорит небесное Царство, в храм Божий: там почию. Видит: одни в церкви дремлют, иные разговаривают о своих делах, некоторые о чем-то мечтают, клирики поют без внимания, священники с диаконами ссорятся, а иногда дерутся. Нет, говорит Царство небесное, это не дом Божий, а вертеп и отошло прочь. Вот видит голодных, на правехах биенных, таких, что и душа едва держится. Возлюбило оно это место, поселилось на этом селе, а Евангелие и записало: «подобно есть Царствие небесное сокровищу сокровенну на селе»³⁷⁴.

Так обличает св. Димитрий воровство, и лицемерие высших сословий: светских и духовных. В проповедях смело указывается, как господа пользуются трудами бедных крестьян, мучат их, а сами наслаждаются, «сии упиваются, а те разве водою жажду свою утоляют, здесь веселятся, а там плачут на правеже»³⁷⁵. Не щадится и чин духовный: иереи небрегут о своих обязанностях, о пастве, даже о своей семье, члены которой живут без причастия по несколько лет³⁷⁶. Сан свой

принимают не для того, чтобы души человеческие пасти и спасти, а, чтобы самим питаться и быть в почитании от других³⁷⁷.

Во всех беседах и поучениях святитель Димитрий выставляет высший смысл Евангельских требований, везде указывает, как их применить к жизни. Трогательны при этом утешения святителя грешникам: «и святым случается падать», говорит он, убеждая восстать³⁷⁸.

Сведения о расколе, их учении, издевательствах и хулении на церковь, подвиги святителя заняты опровержением их. Опасность раскола угрожала всей пастве. Надо было хранить народ от опасной пропаганды, раскрыть обман раскольников пред пасомыми. Сохранились проповеди, направленные исключительно против старообрядчества, таковы: поучение в неделю двадцать первую против раскольнической соблазнов; на Воздвижение Креста Господня – о четвероконечном кресте, и отдельное поучение о четвероконечном кресте³⁷⁹.

В нынешние времена, говорил святитель, угасла любовь в сердцах человеческих, придут в церковь не для того, чтобы молиться со страхом Богу. Воздвизается вот Крест Христов, чтобы кто, возревши на него, исцелился. «Но думаю, ни один христианин не усомнится, какому кресту надо поклоняться, кроме бездельного сомнения и вопроса некоторых неразумных людей: осмоконечному или четвероконечному? На таковой вопрос и отвечать не надобно, так это ясно из священного писания: «в ветхом завете крест изобразил руками Моисей и Иисус Навин, когда побеждали врагов, Иаков при благословении двух сыновей Иосифа и другие мужи. В нынешний день в старых стихирах поют: «четвероконечный мир здесь освящается, четверочастному воздвизаемому Твоему Кресту, Христе»; в канонике в первой песне пишется: «крест – четвероконечная сила» и так далее. Все указывает Кресте Христовом на четвероконечие, а не осмоконечие!» О том же свидетельствуют и святые отцы, Афанасий Великий, Иоанн Дамаскин, так писано и в старых московских книгах; «и в сем граде Ростове обретается крест, который дал Иоанн Богослов преподобному Авраамию (в видении), но и сей не осмоконечный

крест». «Самих раскольников спрошу, – каким крестом они крестятся? О сложении перстов не говорю, так как времени не достанет; на другое время отлагаю... Зачем они не осмоконечным крестятся?.. Говорю это не потому, будто я отвергаю восьмиконечный или шестиконечный Крест Христов, но, чтобы заградить уста безумных и не знающих, в чем самая сила крестного поклонения».

Например, в Евангелии мы чтим не бумагу или чернила, которыми там написано, а историю. Не оклады чтим на нем: думаю, –этого никто не скажет! Но почитаем слова Христовы». «Подобным образом не дску и вапы чтим в иконе, а изображенного. Явно обнаруживается безумие некоторых людей, которые, когда икона новая, не хотят почитать, а если старая или окоптелая, или новая, но когда окоптят (ее) дымом, то почитают. Если почитают так дску, то в таком случае, – резко говорит святитель, – если бы кто и диавола изобразил и закоптил, то диаволу иной, не знаячи, поклонялся бы». Или, как ныне некоторые господа стыдятся в домах своих поставить икону Христову или Богородицы, но уже некоторые безстыдные поставляются изображения Венеры или Дианы, или прочих ветхих кумиров, или новых, например, королеву испанскую, английскую или французскую, и если бы невежа пришел и такие нечестивые изображения увидел, не узнавши, что то – не Божьи, но мирские, мог бы и им кланяться, как Божиим и св. изображениям, невежества ради своего³⁸⁰. «Седьмой собор предал анафеме, как не поклоняющихся иконам, также и тех, кто худо кланяется и боготворит иконы»³⁸¹.

В иных проповедях Святитель советует слушателям читать «Увет духовный» и «Жезл правления», чтоб ознакомиться с заблуждениями раскольников. Глубоко его возмущало упорство и безнравственная жизнь старообрядцев: «Кто вас прельстил противиться истине? Разве изменилась церковь? Не будет ли пребывать она до судного дня и врата адова не одолеют ея? Разве Христос оставил Церковь свою, которую искупил честною кровию своею? Разве солгал, говоря: Я есмь с вами во все дни, до скончания века. Небо и земля прейдут, а слова Господни не прейдут? Вы же, окаянные, говорите, что Церковь – (теперь уже)

– не Церковь, считая слова Господни ложными? Кому лучше верить: вам или Христу?»³⁸². Узнавши, что старообрядцы завели у себя общих жен, святитель высказывает в проповеди пред православными свое глубокое возмущение: «слышите сии слова Господа, вы, братские учителя, называющие себя святыми отцами, на самом же деле волки, бесовские птицы, держащиеся учения николаитов, блудники и прелюбодеи и сквернителю, которых Христос Бог ненавидит! Слышите и постыдитесь, и покайтесь, пока еще не поразил вас меч обоюдоострый, исходящий из уст Христа!»³⁸³.

Обличая с кафедры раскольников, святитель имел в виду, главным образом, назидание православных слушателей, желал раскрытием заблуждений в расколе предохранить их, так что и эти полемические беседы направлены к нравственному преспеянию паствы – внушить ей повиновение Церкви.

Есть у святителя Димитрия проповеди с надписью «исторические», как, например, «в неделю Ваий»³⁸⁴, и «слово на Страсти Господа нашего Иисуса Христа»³⁸⁵, но история или повествование о священных событиях служит тут опять лишь вспомогательным средством к назиданию. В неделю Ваий он желал показать, что требуется от того, кто желает войти в Иерусалим небесный, и для этого пользуется фактами входа Христа во Иерусалим в таком широком размере, что извиняется пред слушателями за утомление их: «надо бы рассмотреть еще тайну постигаемых по пути риз и ветвей..., но не хочу отягощать долгою беседою вас, – оставляю это для будущего времени». Говоря о страданиях Господа, святитель убеждает, что и нам также добровольно следует переносить несчастья, как бы тяжелы они ни были.

В словах похвальных и надгробных, вопреки общим приемам, святитель немного уделяет места тому лицу, для которого произносится слово; все и здесь сводится к назиданию слушателей. Таково слово похвальное в годовщину смерти Иннокентия Гизеля (1685 г.)³⁸⁶, или приветствие в Москве Петру Великому³⁸⁷. Тем более нравственного назидательного элемента в похвальных словах Пресв. Богородице Одигитрии, успению ее, на праздник Казанской иконы, св. Леонтию³⁸⁸,

Симеону Богоприимцу: «силу тех похвальных слов я рассудил в нашу пользу, оговаривается он, – что мы не можем вполне выразить хвалу, ибо что может быть лучше той похвалы, «которую сочинил Бог, возвестил Св. Дух, Евангелист написал и церковь во вселенной проповедует?» Как об особенности, заимствованной от проповедников юго-западной России, можно упомянуть его приемы похвал: он обращается к имени «Мария», разлагает это слово на отдельные буквы и к каждой букве подбирает какое-либо свойство Богородицы: «мудрая», «агница», «раба», «источник жизни», «апостолам венец». В конце он опять обращается к слушателям, просит их обратить внимание на греховное свое состояние и справлять его, имея такой образец жизни, как Непорочная Дева.

Всего удивительнее то, что и в надгробных речах среди плача и смятения святитель призывал предстоящих у гроба к назиданию. В похвалах умершему он не распространялся, но прямо приступал к христианскому учению о гробе, о покаянии, о радостном христианском уповании лучшего мира за гробом, о внезапности смерти, о воскресении мертвых, о суде будущем³⁸⁹. Наклонность к назидательному элементу развивалась у святителя вместе с возрастом его³⁹⁰.

Все проповеди святителя Димитрия дышат благодатною помазанностью. Среди обличений пороков паствы он высказывает глубокое смирение пред Богом, высказывает бессилие изложить какое-нибудь учение или изобразить славу святого. «Ты, святитель Христов (Алексий), сам яви нам, где овцы, слушающие твоего гласа, чтобы нам подражать, и кто от противных стад, чтобы себя сохранить?»³⁹¹. Его преданность Богу умирительна, его ревность о Боге чарует читателя. О язвах Христовых он говорит: «кто, взирая на язвы Господа Иисуса, на кресте висящего, окровавленного, на прободенные ребра Его, источающие кровь и воду, не помыслит в себе: ради меня Господь мой язвен, окровавлен, чтобы меня, пораженного грехом и умершего душою, оживить, исцелить, омыть, очистить и жизнь вечную подать мне. А когда так помыслит, не подскажет ли ему внутренний человек, – совесть: если Господь твой все это принял ради тебя, так ты зачем лежишь в лености и

нерадении, как мертвый, без движения и спящий во гробе?»³⁹². Проповедник не может произнести без священного умиления самое слово «Искупитель». Его сердце наполняется безграничною радостью примысли о Нем. Часто среди беседы о Нем св. Димитрий начинает молиться Ему и славословить Его: «О, сладость, превышая всех сладостей, Иисусе! О, любовь, всякое желание побеждающая, Иисусе! О, хлеб небесный! О, бессмертное наше насыщение! О, вечное наше наслаждение, Иисусе! Какой язык в состоянии исповедать славу Твою? Какой ум постигнет наслаждение, ощущаемое от Тебя всеми Тебя любящими! Увеселение, радость и сладость наша, Иисусе! Пусть окружают меня здесь враги, пусть соберут камни со всей вселенной, пусть мечут их на меня, как град, дождь и тучу: и все то я пренебрег бы, только чтобы видеть лицо Твое, Свет мой, Иисусе!»³⁹³. Ни рамки проповеди, ни требование стройности ее, не связывает оратора в этих душевных излияниях. И мысли, и чувства, и воля его – у подножия Креста Господня. Поэтому, благодаря искренности, и слово его дышит неотразимою убедительностью.

Безгранична любовь его и к людям. Он беседует как кроткий друг и добрый отец со своими детьми. Они чувствуют силу его слова, когда он заговорит им о Боге, о Его законе, и об людских обязанностях. Этою чертою он поразил всех еще в слове при вступлении на паству. Еще до прославления его слово это ходило по рукам, переписывалось; его знали и в столицах. Бог тебе – не зверь и не губитель, – внушает он всякому, – но благоутробный благодетель; спасения, а не гибели тебе он желает! Зачем же ты убегаешь от Божественной его чаши?»³⁹⁴.

В обличениях святителя видна близость его к положению грешника, желание помочь ему, разъяснить его греховное состояние. Он говорит о пороках и преступлениях против веры и правды: о корыстолюбии, сребролюбии, разгульной жизни, клевете, доносах, жестокости, пьянстве, холодности к Церкви, не благоговении, а особенно, против раскола с его заблуждениями и нравственным падением его последователей. Чувствуя среди своей речи, что слушатели возразят ему, – будто они никогда не изгоняли от себя Бога, оратор

предупреждает их выяснением: «всячески ты гонишь Его и бесчестишь: гонишь в ближнем своем, бесчестишь в себе самом, когда причиняешь зло ближним твоим, то зло делаешь самому Христу, по Его слову: что вы сотворили одному из меньших сих, то Мне сделали». «Разумеешь ли сказанное тебе (из Святого писания): твои члены – не твои, но Христовы, так как от Него созданы, оживотворены и честною Его кровью искуплены: и если кто нечистым грехом плотским уды свои оскверняет, то бесчестит в себе Христа, делая уды Христовы удами блудницы. Помысли, человек, сколько раз ты осквернил себя любодеянием, прелюбодеянием и другими скверными, скверными и богомерзкими блудными делами; сколько раз обесчестил ты Христа, блудничу скверну навел ты на Христа, уды Христа сделал удами блудницы. Но не хочу я о том много говорить, стыжусь не только упоминать, но и думать; твоей собственной совести оставляю, каждый самого себя лучше знает»³⁹⁵.

Замечательно, что проповедник тут даже не грозит и наказанием за такое преступление; он считает достаточным воздействует на нравственное чувство. Тем выше мораль такой проповеди, предоставляющий каждому свободно, без внешних воздействий, силою внутреннего переворота оставить позорную жизнь.

Он сам скорбит и плачет о своей обязанности обличать и карать. «Простите мне, грешные люди, из их же числа и я есмь, окаянный, простите мне, говорю, что всякого грешника, без покаяния жизнь свою изнуряющего, я назову бесноватым»³⁹⁶.

Сколько скорби и глубокой печали слышится в его словах: «глад душевный, глад слышания Слова Божия распространился по епархии нашей: нет сеятелей духовного семени, нет и земли доброй!.. Архиерею, поставленному здесь от Бога пасти, немалая печаль о гибели многих человеческих душ, оставляющих Слово Божие и внимающих лживым и лстивым учениям. Печаль, что не принимается архиерейское его учение, и не его самого, но Самого Бога, потому что не от себя получает, но от Евангельских и апостольских писаний! Печаль, что дети отца не слушают, овцы не следуют за пастырем,

ученики не внимают учителю, бегают святой Церкви, чуждаются церковных таинств и становятся чадами гнева, сыновьями гибели, наследниками ада, которым не другого чего ожидать, кроме геенны огненной вместе с бесами!»³⁹⁷.

У него нет желчных резкостей даже в обличении коварства, притворства и лицемерия, которые замечались, в особенности, среди вельмож. Полна добродушного юмора у него-то картина, где вельможи изображаются пред царем, смирно стоящими; как закадычные друзья, пред царем они кротки и молчаливы³⁹⁸. Говоря о чревоугодии и гордости, он делает сопоставление в подобном же добродушном тоне: «неудивительно плотоугоднику не втиснуться с толстым брюхом в тесные врата, но жалости достойно, если иссушивший плоть, кожу, да кости имеющий туда не войдет из-за самомнения».

На *форму проповеди* много повлияло место произношения, а также характер оратора. Из всех известных 122³⁹⁹ проповедей только 9 сказано в Малороссии, остальные же в России: в Москве (22) и в Ростовской епархии. Большая часть их падает на 1701–1706 годы. По требованию юго-западных проповедников, послуживших для Св. Димитрия образцами живой проповеди, слово церковное должно отличаться стройностью, занимательностью и, особенно, искусственностью. Установленная словесная форма царила над содержанием речи. Димитрий своевременно отдал дань требованиям века, его малороссийские проповеди отличаются изысканным искусственным строением, а слово на Петра и Павла даже звонкою риторикою. Зато в великорусских беседах над формою преобладает практическая мысль и искренность. Двигателем построения речи служило желание назидания. Не обращалось уже внимание на нарушение единства речи и всесторонности темы. Вместо того, чтобы развлечь слушателей искусным настроением слова и неожиданными оборотами речи, у святителя Димитрия упорное желание добаться до сердца слушателя и пробудить его спящую совесть. Об этом он говорил даже с кафедры: какая польза от грома, если он не прольет дождя? Так и пышные слова не доставляют назидания⁴⁰⁰. Построение речи уже не отличается натянутостию; оно является

привычным приемом опытного оратора и очень нередко резко нарушается отступлениями. Раз, сопоставивши два праздника Благовещения и понедельника Светлой недели, он, вместо того, чтобы закончить слово, продолжает: «но еще не аминь, еще что-нибудь скажу и простецам для их пользы, – то было сказано для книжных людей, не хочу и не книжных отпустить без пользы!» А далее уже более простым задушевым тоном говорит о смерти души, что мы восстаем душою через воскресение Христово и чему нас научает праздник Благовещения⁴⁰¹. Таким образом, у Димитрия слышится уже простая беседа с народом. В другой раз⁴⁰² говорит: «время аминем кончать, но о некоторой вещи смущаются умом». Отступления были в таком роде: «по третьему вопросу, чтобы не удлинить речи (уже и сам изнемогаю), коротко скажу»⁴⁰³ и т. д.

Употребляются у Димитрия и приемы южнорусской проповеди: для возбуждения внимания приводятся в пример басни, мифы, вопросы, – вызывающие у слушателя недоумения, – шутливые сравнения, диалоги, диспуты с библейским лицом, вид загадки. Но они тактично включены в речь и не нарушают в ней общей настроенности. «Баснословится среди людей, будто бы сокровища, сокрытые в земле, иногда переходят с места на место без помощи людской. Басня это, не правда, не верю тому, только знаю, что сокровище Царства Небесного переходит с места на место и где ему понравится, там обитает». После этого проповедник говорит, как Царство Небесное искало себе покоя среди князей, богатых и простых людей⁴⁰⁴. На пиру Ирода в проповеди Димитрия являются Венера, Бахус и Марс, как олицетворения страстей. В праздник среди проповеди святитель вдруг поражает слушателей словами: «а ведь не услышит нас Господь! Да, не услышит, – повторяет он, – так как мы не бросаем своих пороков» и т. д. – «Пока сидел Бог на небе на Своем Божественном престоле, по то время никто не знал Его тайн, даже наближайшие Его, всегда предстоящие Ему ангелы. А как сошел с неба на землю, так о его сокровенностях не только набожные люди, ка то Иосиф, праведная Саломия, не только важные особы, как три восточных царя, но и простолюдины,

пастухи беседуют, говорят, рассказывают сокровенное. Один только вол с ослом молчат, хотя и длинные языки имеют⁴⁰⁵. А почему знать, если бы осел имел людской разум, не подумал ли бы, стоя при яслях: «коли б тут был мой предок – осел тот, который возил на себе пророка Валаама и говорил по-человечески, то, конечно, не молчал бы. А вол что? Если бы и он имел разум, конечно бы подумал: когда бы тут был вол оный, которого Иезекииль видел между шестью крылами херувимскими, лицо тельчее имеющий, то не только бы заговорил, но и воспел бы тайну воплощения Божия»⁴⁰⁶. Очень трогательны диалоги, приведенные в проповедях. Искусственная форма диалога практиковалась и в южнорусской проповеди, в особенности, у современного Дмитрия польского проповедника Млодзяновского.

Но у св. Дмитрия она не отзывается искусственностью, а трогательною наивностью преданной Богу души. Диалоги Дмитрия скорее напоминают приемы Илии Минятия и по силе чувства⁴⁰⁷, и выражениям⁴⁰⁸. Иногда в проповеди слушатели приглашаются разрешить вопрос: кто первый назвал Бога. Оказывается, змий!

Впоследствии такие приемы слова переходили у Дмитрия в образность, от чего самая проповедь становилась яснее и картиннее. Они служили по большей части для начала речи. Иногда Дмитрий прямо указывал, о чем будет говорить. В неделю 4, приведя обычно краткие слова Святого писания, – «мнози приидут от восток и запад», – св. Дмитрий заявляет, что будет говорить о том: кто изгонится, за что изгонится, и куда изгонится? Все эти вопросы вытекали из одной основной мысли, что сыны царствия изгнаны будут вон. В середине речи образность употреблялась для уяснения предмета, так как всякие вещи лучше понимаются по образцу, чем чрез слово, говаривал св. Дмитрий. Поразительно, что начинал он речь иногда, так сказать, с заключения, с той фразы, которой должен был закончить ее. Таково знаменитое его слово, которое оценено рано в простом народе и сохранилось в наибольшем количестве списков: «Стыдно нам мужскому полу, – начинает вдруг святитель, – что ныне празднуемого светильника мира,

иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, не мы, но жена Златоустым назвала, возлюбленные слушатели! Стыдно нам, что нас в этом предупредила женщина! Мужской пол молчит, а женский громко заявляет среди церкви: «учитель духовный, лучше сказать – Иоанн Златоустый! Глубок у тебя колодезь учения, а верви ума нашего так коротки!» И с того прозван он был Златоустым, от женщины, а не от нас.

На антиохийцах вина: они опоздали, из предупредила женщина, в их соборной церкви воскликнула это! В то время св. Иоанн не был еще патриархом Цареградским, но иеромонахом в Антиохии при св. патриархе Флавиане. Столько стоят мужчин в церкви, все молчат, а одна женщина возвышает голос, Иоанна Златоустым называет! Я думаю, антиохийцы скажут: мы смотрели на духовный чин, и ожидали, как нарекут Иоанну новое похвальное имя священники, так как это их дело – давать имена. При том и приказание от них имеется у нас: в церкви молчат, что они скажут, готовое слушать. Это духовенство виновато, почему не от него, но от уст женщины произошло имя Златоустый!

А чин духовный скажет: да кто же может в чем-нибудь перегнать и предупредить женщину? Кто бойчее женщины? Не жены ли обогнали высших духовных лиц, апостолов Петра и Иоанна: предупредили и первые прибежали к Христову гробу? – Мы еще рассуждали, как назвать такого великого учителя, «устами ли Павла» или «Христовыми устами»? А она вдруг неожиданно выкрикнула и назвала Златоустом. Прикрикнуть бы надо на саму ее, женщину, и напомнить ей апостольское правило: женщины в церкви пусть молчат» и т. д.

Слово начинается так просто, что, вероятно, учитель самого святителя Димитрия, Голятовский, пришел бы в ужас от нарушения в нем всяких гомилетических правил о стройности и важности проповеди и если мог утешиться чем, так это – последующим опасным сопоставлением Златоуста с золотым Навуходоносоровым истуканом, где автор дробит признаки истукана и обращает его в ничтожество пред живым носителем мудрости – Златоустом. Но народ русский здесь почуял родную стихию, он увидел, как в слове схвачены удачно взгляды его на

женщину, на духовенство, на великого учителя Златоустого и, как драгоценную народную поэму, сохранил ее в своей памяти⁴⁰⁹.

В глубоком уважении к св. писанию св. Димитрий указывал слушателям на внутренний его смысл, не «исторически, а духовне рассуждающе»⁴¹⁰, редко обращается у него внимание на буквальный, разве только при открывавшемся случае сделать нравственное приложение: такова, например, его картина, как Давид свое «питие с плачем растворял»⁴¹¹. Чтобы выяснить смысл текста, он с кафедры вступал в диспут или спор с библейским лицом, высказывает ему нечто в роде выговора или нравоучения и даже шутит с ним. После чего исследует предмет речи, чтобы восстановить честь библейского лица. Так, проповедник просит ангела, подавшего книгу Тайнозрителю с приказанием съесть ее: Божий ангел, не вели есть книги той небесной Богослову; пожалуйста, дай нам сначала прочесть ее: узнать, что в ней написано и научиться чему-нибудь полезному, или скажи нам устно, что там написано! – Не слушает нас ангел и книги не дает прочитать, и устно не говорит, что там написано, а Богослову решительно велит: «прими и съешь ее! Богослове Святый! Отвечай»⁴¹² ангелу, что никогда не ешь ты книг, не на то они пишутся, чтобы их есть, но читать.

Из святоотеческих творений в проповедях есть выдержки едва ли не более из западных, чем восточных отцов: Киприана, Григория Двоеслова, особенно, бл. Иеронима и Фомы Кемпийского.

Глава V. Книжные занятия св. Димитрия

«Не сразу дом строится, не вдруг и книга сочиняется; и, закончив дело, мастер починает его, исправляя и довершая». Так характеризовал св. Димитрий свои усидчивые книжные занятия. Чем больше он углублялся в русские и иностранные источники о житиях святых, тем глубже сознавал необходимость пополнений и исправления написанных Четей-Миней, а не закончить своих книжных начинаний он боялся пуще смерти. «Устрашила меня смерть Иоасафа Колдычевского, – пишет он своему другу Феологу, – страх смерти напал на меня и страх сугубый из-за того, что не знаю ни дня, ни часа, когда постигнет меня смертный суд от Бога, а как останется книжное дело? Будет ли какой-нибудь охотник приняться за него и докончить, а трудиться над этим делом надо еще много! Годом его не завершить!.. Одного жаль, что начатое книгописание далеко от окончания, а бывают еще замыслы и о псалтири».

Судя по количеству написанного⁴¹³, владыка писал деннонощно, не расставаясь со своим неудобным гусиным пером, днем у тусклого слюдяного окна, а ночью – при сальной свече. Страстно искал он новых и новых источников по церковной истории. На другой год по прибытии в Ростов ему удалось достать хронограф Дорофея Монеувасийского⁴¹⁴. Теперь у него были на руках Макарьевские Четьи-Минеи для последней, еще не написанной им 4-й книги «Житий Святых» за июнь, июль и август. Они получены им еще в Новгороде Северском от патриарха Адриана чрез печерских старцев, возивших в Москву для подношений третью книгу «Житий Святых». Познакомился Димитрий с надобными ему книгами, будучи в Москве. Намереваясь уехать в Сибирь в 1701 году, он не думал прекращать писания, как это видно из разговора его с царем и наводит в Москве надобные для этого справки. Эти занятия теперьгодились. Последняя книга «Житий Святых» за июнь, июль и август, святителем была окончена в Ростове. Это было в пятницу, 9 февраля 1705 года. Обрадованный Димитрий писал по этому поводу: «ныне отпускаеши раба

Твоего, Владыко». «Порадуйтесь со мною, что сподобил меня Господь август месяц написать и завершить четвертую книгу, которую послал в Киев с Алексеем в печать», – пишет святитель Феологу в Москву: «извести об этом благодетеля моего Стефана Васильевича!»⁴¹⁵. Все сознавали важность законченного дела не только для Малороссии и Великороссии, но и для всей восточной церкви. Московская академия почтила составителя поднесением конклюзии. Новгородский митрополит Иов писал Димитрию о его трудах, что «дороже злата и сребра и предорогих маргаритов душеспасительная и животворивая Миней честная и святая книга «Житий Святых». За нее челом бьем благодарно»⁴¹⁶. В Киеве спешили закончить печатание последней книги. Между тем, возникла нужда в новом издании первой книги. Св. Димитрий принялся за новый труд – приготовить ее к печати и для этого опять требовались ему первые книги Макарьевских Великих Четей-Миней. Он спрашивает, поэтому, совета у Феолога: «Я, грешный, от них (последних книг Макарьевских Четей-Миней) уже отдалился. Кому писать, чтобы их отдать? Как получить новые (т. е. за сентябрь, октябрь и ноябрь) для дополнения?»⁴¹⁷. Кроме пополнений в первой части Димитрием усмотрены еще в 1700 г. некоторые сомнительные места и погрешности, например, о времени кончины св. Анны, Матери Богородицы (9 сент.), о числе гвоздей, которыми был прибит Спаситель ко кресту (14 сент.), о смешении имен Михаила Травла и Михаила Рангаве (4 ноября)⁴¹⁸.

При исправлении он сокращает некоторые жития, например, о св. Андрее Юродивом излагает более кратко. Иногда указывает на неясность: «житие о Григории Синаите, по его мнению, не столько история, сколько панегирик, набор слов», за которыми едва видны исторические факты; редко расширяет какое-либо житие, разве для необходимых пояснений, как, например, о св. Варсонофии Казанском. Он тщательно проверяет, когда видит что-нибудь «не весьма добре написанным» и возбуждающим сомнение⁴¹⁹, или, когда один «образец не согласен первому»⁴²⁰. И ко всей своей работе он относился критически. Об одном сборнике статей церковного

характера, им же и написанным, он замечает: много в нем неисправных описей и ошибок. При вторичном обзоре Четей-Миней он имел в виду назначение их для чтения на каждый день года. Если в славянском месяцеслове количество житий было недостаточно, то в Четьях-Минях предполагалось восполнять их житиями святых из «Актов Святых» Болландистов. Так внесено вновь житие мученика папы Фабиана, а также Гильды. Иногда святому не было уделено в месяцеслове и дня празднования; Димитрий тогда решал: сего святого в месяцесловах нигде не положено; поэтому (можно) положить его августа в 8 день. Большой книжный материал давал ему возможность и пополнять, сокращать жития, и относиться к ним критически. Теперь у него были В. Четьи-Миней Макария, жития святых Метафраста, Сурия, Болландистов и русские жития.

Кроме того, составила́сь масса выписок из творений: пр. Макария, И. Лествичника, Барония, И. Голятовского, Кедрина, в Ярославле ему удалось найти «ключ разумения печерский», но не полный.

Помимо проверки материала, находящегося под руками, святитель собирал книги и сверял их заочно. Так, он послал в Москву своего племянника, иеромонаха Михаила, с письмом к митрополиту Стефану Яворскому просить «на мал час» Великую Четью-Минею за июнь, хранящуюся в Московском Успенском соборе, «так как велика у меня нужда в той книге», сознается он. Феолога просит содействовать посланному в следующем поручении: посмотреть в книгохранительнице в мартовской книге Четей житие священномученика Ириней, епископа Сирмийского, сходно ли оно с латинским, переписать его и привезти в Ростов. Кроме того, святитель просит «приискать житие св. Ефросина Псковского, который ходил в Царьград по аллилуйя», отдать житие в переписку и послать в Ростов для удостоверения, «как явилась Пресв. Богородица и как аллилуйя велела говорить: правда ли то или подлог?» Иногда он просил Феолога выслать к нему книгу на время: «видел я где-то в какой-то вашей книжке слово о разграбляющих имения церковные и просил тебя, чтобы переписали мен, и теперь

прошу: пожалуйста, перепишите и пришлите»⁴²¹. Получивши от Феолога книжку «Купель Духовная», он переписал для себя и послал обратно⁴²². В другой раз благодарить Феолога за присланные книги «Деяний толкования», «Апокалипсис» и Максима Грека «О Святом Духе», посылая эти книги обратно, так как первая книга нашлась и у самого Димитрия, «Апокалипсис» сыскался в Ярославле, а также и Максим Грек. «Ключ разумения» я сыскал в Ярославле, но не полный, два издания тех «Ключей»: первый – печерской печати, – неполный, а другой, львовской печати, – полный, более печерского». Он опять «молит» Феолога послать «Ключ» львовского издания на краткое время: «нуждица мне в нем нечто приискать», поясняет он.

Однажды митрополит Стефан Яворский велел ему поискать имя того аввы, о котором говорится у Григория Двоеслова. Димитрий отвечал, что это находится в беседах Двоеслова Московского уставного письма, имя авве там означено Екитий. Екития Двоеслов называет отцом многих стран и игуменом, прославившимся святостию жизни и чудесами. По этому случаю Димитрий просит Феолога справиться в Великих Четьях-Минеях за 12 марта, как переведено латинское имя Екития-Сквитий, Неквиксий или Сквиций? Спрашивает также и совета Феолога, Кариона и Поликарповича, не положить ли житие Екития в 4-ю книгу Четьи –Минеи, как полагал и Яворский, так как жития восточных святых в этой книге кратки⁴²³: помещено туда лишь то, что только полезно для читателей и принято Церковью.

Сведения о святых в Четью –Минею собирались отовсюду. Из письма митрополиту Новгородскому Иову видно, что еще 1704 года до окончания Четей-Миней у Димитрия возникла мысль собрать жития одних ростовских чудотворцев. В Ростове сведений было недостаточно, не находилось полного жития преподобного Авраамия Чудотворца и св. Леонтия и Иакова, епископов Ростовских. Димитрий узнал, что в Новгородских монастырях старых книг очень много, и потому, просит митр. Иова найти, надобные ему «жития», переписать и выслать. Кроме того, просит: «молю святительство твое и о Валаамском монастыре, который издревле был в епархии вашего

преосвященства, вели известить моей худости, как давно и каких лет он стал (основан), и Феогност, игумен Валаамский, в какие лета жил?». Книжное оскудение в Ростове, славившимся в древности обилием просветительных средств, Димитрий объясняет разорениями и равнодушием ростовцев, что никто не постарался опять их собрать⁴²⁴. Сведения о святых Ростовский епархии, о святынях, мощах, чудесах от них, он собирал в «книжицу различных вещей неисправленных». Житие Авраамия Димитрий нашел в своей епархии у одного дьячка. Исследования его простирались на предметы глубокой древности, когда Ростовская епархия включала в свои пределы Ростовскую, Муромскую и Устюгскую области, и влияла на последующие события церковной жизни в Ростове; например, кто был первым епископом в Ростове, о родословии князей Ростовских и Владимирских, об убиении Василия и Константина Ярославских князей и о чудесах от их мощей, а также о князе Давиде и Февронии Муромских, об Иоанне Власатом Ростовском и Иоанне Юродивом Устюгском, о св. Димитрии Угличском⁴²⁵. Он имел описание соборной Владимирской церкви и мощей, находящихся в ней, чудотворной иконы Божией Матери Толгской; воспроизведена им и легенда об исцелении Соломонии, бесноватой жены Устюгской. Все это находилось в связи с составлением Четьей-Миней.

Мысль архипастыря не ограничивалась заботами о составлении «Житий Святых» для чтения одних монашествующих и собранием сведений о ростовских святынях; он решил сделать свой труд полезным и для мирских людей. Идя навстречу благочестивому народному обычаю читать жития святых, святитель задумал написать их «вкратце». Для нового труда понадобилась ему опять книга «Акты Святых» Болландистов.

Не обойдено вниманием святителя и духовенство. Из письма его к другу своему Стефану Яворскому видно, что намерение дать для духовенства руководство к церковной истории заставило его составить новую книгу «Летописец».

«Редко кто из духовного звания ведает порядок библейских историй, что когда происходило!» Редкий кто даже имеет

Библию, а купить ее трудно. Незнакомые с нею, игумены и священники, не говоря уж о низшем духовенстве, перемешивают события ветхозаветные с новозаветными, – недоумевают даже, до Рождества Христова и после жил пророк Илия? В Малороссии Димитрию приводилось слушать разговоры о библейских событиях, «смеху подобные». В Виду этого Димитрий предположил написать Библейскую историю по порядку событий в небольшой книжке, чтобы всякий мог не дорого купить⁴²⁶. Но его история обратилась в «Летопись» о монархиях, царях и гражданских событиях. После изложения книги бытия с объяснениями и добавлениями он излагает и церковную историю⁴²⁷. Для Летописца ему опять понадобились новые книги; в письме своем к Феологу Димитрий пишет, что таких книг у него нет⁴²⁸. Он извлекал сведения из своих Четей-Миней, Руна Орошенного, Макарьевских Четей, пользовался греческими и латинскими книгами, Прологом, Диоптрой, Лимонарем, Кедриним, Дорофеем Монеувасийским, Стрыйковским, Киевским синопсисом. Источниками послужили ему писания многих западных авторов⁴²⁹, пригодилось и знание языков: еврейского, греческого, латинского и польского.

Больших трудов и внимания стоила Димитрию эта книга, в особенности, беспокоили его неточности и противоречия в хронологии. Из сопоставления летоисчислений оказывалась немалая разница, как между нашим летоисчислением, так и западным. Так, период времени от сотворения мира до Рождества Христова у св. отцов значится в 5500 лет, у Дорофея Монеувасийского и у Кедрина 5506, у Никифора Ксанфопула 5505. У русских летоисчисление ведется не по библии, а по хронографам. Держась библейского летоисчисления, можно было стать в разрез мнению св. отцов. «Отчего же раньше не хотели увидеть и разобрать?», – негодует святитель на неисправность хронологии. – «Зачем было молчать о таких разногласиях, лжи не обличать и снисходить людскому упрямству?». Сам Димитрий проявил такую осторожность, что обращает внимание и на месяцы, оговариваясь, что год сотворения мира начинается не с сентября, а с марта. Составителю Летописца выпала тяжкая обязанность отвергнуть

укрепившееся в книгах заблуждение относительно хронологии. Он начал исследование о ней еще с 1693 года. Тогда у него были под руками Летописец, Буцерин, Аврелий Виктор, Геродиан, Евсевий, папа Галасий, Киприан, Стрыйковский, Нестор, теперь у него был уже хронограф Дорофея Монеувасийского. Один хронограф он нашел в Спасоярославском монастыре; затем стал принимать меры достать и другие. Оказалось, что летописи взяты из Ростова в Москву, и он пишет Феологу, чтобы сыскал для него хронограф, так как у Дорофея Монеувасийского летоисчисления от сотворения мира нет, а латинские истории с русскими не согласуются в годах⁴³⁰. В другой раз просит: «купи мне на свои деньги книжицу того Дорофея и пришли и цену возвести. Полагаю, – та книга со святым Ефремом живет, – тогда обе купи, хотя и не в переплете, а я платежник» тебе. Просит он также Г. Д. Строганова послать в Ростов к нему на короткое время книгу, называемую «Хронограф или Летописец», чтобы ему списать⁴³¹. Кроме того, немного спустя, им написана просьба к купцу Исаакию Вандербургу привезти такие же книги из-за границы. Вандербург исполнил желание владыки; и владыка, благодаря его, хвалит присланные книги и всю западную науку⁴³². «Драгоценные творения! Где сколько переверну страниц, столько собираю плодов. Достойны хвалы те страны, которые произвели те книги»⁴³³.

Вообще он сожалеет, что число летописей в Ростове «так скудно, а достать их очень трудно»; негодует, что их взяли в Москву и не возвращают.

Просьбы его о высылке требующихся для Летописца книг и сведений были непрерывны. «Где бы сыскать Летописца Ростовского Старшего? Листов, которые – в алтаре соборном, жду и молю переписать!»⁴³⁴. «Благодарю за таблицу: писцу рубль!» «Что за страна – варяги и где город Тмутаракань?»⁴³⁵.

Кроме хронологии Димитрий критически относился и к источникам истории; одни из них одобряет, в других – сомневается. Отвергая, например, сказания западных писателей о Сатурне, он говорит: «Клуверово исследование и Маттиеево (Стриковского) сказание вероятнейшее мнится

быти»⁴³⁶. У святителя от постоянных книжных занятий образовалась привычка к римскому календарю, так что иногда на письмах его помечены такие шуточные временные даты: «6 ноны февральские», «8. bris» (octobris, т. е., октября).

Цель Димитрия при составлении летописца и затруднения в хронологической области наложили отпечаток на самую книгу. Содержание расположено по столетиям; этим приемом отстранена необходимость обозначать даты отдельных лет. Истории каждого столетия предшествует хронологическая таблица, где сопоставлены летоисчисления по пасхалям греческих и западных писателей, а также и разница их.

Повествования всех событий данного века укладывались у него в одну главу. Так как хронологическое деление допотопной истории очень крупно и не на все столетия падали выдающиеся библейские события, то в скудных сведениях веков Димитрий помещал разные статьи нравственного характера. Так как в следующие после Сифа века начались войны и нечестие, то Димитрий под этой временной датой говорит о войне, как зле в человеческом роде, и о грехе. Стр. Под теми столетиями, где должна быть описана полная раскаяния жизнь прародителей и удаление их из рая, святитель за неимением исторического материала в Библии, пишет слово о покаянии. Иногда, отметив столетие, помещает вместо исторического материала свое рассуждение о земледелии. Иногда же он прямо вписывает свою проповедь обличительного, бытового или эсхатологического содержания. Тут есть статьи о не отнимании имущества от церкви. По шутивому выражению Димитрия он без книг вынужден тут мудрить, как слепой без руководителя ходить⁴³⁷. Разнообразие содержания летописи, за которое извинялся святитель перед московскими своими друзьями, однако, оказалось в духе и вкусе народа. Никакая другая книга Димитрия не имела такого большого распространения в народе, как эта. Так понял святитель ростовский духовные потребности великорусской паствы. Летопись доведена до 6 столетия 4-й тысячи лет от сотворения мира. К книге приложена история нашествия турок на Украину и взятия Чигирина; эта история

написана была ранее для гетмана Самойловича и приложена к летописи издателями ее без всяких поправок⁴³⁸.

Скромный святитель не надеялся на свои литературные силы в новом роде произведений. По мере написания отдельных статей Летописца он посылает написанное для прочтения своим друзьям, Феологу и Стефану Яворскому. «Не потерял ли моего Летописца, – пишет он Феологу в 1707 году (31 дек.), – читаешь ли его и Кариону даешь ли читать? Прислал я к Летописи малое приложеньице, прочти и положи на подобающим месте, будут и еще приложения к некоторым местам. Да не очень долго у себя держи! В великий пост, живы ли будем, пошли!»⁴³⁹.

Но более, чем на всех других, святитель полагался на мнение о своем Летописце митрополита Стефана Яворского. «Ты мне один из тысячи. Прежде я также, что покажу митрополиту Варлааму Ясинскому и что он одобрит, то смело печатай». «Не вижусь, не беседую ad coram, по крайней мере, письмом наговорюсь, хотя и наскучу, простите!» Пишет он к блюстителю патриаршего престола, излагая все свои задушевные мысли, все волнения и надежды.

Сначала митрополиту Стефану послана была библейская хронология, – род заглавия к будущему Летописцу. Яворский ее прочитал. Димитрий оговаривается, что хронология – не для напечатания, а как наброски для себя, – опыт библейской хронологии, которую игнорировали святые отцы, и удивляется, как могли они не согласовываться с библиями? Нельзя об этом, по мнению святителя, молчать из-за того только, чтобы не произвести скандала, в виду нареканий раскольников на церковь, аки бы она погрешает: им никто не угодит, они и добрыми, и полезными вещами соблазняются. Димитрий обещает о языческих монархиях лишь упомянуть, а не писать истории их: «не архиерейское то дело, могут о них писать и мирские люди, или перевести готовое о тех монархиях сочинение Иустина».

«Не о мирских событиях, не о политике я намерен писать в Летописце, а излагать нравоучения полезные; не услаждать читателя только историями, но наставлять и нравоучениями, а

равно дать и руководство по библейской истории духовенству. Это мой долг, это мое желание», говорит он⁴⁴⁰.

Святитель узнал со стороны, что хронологию, посланную им митрополиту Яворскому, читали и другие лица, и, тогда как митрополит «не охулил, прочим она не понравилась»⁴⁴¹. Однако, это не остановило работы Дмитрия. В конце 1707 года (11 дек.) он посылает с Рафаилом Казановичем к Стефану Яворскому уже начало своего Летописца с просьбою прочитать только для ознакомления с трудом один лист, а остальное поручить кому-нибудь просмотреть. Святитель предупреждает Яворского, что его мешанина едва ли кому-нибудь понравится: в ней, как в русском сбитне, и история, и, будто, толкованье из Корнелия и других книг, изредка нравоученье, особенно, при описании первого двухтысячного периода, о котором так мало в Библии историй. В науке эти элементы исторический и нравоучительный всегда раздельны, а в Летописце, по выражению святителя, все у него смешано, как горох с капустою⁴⁴².

Яворский вполне одобрил начинание Дмитрия: «не только *lucubrationes* прочел я, но и во глубину поступил», «вещь, воистину говорю, достойная всякой похвалы, исполненная нравоучительной пользы, и необходимая не только для нашей братии, но и всякому» ... Пиши, батюшка, пиши и не ослабевай в начатом деле! Я хочу это дело самому государю презентовать, да несчастье помешало!»⁴⁴³

Не огорчили Дмитрия и некоторые поправки Яворского, как-то, о невоздержании Хамовом и Ханаане, сыне его, где брак называется блудом. Дмитрий только благодарит и сознается: я и сам думал, что законное супружество не есть блуд; однако, имел в виду слова ангела Товии, назвавшего невоздержное супружество «*express* – блудом», однако, лучше заменить слово «блуд» – иным выражением – «невоздержание».

Посылая еще часть своего Летописца к Яворскому, занятому важными делами, Дмитрий советую читать ее не самому, а поручить другим; симоновскому архимандриту или Поликарповичу; но просит совета о двух вещах в написанном Летописце:

1) памятен ли будет согрешившему уже прощенный ему грех, и

2) что Бога мы утруждаем нашими грехами, – «изъяснил я это, но не знаю, хорошо ли? Не лучше ли обе вещи опустить, чтобы не вознегодовал кто-нибудь из простецов?»⁴⁴⁴.

В другом письме святитель извещает Яворского, что он постарается из замеченных Яворским неточностей одно переменить, другое совсем удалить из Летописи. Феолог хотел уже переписать высылаемые в Москву части Летописи в одно целое, но Димитрий предупреждает его, что книга не такую должна быть. Многое он исправил, пополнил и много еще будет изменять. Хотя святитель не думал предавать Летописец печати, но приводил его по возможности в совершенный вид «как бы к изданию в печать»

Научную опору для Летописных исследований и моральных трактатов давали Димитрию церковные писатели и историки; некоторым из них он отдавал преимущества перед другими. В проповедях и Летописи писатели упоминаются в следующем порядке: больше всех христианские моралисты: Иоанн Златоуст, затем св. Амвросий (37 раз), Иоанн Лествичник (18), Иероним (17), Феофилакт (до 16 раз), Григорий Двоеслов (16), Августин (12), Афанасий Великий (12), Иоанн Дамаскин (15), и Киприан Карфаг. (18), Григорий Богослов (6)⁴⁴⁵.

Иногда он сокращает речь и советует читателю: «кто хочет знать о невоздержании исполинов, речь о которых нестерпима целомудренному слуху, «тот читай Бероза», или Овидия⁴⁴⁶; в другой раз прямо ссылается на книги: «о Мафусаиле на латинском языке обретается в книге Навклира»⁴⁴⁷.

Обстоятельства вынуждали святителя следить и за современными событиями. В 1707 году он начал записывать памятные события и составлять свой эпистоляр; предполагал даже написать толкование на псалтирь⁴⁴⁸, в виду того, что за это дело никто еще в России не принимался. Но судьба не судила ему приступить к этому труду.

Кроме Четьи-Минеи, Летописца Димитрий писал сочинения, требующие религиозного и поэтического вдохновения. Еще по прибытии в Ростов он окончил (1702 г.) «Плач на погребение

Христа»⁴⁴⁹. В следующем году его просили написать канон преподобным Антонию и Феодосию Печерским. Святитель не отказал исполнить просьбу, хотя просители не имели никакого отношения ни к нему, ни к его епархии. Из города Великого Устюга протодиакон Иван Федоров, выстроивший при Георгиевской церкви придел этим святым, просил святителя сочинить канон им. Это было в 1704 году. Просили его также написать в службу Пресвятой Богородице образу Ее, именуемому Неопалимою Купиною, по случаю устроения в Вологодской Покровской церкви престола имени Ея.

Из поэтических творений святителя сохранилось несколько стихотворений⁴⁵⁰.

Св. Дмитрию приписывается несколько драм. Содержание их религиозное. Такова, например, его «Рождественская драма или комедия»⁴⁵¹, где представляется Рождество Христа, поклонение Ему пастухов и волхвов. Пьеса изобилует глубоким чувством жалости к уничижению Родившегося.

«В вертепишку лежиши убого,
В яслях на остром сене между буи скоты,
Нища Себя сотворив, всем дай щедроты!»

Такое религиозное умиленное чувство изливается в других духовных песнях. Например, в «Псалме Иисусу Прелюбезному» читаем:

«Иисусе мой Прелюбезный, сердцу сладосте,
Едина в скорбех утеха, моя радости!
Рцы душе моей: Твое есмь Аз спасение,
Очищение грехов, в рай вселение!
...Хотение мне едино с Тобою быти,
Даждь мне Тебе, Христа, в сердце всегда чтити!
Ты мне крепость и здравие; и слава многа.
Радуюся аз о Тебе и веселюся,
И Тобою во все веки, Боже мой, хвалюся!»⁴⁵²

Поэтическим вдохновением полны проповеди святителя, поэтически изложены у него и «Жития Святых»⁴⁵³.

Уверенность речи везде в его сочинениях сопровождается соответствующим подъемом вдохновения и образностью. Из книги Песнь песней он заимствовал не одни выражения, но и

тон ее. «Твоей воле святой себя вручаю: если хочешь меня иметь во свете, – буди благословен, если меня хочешь иметь во тьме, – буди паки благословен!» Нередко и научные изыскания сопровождаются поэтическими излияниями. У него встречаются такого рода «фразы»⁴⁵⁴, совмещающие напряжение ума и порыв чувства: я «люблю старопечатную книгу Триодь цветную!» В сочинениях святителя есть филологические, экзегетические и хронологические изыскания, исторические справки и попытки извлечь исторические сведения из языческой мифологии⁴⁵⁵.

Главное значение в сочинениях святителя придается библейскому свидетельству святоотеческим творениям. При этом заметно его предпочтение одного библейского перевода другому. Так, слова пророка Исайи «во гресех твоих стал еси предо Мною и в неправдах твоих» (43 гл. 24 ст.), он приводит по Иеронимову латинскому переводу: «работати Мя сотвористе во гресех ваших», чтобы извлечь назидательную мысль, что своими грехами мы причиняем Богу труды: «Он долготерпит нашим грехам «со утруждением», не желая наказывать за них»⁴⁵⁶. Уважение пред древними письменными источниками заставило его согласиться с «житием» св. Макария Египетского и допустить существование «выродков» человеческого рода, полузверей: центавров, сатиров и проч.⁴⁵⁷

Книжные занятия и уважение народа книгам святителя доставили ему такую славу, что его считали искусным и в звездочетстве. Про него ходили слухи, будто бы он в 1672 г. по положению звёзд на 30 мая, вместе с Симеоном Полоцким († в 1680 г.) узнал о рождении царя Петра Великого.

Все книжные труды поражают своею массою, которая объясняется характером его творчества. В основе всех его трудов лежал метод собирания, как последствие его школьного образования, где внушалось прежде всего уважение пред авторитетом. Это же соответствовало и скромному характеру св. Димитрия.

Глава IV. Раскол в Ростове

Последняя пора жизни Димитрия посвящена была борьбе с расколом. Благодаря географическому положению Ростовской епархии, не дававшей благоприятных условий для развития обособленных религиозных общин, раскол довольно долго не заявлял себе здесь открыто и резко. Пропаганда старообрядцев мало будила еще темные народные инстинкты. Особенности нового петровского времени дали толчок народным массам обратиться в сторону старообрядства. Опасность заражения расколом помимо политических условий увеличивалась еще и тем, что при умственной неразвитости Ростовской паствы, в ней не замечали резкого различия между православием и старообрядством. Можно сказать, у всего народа была некоторая склонность к старому обрядовому благочестию, поощряемому и духовенством. Простой человек не разбирался в деталях догматического учения. Все его богоугождение заключалось в соблюдение обрядовой церковности. Внешняя сторона религии приобрела значение священной важности уже по вековой привычке.

В январе 1705 года в третий раз при Димитрии обнародовали именной Указ Петра I о бритье бород всем русским подданным⁴⁵⁸. Русские люди не торопились, как видно, исполнять царское желание, но царь настойчиво проводил его в жизнь. Жестокая нужда в деньгах на войну видоизменила такое требование: последующими указами разрешалось купить себе право ношения бороды; кто желал иметь ее, тот мог получить за плату ярлык на то⁴⁵⁹.

Указы вызвали темное брожение в народе. Трудно было понять народу приказание брить бороды, когда сам здравствующий тогда патриарх в своем послании проклинал брадобрийцев и приказывал отлучать от Церкви, как врагов истины⁴⁶⁰. В Ростовской области центром раскольнических волнений стал Ярославль.

Ярославль в XVII веке поражал развитием религиозной жизни. Архиепископ Самуил Миславский при посещении

Ярославля был удивлен редким благолепием церквей, из которых почти каждая имела жемчужную утварь и передает установившуюся уже пословицу: «город Ярославль богомольем взял»⁴⁶¹. При посещении города Екатериною II спутники ее отметили резкую противоположность богато украшенных величественных церквей с грязными немощеными улицами и крестьянскими избами. Украшали храмы купцы, богатевшие в бойком городе и имевшие немало в нем фабрик, они строили и богадельни. Одного из фабрикантов, Затрапезного, еще при Димитрии хвалили, что соорудил свою фабрику на болотистой почве и способствовал украшению города. В 1717 году насчитывалось до 110 человек духовенства, в том числе свыше 60 священников при 15-ти тысячном населении⁴⁶². Значит, церквей было много. По обыкновению, они были каменные, с кирпичными полами, с высокою колокольнею и вершились черепичною крышею с белою из листового железа маковицею.

Главные церковные строители, купцы, как показала последующая история, всегда тяготели к старообрядству и содействовали ему, так что почва и приют для раскольников в Ярославле были удобные.

Летом 1705 года м. Димитрий приехал в Ярославль. После обедни в соборе он шел в свои покои. В это время к нему подошли два человека «бородаты, но не стары». «Владыко святой», – сказали они, – «как ты велишь? Нам приказано бороды брить, а мы готовы головы наши положить за бороды. Лучше нам пусть отсекут наши головы, чем обрезают бороды наши!». Вопрос поразил святителя внезапностию. Очевидно, требовалось и успокоить возбужденные умы, и напомнить об опасности противиться царскому указу. «Я», – говорит св. Димитрий, – «не мог вскоре отвечать чем-нибудь из св. писания, и возразил: Что отрастет, глава ли отсеченная или борода обритая?» Сказал это и ушел в келью. Вслед за ним вошло к нему много сопровождающих из церкви граждан. Они много говорили с владыкою о брадобритии и не брадобритии⁴⁶³.

Из продолжительной беседы святитель узнал об общем у всех убеждении, что брить бороду грешно, потому что с бородою у них соединялось представление об образе и подобии

Богу. Ему предстояло немедленно принять меры к пресечению такого заблуждения. Святитель взялся, как за верное оружие, за проповедь и писанное слово. Поездка в Москву с сентября 1705 г. и по 1706 год отвлекла его от непосредственной борьбы с заблуждением. Но он успел около этого времени написать свое первое противораскольническое сочинение «Об образе и подобии Божии в человецех», которое возбудило против святителя страшную ненависть раскольников. Недаром на эту книгу Димитрия написано обширное раскольническое сочинение: «Слово обличительное противу писания Димитрия, псевдомитрополита Ростовского на бранобритие»⁴⁶⁴. Успех книжки святителя был необычайный. По сознанию самих раскольников, он так воспалил сердца россиян (т. е. раскольников), что едва-едва не все прелестным учением святителя увлеклись и последовали ему»⁴⁶⁵.

Раскольники поспешили в этом «Слове» заявить, что они исповедуют чистое древнее православие. Особенно замечательны третья и четвертая беседа противораскольнического сочинения. Сочинитель негодует на то, что Димитрий называет старообрядцев «человекообразниками», тогда как они считают, что образ Божий не в видимых членах человека, но в душе его, подобие же в творении добродетелей. Тогда как св. Димитрий выясняет нелепость раскольнического мнения, что бранобритие есть предание еретическое, идущее, будто бы, в разрез непреложным заповедям Божиим и определением церковным. «Пусть никто не думает, говорит он, – будто мы бранобритию поучаем, а не бранобритие хулим. Нет, мы стоим противомнению тех, которые считают бранобритие тяжким непрощительным грехом и отчаиваются во спасении».

«Слово» Димитрия имело успех потому, что он везде указывает не на букву заповедей и церковных правил о бранобритии, а на дух их и на вред того, когда слепо верят всему без здравого рассуждения.

Не существенны для веры оказывались у раскольников заблуждения, но с ними Димитрий не мог примириться; по его мнению, раскол был плодом невежества и непонимания

религии, представляя из себя силу неподвижного коснения в устаревших обычаях и верованиях. Раскол противился проникновению всякого иноземного элемента, и дурного, и хорошего. Довольно было для Димитрия слухов о заблуждениях, чтобы бороться с ними.

Раскол пропагандировался при Димитрии в самом Ростове.

Еще около 1702 года из Брынских лесов пришел сюда какой-то волочающийся человек, Федька, а с ним две монахини. Происходя сам из Ростова, он имел знакомых и начал раскольническую пропаганду, а его спутницы – монахини проникли в девичий монастырь и там начали также совращать инокинь. Темные силы невежества и суеверий не проявлялись наружу, они таились в народе, а народ прикрывал своих совратителей. Оттого они становились смелее. По всей епархии долго и беспрепятственно ходил какой-то раскольник и проповедовал о скором явлении Антихриста. Он делал попытку склонить к себе даже духовных лиц. Когда святитель узнал об этом, то проповедник уже бесследно скрылся. В Ярославле совратители оказывались особенно настойчивыми; из привлекало там зажиточное население. Неуловимые для незнакомых с раскольнической тактикою, они могли быть прослежены лишь теми, кто близко соприкасался с ними. Одна монахиня Ростовского девичьего монастыря, бывшая ранее последовательницею раскола, сообщила владыке о каком-то старце Авраамии, жившем в Ярославле с женщиною и пропагандировавшем там раскол.

В противораскольнической деятельности св. Димитрия заметны два периода: с 1705 года по 1708 год он исследует и оценивает отдельные частные факты, касающиеся раскола, а с 1708 по 1709 год поражает раскольников в их главных пунктах вероучения, раскрывая пред своею паствою слабые стороны раскола, их невежество и развратную жизнь. Сначала он произносит противораскольнические проповеди и пишет трактаты, а потом составляет целое сочинение против них, – «Розыск о раскольнической Брынской вере». В своем слове «Об образе и подобии Божиим» святитель указывает на безрассудство защитников бороды. Борода для них – дороже

души; греха брадобрития, по их уверению, не может загладить даже мученическая кровь⁴⁶⁶. Для них «препровождать жизнь скверную, свинскую в объедении и пьянстве, содомстве и других непотребствах – дело не важное, – все это, по их мнению, простительно; одно честно и свято, чтобы сохранить бороду в целости». Бритье бороды считается у них самоубийством, а действительное самоубийство называется спасительным делом. В изуверстве своем они добровольно губят себя: «одни – огнем, другие – голодом»⁴⁶⁷.

Чтобы предохранить православных от совращения их раскольниками, святитель произносил в самой простой, удобопонятной всем форме, проповеди, прямо направленные против раскола. Таковы поучения его «На воздвижение честного и животворящего Креста Господня»⁴⁶⁸, «Почтение о четвероконечном кресте»⁴⁶⁹, «Слово на 21 неделю по Св. Духе, говоренное к препростому народу»⁴⁷⁰ и «О должности всякого верного суща, в защищение св. Церкви против еретиков»⁴⁷¹. В двух первых поучениях говорится о четырехконечном кресте. Впоследствии оба они вошли в книгу святителя «Розыск», составивши в более подробном изложении с перестановкою мыслей 3-ю статью 2-ой части. В первом слове обличается еще и неразумие раскольников – поклоняться старым и закоптелым иконам, а новых не почитать, во втором же – раскрывается опасность учения их «бегать св. Церкви», «чуждаться св. Причащения, как мерзости» и «вменят блуд в любовь Христову»⁴⁷².

В слове «О должности... в защищение церкви» представлена картина современного гонения Церкви Христовой от ее врагов, уменьшение ее членов и равнодушие к защите ее со стороны тех христиан, которые только «своего ищут, а не имеют ревности о чистоте веры»⁴⁷³.

Общий тон противораскольнических сочинений св. Димитрия, в сравнении с полемическими сочинениями других борцов за православие, отличается спокойствием. Речь его дышит любовью к заблуждающимся. Это тем более удивительно, что в то время он был больной. Тут виден природный любвеобильный характер святителя. Заметно, что,

живя в Украине, вдали от борьбы с расколом, он не впитал в себя того страстного отношения к хулителям Церкви, как, напр., Питирим Новгородский, Игнатий Корсаков и другие. Он объяснял раскол одним безрассудством и умственной неразвитостью. Впрочем, желание его предохранить свою паству от заражения расколом, заставило его сгустить вины старообрядцев, – отнести их заблуждения к области ересей.

Новизною положения его объясняется и то, что он смотрел на раскольнические заблуждения по их фактической стороне, игнорируя их историческое происхождение и причины возникновения. Нет у него и обобщения их. Для него чудовищными казались заблуждения расколоучителей; еще более поражала предрасположенность простого народа к восприятию их.

В 1708 году до Ростова дошли слухи об особенном усилении раскола в Ярославле. Владыка немедленно отправляется туда и там целую неделю ежедневно говорил в церкви обличительные проповеди против расколоучителей и их пропаганды. Излагая пред народом православное учение, он раскрывал суемудрие старообрядцев. Несомненно, что несохранившиеся его речи за эту неделю вошли, по крайней мере, в главных мыслях, – в состав книги «Розыска». Для живого пастырского дела он оставил и «Летопись», которою так дорожил: «за Летопись меня Бог не спросит, а за научение паствы взыщет», высказывался он, потому что «нужда раскольническая умножилась в нашей епархии зело»⁴⁷⁴.

По приезде в Ростов он принялся за новый письменный труд. О побуждениях к составлению своего «Розыска» он пишет своему другу: «так как слова из уст более идут на ветер, чем в сердце слушателя, то, оставивши все предположенное мною дело Летописания, я взялся писать особую книжицу против раскольнических учителей»⁴⁷⁵.

Состав Розыска дает повод думать, что книга предназначалась для руководства священников в борьбе их против раскола. В него вошли проповеди святителя, а их он и в других случаях приноравливал к произношению священниками. Других руководств для борьбы не было: «ненавистная рука

раскольническая» истребила ранее составленные книги, «Жезл правления» и «Увет»⁴⁷⁶. Простота слога, за которую смиренный владыка даже просит прощения у читателей, показывает, что св. Димитрий для того раскрывал заблуждения расколоучителей, чтобы предохранить этим свою «препростую паству» от льстивой пропаганды.

Новый труд святителя так быстро подвигался, что автор надеялся его окончить в том же 1709 г. в Великий пост⁴⁷⁷. Великим постом к нему принесли новые сведения о раскольнических скитах прибывшие в Ростов и живавшие в скитах Петр Ермилов, старец Андроник и Пахомий. Рассказы их дали еще большее освещение раскольнической жизни⁴⁷⁸. В половине Великого поста книгу святителя уже переписывали. Димитрий торопил переписчиков, чтобы окончить ее к Пасхе (24 апреля)⁴⁷⁹. Но переписка затягивалась. Он пишет Феологу: «хотел я, дорогой, послать к тебе уже целую книжицу моего о капитонех розыска, которую, при помощи Божией, окончил; но за писцами дело остановилось: не скоро переписывают набело. Оттого я послал одну часть; послал также и господину Поликарповичу». «Третья часть «Розыска» к св. Троице – празднику (12 июня) придется к вашей честности, если изволите читать»⁴⁸⁰. Книга «Розыск», переписанная к Троице в сравнении с печатною книгою, изданною в 1745 году под редакцией архим. Платона Малиновского была небольшая в 274 листа⁴⁸¹, без разделения на главы и без некоторых трактатов (15-й главы в I части, а также 18, 19, 20, 21 и 22 II части). Во время переписки святитель пополнял ее, так что московским своим друзьям немного спустя он посылает еще две тетради о брадах; указывает им и место в своей книге, где вложить: «тетради эти приложи во вторую часть «Розыска», в статью первую, пред окончанием статьи той»⁴⁸². Впрочем, у святителя не было уверенности, полезны ли такие добавления, и годятся ли для полемики; «дошла ли до рук ваших борода капитонская, которую я послал честности твоей господину Поликарповичу с казначеем нашим Филаретом?» Пишет он в Москву: «прочтите и рассудите, хороша ли, годится ли кому в пользу. Если не годится, не понравится, то плюньте в ту писанную бороду!»⁴⁸³.

Друзья одобрили и бороду капитонскую. Иногда они посылали необходимые книги: «Купель Духовную», «Свитки» раскольнические и др. «Не забудь с попом Ив. Максимовым побеседовать и спросить у него тех скитах, или сколько он может знать по имени их⁴⁸⁴ вер. «Если что новое о ересь, о скитах брынских услышишь, пожалуйста, извещай»⁴⁸⁵. Помещен, по совету друзей святителя, и трактат об усах⁴⁸⁶, где находится опровержение хулы расколоучителей на митр. Петра Могила, повелевшего священнослужителям постригать у себя усы, если они были слишком длинны. Посылал он одну часть «Розыска» для чтения М. Г. Грохольскому⁴⁸⁷.

Святителю уже «докучило писать против раскольников», а он все делал новые и новые дополнения к «Розыску». В августе прибавлена им «мало кое-что о толкованиях евангельских»⁴⁸⁸. Здесь опровергается толкование действительных евангельских событий в смысле притчей, указываются признаки, по которым действительное событие отличается от приточного⁴⁸⁹. После он прибавил еще трактат об имени «Иисус»⁴⁹⁰.

Всю свою работу святитель основывал на показаниях лиц, знающих о расколе. Понятны, поэтому, неточности в его представлении о нем. В «Розыск» легко могли вкрасься такие факты, которым не доставало строгой проверки. Быть может, владыка рассылал отдельные части своей книги духовенству епархии не для одного руководства, но и для проверки описанных там фактов при случаях столкновения с расколоучителями. О раскольниках, об их жизни слухов доходило до Димитрия «несчетное» количество, так что он не находил и возможности писать о них подробно, а решил предложить в «Розыске» о главном. «Я не от себя предложил. Ведь я, смиренный, не в этих странах рожден и воспитан, никогда и не слыхал о расколе, в этой стране находящемся, ни о Брынских лесах, ни о скитах, ни о разности их вер, ни о делах их; но, когда уже начал жить здесь по Божьей воле и указу государя, узнал по слухам и по многим доношениям. Предложил только то (разбор раскольнической заблуждений), что слышал от очевидцев и о чем писано мне»⁴⁹¹.

В самом «Розыске» святителем указываются имена тех лиц, от которых узнавал о расколе, например, ростовский воевода Пашков, старец Пахомий, монах Макарий, игуменья Анфиса и другие⁴⁹², но иногда выражается безлично: «донесено нам», «слышали мы», «узнали недавно», «доносится слуху нашему»⁴⁹³.

Святитель не чувствовал себя одиноким в письменной полемике с расколом. Московские друзья послали ему в Ростов «Свиток раскольнический, лжи и хуления преисполненный»⁴⁹⁴, «Житие св. Евфросина псковского», ходившего в Царьград по аллилуйя, с описанием «явления Евфросину Богородицы»⁴⁹⁵. Димитрий читал их и критиковал: «Евфросиний святой – свят, а аллилуйя их, не думаю, чтобы было свято, – самое сновидное и противное православию, как хотелось кому, так и бредили без ума»⁴⁹⁶.

От тех же друзей получена им «книжица *Зеркало*, достойная в свете произвестися»⁴⁹⁷. Кроме того, неоднократно в Москву посылались его просьбы: нет ли какой книжной новинки? Евангелия вечного Аввакумова нет ли? и, вообще, нет ли «подлинных сведений о раскольнических скитах и верах их»⁴⁹⁸. О вечном евангелии Аввакума владыка сообщает в «Розыске», что оно не получено, и потому ему неизвестно, что там пишет сатанин «ученик», – вероятно то же, что и в своих письмах к диакону Феодору⁴⁹⁹. Догадка святителя оправдалась. Эти письма и есть самое евангелие Аввакума. Димитрий обращался к московским друзьям, как к сотрудникам своим: он просит справиться в Московском Успенском соборе: «каковы кресты на сосудах пр. Антония Римлянина? Коими подобиями? Четвероконечием или осмоконечием? И какие титулы: хартия ли изображена или дщица? От своих Димитрий ожидал беспристрастной критики «Розыска»: «благovolите с товарищи рассудить», каково написано то, что переслано к ним на рассмотрение?

Цель «Розыска» – раскрыть пред глазами «препростого народа» все недостатки раскольнического учения, разбить все особенности старообрядческих верований. «Розыск» не имеет строгого единства, потому что в нем разбирается много сторон

старообрядства. Тон его полемический – отрицательный. В первой части рассматриваются неправые верования, раскольническое учение автор выделил во вторую часть, а в третьей – изображается безнравственная жизнь раскольников. При таком делении книга отличается всесторонностью и крайнею дробностью исследования. По внешнему построению план книги очень широк, он охватывает и жизнь, и учение раскола.

Язык книги так прост, что делает доступным пониманию простого народа самые отвлеченные понятия, как, например, вера. Но понятие о расколе страдает неопределенностью. Он рассматривается не при свете исторического возникновения и социального укрепления его, а поставлен перед лицом Евангельской истины. Явления старообрядства оказались идущими вразрез с православием, со здравым пониманием Евангелия, выражением слепого упорства и невежества. В результате «Розыска» у Димитрия получилось, что у раскольников – в вере одно заблуждение, в учении – ложь, в жизни – безнравственность. Все это основано на сообщаемых ему фактах, которых собраны у него так много, что не было нужды затрагивать в «Розыске» пункты раскольнических верований, разобранных до него в «Жезле» и «Увете»: «я не стану об аллилуйи писать, так как о том довольно изрядно написано в «Жезле правления» и «Духовном Увете». Довольно моей худости писать о том, чего нет в тех книгах, а написанное повторять нет нужды», – писал святитель к Феологу⁵⁰⁰. В самом «Розыске» он предупреждает: «я не буду распространяться (о сложении перстов), так как об этом уже довольно написано и разъяснено в книге в «Жезл» и в книге «Увет», и в псалтырях, исправленных: кто хочет, пусть читает там⁵⁰¹, а кто не умеет читать, пусть послушает»⁵⁰². Только в трактате «об Антихристе» и «о злых делах раскольников» святитель повторяет разбор существовавших до него противораскольнических сочинений, так как последние встречались редко: послания Игнатия Тобольского и вовсе не были напечатаны⁵⁰³.

Для характеристики раскола Димитрий выписывает множество новых фактов и разбирает их. Но под именем

раскольнических разбираются такие, которые старообрядцы не могут разделять: например, о святых иконах, о мощах и о поклонении им⁵⁰⁴. В принципе этого раскол никогда не отвергал, нередко раскольники даже сами объявляли об открывшихся в своих скитах нетленных мощах старообрядцев. В то время иконоборческие воззрения действительно проникали в Россию. У Тверитинова были последователи. Они могли проникнуть и в Ростовскую область. Димитрий сам находит, что ростовский Трофим, отвергавший иконопочитание, отвечал на его вопросы «еретическим лютеранском и кальвинским, купно и жидовским духом от св. писания»⁵⁰⁵. В XVIII веке словом «раскол» называли все вообще заблуждения, характеризовали не одно великорусское старообрядство, а и другие ереси. Рационалистические мнения проявлялись и в расколе, но оказывались заблуждением отдельных лиц, поддавшихся протестантскому направлению мысли. К таким мнениям относится «хула раскольнического свитка» на Божественные Тайны, будто, Христос, однажды вкусивший смерть на кресте, не может более приноситься в жертву⁵⁰⁶. В самом расколе тогда распространялись мнения еретические. Таково учение Аввакума о Пресвятой Троице, что она «Трисущна»; или о Христовом воплощении, или же о сошествии И. Христа во ад «с телом по воскресении»⁵⁰⁷, что Бог вездесущ не существом, а благодатию⁵⁰⁸ и т. д. Впоследствии все «евангелие Аввакума» отвергли и сами старообрядцы⁵⁰⁹. Вопрос о том: есть ли вера раскольническая – вера правая, у святителя поэтому решается в отрицательном смысле. «Всяк, верующий не во Единого невидимого Бога, а во многие видимые и осязаемые вещи, неправо верует. А так как раскольники веруют не в одного невидимого Бога, но во многие видимые и осязаемые вещи: в ветхие иконы, в осьмоконечные кресты, в число просфор, в старые книги, в сложение по их обычаю перстов; то вера их – не правая вера»⁵¹⁰.

Основным положением раскола было: «священства нет на земле; оно с отцами перешло на небо». Отвергнув законное священство, старообрядцы многое изменили и в церковной практике. Таинства они не отвергали, за неимением же

священников их стали совершать миряне. В «Розыске» указывается, что литургию у них служил простой непосвященный мужик, а при митрополите Ионе в одном из ростовских сел священнодействовала девица. Она «обедню какую-то еретическую тайно совершала, людей исповедовала и причащала не только простых людей, но и попов»⁵¹¹. Из таинств беспоповцами не отвергался, как скверна, – брак. По доходившим до святителя слухам, блуду они придали религиозное освящение, называя его любовью Христовою. Крайний разврат в Феодосьевцев вызвал даже протесты в среде самих старообрядцев. Тем более не мог оставить без молчания этого святитель Димитрий: в Феодосьевщине, Стефановщине и Косьминищине брак называли блудом, а блуд вменяли в душеспасительную любовь⁵¹². Воевода Пашков сообщал ему, что крестьяне Заузовской и Толоконцевской волости Нижегородской губернии отводят своих дочерей в Брянские леса к святым отцам и оставляют их там на любовь Христову⁵¹³. Многие девицы и из Ростовской области бегали в Брянские леса и возвращались обесчещенными; не отставали от них и черницы. Сами родители содействовали этому. Святитель упоминает о трех романовцев и одном ростовце, которые отослали своих дочерей в те же леса, «а для чего? Бог весть!»⁵¹⁴.

Изуверство раскольников поражало святителя Димитрия. Оно породило страшные неслыханные никогда и нигде явления; появилось в Ростовской епархии много самосожигателей. В Белосельской волости сожглось более 1920 человек⁵¹⁵, в Череповской волости недалеко от ростовских пределов в 1688–1689 г. г. за один раз добровольно погибло в огне около 300 человек⁵¹⁶. Из Сибири неслись такие же вести⁵¹⁷. Зарождающийся фанатизм развивался расколоучителями. Еще Аввакум говорил: «всякий верный не развешивай ушей, не задумывайся, гряди со дерзновением в огонь... Блажен изволь сей о Господе!»⁵¹⁸. «Кто нас послушает и сам себя сожжет, тот от антихристового мучения уйдет и будет вечно царствовать со Христом и святыми. Если же кто не послушает – и ныне сам себя не сожжет, того Антихрист скоро мучить будет, и тогда

многие от правоверных, не стерпя антихристового мучения отступят от правых веры и за то в адском огне будут мучиться вечно со Антихристом»⁵¹⁹.

Увлеченные корыстными расколоучителями темные люди сами приготавливали для себя костры, приготавливали смолу, бересту, солому, коноплю, порох. Духовных лиц, посланных для увещания, не слушали, «не развешивали ушей», тут же, не допуская до себя, и сожигались. «Мы горим внешним огнем, а вы горите и ныне вечным огнем, и там гореть будете», – твердили они невольным свидетелям самосожжений⁵²⁰. Чтобы расположить себя к сожалению, изуверы употребляли волхования, принимали изюм, ягоды, жженные истолченные кости, порошок высушенного сердца, вырезанного из груди у младенца. Будто бы принявшим такие вещи огонь не только не страшен, но кажется им раем и устье печи – райскою дверью, а в самой печи «пресветлые юноши, призывающие к себе»⁵²¹. Трудно было святителю верить таким слухам, если бы это не подтверждалось. По поводу рассказов об этом иеромонаха Игнатия он говорил: «верим ему, человеку уже очень старому, который как видел и слышал, так и донес нам, по священнической должности»⁵²². Из всех рассказов определялась для святителя страшная опасность от раскола. В нем внешний аскетизм и подвиги соединялись с фанатическим презрением к жизни, с сердечною испорченностью и внутренним развратом в бытовом строе последователей его.

Толков раскольнических в Розыске указывается очень много. «Согласные в одном хулении на церковь Христову, ее святых таинств и нас, правоверных, все скиты раскольнические верами своими между собою не согласны», – говорит Димитрий, – «все они, окаянные, прелестники, друг друга гнушаются и вместе ни пьют, ни едят, ни молятся и называют друг друга еретиками»⁵²³. Обо всем этом святитель узнал от лиц посторонних, но от таких, которые или сами жили в расколе, или долгое время находились вблизи раскольнических брынских скитов, таковы: строитель Спасской Роевской пустыни, черный поп Иоасаф, затем, Ярославец Петр Ермилов, старцы Андроник и Пахомий. Иоасаф в ноябре 1708 года передал Димитрию

какие-то «малые тетрадицы», в которых было «ответное слово против раскольников» неизвестного автора. Тут помещен и перечень 20 названий брынских скитов⁵²⁴.

В марте следующего 1709 года святитель получил более определенные сведения о скитах. В сборную неделю Великого поста явились к нему Петр Ермилов, Андроник и Пахомий. Относительно списка Иоасафа они говорили: «не все ныне те скиты теми именами прозываются, разве раньше так было. Одни скитона начальники умерли, другие переселились в другие страны, третьи ушли в Польшу». По словам Пахомия скитов в Брыни значится только пятнадцать. Некоторые исчезли, другие стали действовать совместно, появились и новые⁵²⁵. Теперь их насчитывалось больше и в «Розыске» значится 28, кроме многих мужских и женских по лесам «подобных тем в зловерии». Ясно, что Ростовскому владыке не о всех скитах было известно⁵²⁶.

В «Розыске» нет разграничения толков, которые, можно сказать, здесь отождествляются со скитами. Наряду со скидками в числе их упоминаются поповщина и беспоповщина; тогда как это вовсе не скиты, а два главные старообрядческие течения: к ним более или менее примыкал каждый скит. Перечисляются как раскольниковы скиты и такие, которые ничего общего с расколом не имели: христовщина, иконоборщина и субботники, отрицающее все то, за что стоял раскол, и появившиеся еще раннее раскола. Хотя святитель и внес их тоже в список скитов, но выделяет, например, субботников, называя их отраслью иконоборческой ереси и выразившимися из последователей ереси жидовствующих XV века⁵²⁷.

Неопределенность сведений о расколе не могла не повлиять на «Розыск» о нем. Но всякие сведения были дороги для Димитрия, как материал борьбы с противниками Церкви. На основании таких сведений он делал исследования и обобщения. Здесь у него в первый раз прямо и решительно говорится о двух главных направлениях в расколе: поповщине и беспоповщине, дается и характеристика их, чего мы не находим и позднее, у Феофилакта Лопатинского⁵²⁸. В «Розыске» положено начало научной борьбы с расколом. Разновидности этих направлений касались только учения о таинствах, в частности, – об

евхаристии. Толки разнятся между собой более названиями, чем по существу своего учения. Разности их обуславливались отношениями их к Церкви⁵²⁹. Слова святителя о скитских расколоучителях, что «все они верами своими не согласны», надо понимать с ограничением. В группировке их у святителя это положение сильно ослаблено. Из поповщинских толков из общей категории не выделено у него по вероучительным пунктам ни одного скита; только на рогожников указывает как на своеобразный толк, проповедующий невозможность спасения в миру и необходимость бежать в пустыни и там спастись.

Раскрывая внутренние слабые стороны раскола, святитель хотел показать пред простым народом и малочисленность его, но действительность говорила об ином. «Вас, отпавших от церкви»,— обращается он к раскольникам, — «немного. Если соберется вас десять или двадцать тысяч, то все же вы ничто пред всею вселенскою Церковью. Ваша брынское общество столь же велико по сравнению с вселенской Церковью, как велика горсть воды против необъятного моря». В таких словах чувствуется скрываемая тревога архиерея. Раскол распространялся быстро и захватывал немалую часть Ростовского населения. В одном месте святитель прямо говорит, что «ересь капитонская отторгает тьмы народа от Церкви»⁵³⁰; в иных уездах около трети всего населения⁵³¹ заражено было расколом.

При общем обзоре «Розыска» бросается в глаза отсутствие в нем единства частей. Разрозненность мыслей зависела от неясных слухов и от недостатка времени на обработку книги⁵³². Тем не менее все произведение внушительно своею силою. Здесь раскрывается деятельность не призванных самозванных учителей и разоблачается ложь их учения, а такой задаче вполне соответствует содержание «Розыска». О скрытой пропаганде он собирал всевозможные сведения. Он бьет расколоучителей отдельными фактами. Особенно резко указывается на отсутствие в расколе нравственных устоев.

Писание «Розыска» было так кратковременно, что проверить все слухи о раскольниках не было возможности.

Святитель полагался на честность того, кто сообщал, на его седины и сан⁵³³.

Хотя «Розыску» дано полемическое направление, но книга выделяется из ряда других таких же полемических сочинений и полагает начало новому направлению нашей противораскольнической литературы. До него отношение представителей церкви к обрядовым разностям отличалось суровостью. Старообрядцы мы предавались анафеме и собором 1667 года, и автором «Жезла правления» и «Увета Духовного», как враги христианства⁵³⁴. – Ничего подобного нет в «Розыске». По мысли святителя Димитрия, обряд не имеет существенного значения в деле спасения. Его даже поражает приверженность старообрядцев к букве и форме. Важна не форма, не персты: спасительна при крестном знамении мысль, выражаемая обрядом. Не от числа просфор, не от древности иконы, не от сложения перстов зависит наше спасение, а от правой веры и добрых дел. Для святителя удивительно, как такие незначительные вещи послужили причиной разделения тех, кто составлял одну церковь. В самом расколе Святитель преследует не употребление того или другого обряда, а ту нетерпимость, с которою раскольники отстаивают свою обрядность. Он жалеет раскольника, коснеющего в невежестве и лишенного утешения церкви, им отвергнутой. Самые добрые дела раскольника: пощения, молитвы, поклонов многое число, и др., не освящаемые силою Божественной благодати, остаются «не заслуживающими спасения»⁵³⁵. Вне союза со Христом спасения нет⁵³⁶.

Соответственно этому и слог святителя отличается не страстностью, а звучит грустью. Его сильно поражали нелепости раскола, возмущали и клеветы их; «на них ничем не угодишь», – писал он своим друзьям. В двух местах выражается он резко; в один раз, производя раскольническое произношение имени Иисус, он называет его равноухим, в другом месте высказывает, что на раскольническом перстосложении прилично было бы написать имя «демон»⁵³⁷. Такая резкость допущена им, без сомнения, для того, чтобы внушить простому народу отвращение к мнениям, не разделяемым Церковью. И

раскольники, со своей стороны, страшными глумлениями над православием старались подорвать авторитет представителей церкви.

Из всего «Розыска» одно только «увещание правоверным» резко выделяется выражениями сильного негодования пастыря против совратителей. Здесь тон его напоминает «Жезл» и «Увет». Святитель увещевает народ не только не дружить с раскольниками, не только не выражать доброжелательства их вере, а положительно не слушать их⁵³⁸.

Хотя «Розыск» написан для простого народа, чтобы предотвратить его от соращения в раскол, однако, святой труд не остановил сильного развития всевозможных старообрядческих толков в Ростове. Строгости правительства только усиливали фанатизм. Масса народа записывалась в двойной подушный оклад, чтобы спокойно пребывать в расколе, купивши себе свободу верований; записавшиеся в раскол были уже недостижимы для духовенства. Не согласные на двойной оклад убегали и жили в лесах. Но гораздо более оказывалось тайных раскольников. Борьба с ними тогда сделалась еще труднее. Святителю известно стало даже о священниках, которые называют себя православными лицемерно. Они сообщаются с раскольниками, соглашаются с ними, даже прихожан своих, увлеченных в раскол, укрывают и потакают им.

Среди раскольников Димитрий своею горячею деятельностью возбудил ужасную ненависть против себя. Их ненависть лучше всего свидетельствует о достоинстве и плодотворности противораскольнических трудов святителя⁵³⁹. Но они указывали только на его резкие выражения, так как против обличения его были бессильны. В 1755 году вышло третье издание «Розыска». По поводу этого явилось и в расколе «Обличение лжи и явного заблуждения книги «Розыска», печатанного страстно не раз»⁵⁴⁰. Ненависть к святителю Димитрию пропагандировалась расколоучителями также усердно, как и старообрядство.

Продолжает святитель обличать раскол и в Летописи. Раскольники называются там антропоморфитами потому, что считают образ Божий в лице, очах, бороде и т. п., а не в

душе⁵⁴¹. Обличение их он находит в самом слове «Адам», которое указывает будто бы на четыре стороны света: восток, запад, север, юг, и подробным указанием говорит о кресте четвероконечном⁵⁴².

Борьба Святителя Дмитрия с расколом, по сознанию самих расколоучителей, сопровождалась большим успехом. Об этом знал и царь. Нуждаясь в литературной силе в своих реформенных начинаниях для борьбы с приверженцами старины, он хотел воспользоваться популярностью Ростовского владыки в народе и проектировал: «написать книгу о ханжах и изъяснить блаженства (кротость Давидову и прочее), что не так, как они думают, и приплести к требникам, а в предисловии явить то дельцем Ростовского (архиерея) с товарищи; также, – что не противились мученики в светских делах»⁵⁴³.

Глава VII. Кончина святителя Димитрия

Последние годы своей жизни святителю привелось трудиться более, чем когда-либо. Несмотря на это, он не видел и исхода своему тяжелому положению. Настало время лютое, говорил он, исполняется предсказание Христово: восстают люди друг против друга войною. Народу тяжело. Происходят грабежи, хищения, неправды и насилия. У церкви появились непримиримые противники; раскол и неверие. Судьбы духовенства тоже печалили владыку: есть у нас села, из которых по повелению государя люди переведены в иные уезды, а церковникам в тех селах питаться не от кого, и они ушли от церквей⁵⁴⁴. В это же время он напряженно занимался окончанием книги «Розыска», не переставал проповедовать, не покидал и любимой своей «Летописи»; напротив, он просит у Вандербурга новых источников для нее, посылая ему, в свою очередь, от себя подарки. Такие заботы и труды приводили святителя к истощению. Перо выпадало из рук, но он преодолевал временную слабость телесную; подвижники духа, им самим описанные, предносились пред его очами и вызывали на подражание. Он выписывал из творений преподобного Макария Египетского о необходимости лишений для человека⁵⁴⁵. Тело свое он изнурял, как кающийся грешник. Часто распростирался на земле крестом, по 3 часа лежал в таком положении. Летом он предоставлял свое тело комарам, в которых не было недостатка в сыром ростовском климате. Под конец он сократил и питание свое, принимал пищу редко, а на первой неделе Великого поста и на Страстной неделе ел однажды, по четвергам. Не только страстную пятницу, но и на каждой неделе он особенно чтит этот день, замечал даже, что на пятницу падали особенно знаменательные для него события: в пятницу скончалась у него мать, Мария Михайловна⁵⁴⁶, в этот день он окончил свою Честью-Минею. Замечательно, что в пятницу он сам скончался, в пятницу обретены его мощи. Святитель Димитрий тщательно изучал все написанное о страстях Господних. Сохранился у него перечень писателей⁵⁴⁷, о

них и сам он писал «Целование ран Господа на всяк день», «Размышление о страстях Христовых». Как он удручал себя, это видно из следующего случая, внесенного в его Диарий: в пятницу 18 ноября 1708 года да архиерей «поднялся» до заутрени за 2 часа пред отдачею, оделся и пешком пошел из Ростова в Ярославль. Походка у него была быстрая. Он пришел в Ярославль после 52 верстного перехода в 2 часа ночи через сутки, до начала утрени; вероятно, и утреннюю слушал, которой никогда не пропускал, а затем сам служил обедню в соборной церкви и «поучение к народу о вере раскольнической неправой, о святой нашей вере православной говорил довольно». Обрато в Ростов 24 ноября он опять шел пешком целые сутки. Посещение Ярославля на этот раз было, видимо, там неожиданным, потому что архиерею привелось пообедать не в своем доме, а у Спасоярославского архимандрита. Заметно, что он сам чувствовал уже тот «глас Божий», который напоминал о смерти. Благотворения Его бедным увеличились: часто он призывал в крестовую палату слепых, хромых и всяких несчастных нищих, ставил им трапезу, давал одежду и оказывал дела милости; нередко на свои скудные средства выкупал с правеха должников, которых немилосердно били за долги. Религиозная настроенность его сказывается в письмах к друзьям, где он называет себя «архигрешником»⁵⁴⁸. Феологу он пишет: Христос, чаю, забился в чуланчик сердца Феологова и почивает на одре боголюбезных мыслей его, а отец Феолог ему рад, потчует его вином умиления. Попроси Его, чтобы меня посетил, ибо немоществую»⁵⁴⁹. Все живущие около святителя привыкли уже, по его примеру, при ударе часов ограждать себя крестным знамением и читать молитву Богородице. Еще в 1707 году 4 апреля он написал свою духовную грамоту на случай смерти. В 1704 году в письме сообщает о себе: телесно я жив еще, но рад и смерти, как избавительнице зол. «Рада душа в рай, да грехи не пускают, рад писать (Летописец), да здоровье худо»⁵⁵⁰. Часто изнемогаю, – пишет он ему же: «недуги отнимают перо, а писца в постель кидают» ... Очи худо видят, очки мало помогают, рука, пишущая, дрожит и вся телесная храмина близ крушения, ночь долга, а дни коротки и темны.

За 2 дня до кончины он извещает Феолога: «изнемогаю! Ты спрашиваешь о моем здоровье: поистине, извещаю тебя, что изнемогаю. Прежде, бывало, мое здоровье пополам: полуждоровый, полубольной; а ныне болезни одолели, и едва третья доля здоровья остается, однако, как будто, бодрюсь и двигаюсь о Господе моем, у Которого в руках жизнь моя: дела ныне никакого не делаю: до чего ни примусь, все из рук выпадает, дни для меня стали темны, глаза мало видят, ночью свет от свечи мало помогает, больше вредит, когда долго напрягаю зрение, а недуги заставляют лежать, да стонать. В таком крайне болезненном положении не знаю, чего ждать; жизни или смерти: пусть воля Господня в том будет! На смерть не готов, а по повелению Господню должен быть готовым. Силен мой Владыка укрепить мою немощь. Эта осень тяжела для меня. Воздух ростовский очень худой, а вода весьма нездоровая. Прости, любимый, не могу много писать, тем челом быю: грешный Димитрий»⁵⁵¹.

Сначала у него болела рука, но прошла, теперь зрение ослабло и весь изнемог. Нескончаемые труды и заботы истомили его, истощая и организм. «Никто не помогает, – жалуется святитель Феологу, – а лень и болезни влекут лежать». В письмах к московским друзьям видно его горячее желание высказать перед ними все, что было у него душевного. Никого из них не забывает, всем посылает поклоны и выражения благодарности за отзывчивую помощь ему, даже истощается в названии их самыми нежными именами⁵⁵². При упадке сил, когда он сам признавал, что жизненная лампада догорает, у него получила особую остроту мысль о смерти. Он ранее говорил в проповедях о всех примиряющей смерти, которая всех покроет и сравняет⁵⁵³. Не забывал, что «смерть за плечами»⁵⁵⁴. «Конец при дверях, секира при пороге коса смерти над главою». Одна весть о смерти Иоасафа Колдычевского приводит его в страх, что неизвестен час его кончины..., а книжного дела он не закончил, некому после него и приняться за окончание труда. В последние годы он глубоко задумывался над краткостью человеческой жизни в сравнении с мировою. Он уподоблял человека,

приближающегося к смерти, с путешественником, возвращающимся на родину⁵⁵⁵.

Свои Думы о кончине он облек в поэтическую форму:

О, человеце, внимай;

А смертный час всегда не забывай.

Аще же кто о смерти не помнит,

*Того мука не минует*⁵⁵⁶.

Очень желательно истолковать кратко псалтирь, если бы Бог допустил и коса смерти не пресекла. «Что-нибудь во славу Божию должны же мы делать, чтобы час смертный не застал нас в праздности»⁵⁵⁷, – писал он в последний год своей жизни.

В 1709 году у святителя случилось немало знатных посетителей и выдающихся событий. Он должен был пересиливать свою болезнь. Летом Ростов посетили царевна Наталья Алексеевна, Мария Алексеевна и Феодосия Алексеевна. Они присутствовали на освящении церкви преподобного Авраамия в Ростовском Богоявленском монастыре. Вскоре после их прибытия в начале июля пришла весть об победе наших войск над шведами под Полтавой. Блестящее событие могло подавать надежду и духовенству, что по заключении мира будет облегчено его положение, какое создала война. Святитель записал в свой эпистоляр о такой «преславной победе над супостатом». Сам совершил торжественное молебствие по поводу общей радости.

Осенью в сентябре он должен был ехать в вотчину боярина П. И. Мусина-Пушкина на торжество освящения церкви в селе Угодичах и перенесения в ту церковь пожалованной государем Владимирской иконы Божьей Матери вместо подлинной иконы Молченской, считавшейся явленной⁵⁵⁸. По возвращении оттуда привелось устраивать на новом месте в девичьем Ростовском монастыре вновь назначенную игуменью Александру.

В последнем месяце еще раз напомнили его родину; ему привезли от М. Г. Грохольского в подарок книгу. Димитрий, по обыкновению, с благодарностью ответил высылкою ему своего труда, книги, прося когда-нибудь вместо рекреации читать ее.

Между тем, пришло известие, что в Ростов будет царица Прасковья Федоровна проездом на поклонение в Толгском

монастыре чудотворной иконе Божией Матери. Осенняя распутица изменила маршрут царицы. Решено было для нее привезти икону из Толгского монастыря в Ростов, чтобы не утруждать высокую путешественницу дальнею дорогою туда. Святитель Димитрий настолько ослабел уже здоровьем, что не надеялся принять ее. «Вот, идут две гости, – говорил он казначею Филарету, – Царица Небесная и царица земная. Только я уже видеть их не сподоблюсь, а надлежит тебе, казначею, быть готовым принять их!»

Настал день ангела владыки. Он уже сильно кашлял. Однако, сам служил литургию в соборе. Свое поучение на этот день произнести Святитель не мог; за него читал певчий по тетрадке, а сам он сидел у царских врат.

Из церкви он спустился на трапезу, которая была накрыта в крестовой палате, но есть тоже ничего не мог. В тот день были еще дальние посетители: переяславский архимандрит Варлаам, вероятно, – и со спутниками.

27-е октября было последним днем его жизни. Из девичьего монастыря прислала к святителю посыльного монахиня Варсонофия и приглашала пожаловать к себе. Она когда-то состояла кормилицею царевича Алексея Петровича и была постриженицею Димитрия. Кормилицу Василису Ефимовну так уважали при дворе, что на ее пострижение в Александровскую слободу состоялся поход царских особ. Теперь она жила в Ростове. Димитрий чувствовал крайнее свое изнеможение и идти отказался. После вечерни Варсонофия сама пришла и просила посетить ее. Тогда в сопровождении архимандрита Варлаама владыка пошел к ней, но обратно идти сам уже от слабости и кашля не мог. Его поддерживали под руки. Вечером он почувствовал себя лучше. Поручивши гостя из Украины своему казначею Филарету, он пришел в свою келью. Кашель душил его, и он думал ослабить его движением, поэтому стал ходить по келии, поддерживаемый двумя служителями под руки. Потом велел позвать певчих. Певчие по приходе по желанию Владыки начали петь канты: «Иисусе мой прелюбезный»; «надежду мою в Боге полагаю!»; «Ты мой Бог,

Иисусе, Ты моя радость». Сам в это время стоял и грелся, прислонившись к теплой печке сердцем.

Кончилось пение. Вышли певчие. Владыка удержал из них при себе только одного своего любимого Савву Яковлева, который помогал ему всегда в переписке бумаг. Святитель начал рассказывать Яковлеву о себе: о своей юности, как он жил, как всегда прибегал к молитве. По окончании рассказа он молвил: «вот и вы дети, также молитесь!» Помолчав, он прибавил: «пора и тебе, дитя, иди домой!» Певчий подошел к нему на благословение. Проводив его до двери, владыка вдруг низко, чуть не до земли, поклонился ему, благодаря за всегдашние труды и переписку. Певчий вздрогнул и смотрел в недоумении на владыку. «Благодарю тебя, дитя!», – повторил Димитрий. Певчий заплакал, но Димитрий уже затворил за собою дверь кельи⁵⁵⁹.

Утром 28 октября вошедшие в его келью нашли его уже почившим в склоненном молитвенном положении на коленях на полу⁵⁶⁰.

Весть о кончине любимого пастыря поразила всех. Ни по возрасту, ни по виду нельзя было предположить о близости его смерти. Ему не было еще и 60 лет от роду; седина еще почти не тронула его русых волос; быстрые движения, скорая походка, энергичная борьба с раскольниками – ничто не предупреждало ростовцев о потере любимого пастыря. Царица Прасковья Федоровна уже не застала в живых святителя, глубоко ею уважаемого. По прибытии в Ростов она приказала служить панихиду по нем и много плакала. Почившего святителя вынесли из кельи и поставили сначала в церковь всемилостивого Спаса на сенях, близ архиерейских келий, а потом, по желанию царицы, 30 октября перенесли в Ростовский собор, куда в тот день уже была принесена чудотворная Толгская икона Божией Матери. Здесь совершили другую панихиду.

Погребение почившего отложили. Его должен был совершить друг святителя митрополит Стефан Яворский. Такова была воля покойного. Он с Яворским уговорился, что кто из них переживет другого, тот должен совершить погребение своего

умершего друга. Митрополита Стефана ждали в Ростов почти целый месяц.

В это время приказный стольник производил уже опись архиерейскому имуществу, которое по распоряжению Петра I, как всякие пожитки монашествующих, тоже отбиралось в Монастырский Приказ. Денег у святителя осталось всего 6 рублей. Духовную послали в Монастырский Приказ. Прибывший из Москвы митрополит Стефан плакал над телом своего погибшего друга, и в гробу напоминавшем о своей нестяжательности. Его отдели в самое скромное архиерейское одеяние из желтой простой материи; на голове была такая же митра с наклеенными цветными изображениями⁵⁶¹. Под главою святителя покоились его черновые рукописи, как он сам завещал сделать при своей жизни. Около гроба теснились ростовские жители, скорбь которых Стефан выразил в стихах о памяти смертной:

Все вы, Ростова града люди, рыдайте,
Пастыря умершего слова поминайте,
Димитрия владыку и преосвященна,
Митрополита тиха и смиренна!⁵⁶²

Граждане стали было просить его о том, чтобы почивший был погребен в Ростовском соборе наряду с другими служившими до него архиереями, из которых почти все почивали тут. Но Стефан Яворский, ссылаясь на решительную волю почившего, не согласился с ними и велел готовить могилу в Зачатьевском Яковлевском монастыре.

Недовольство ли ростовцев или зимнее время тому причиною или по торопливости Яворского, жившего в Ростове всего два дня, только могилу Димитрия не выложили камнем и не сделали кирпичного свода, как это прямо предписано из Монастырского Приказа. В могиле вместо каменных стен сделали деревянный сруб, вместо свода – накат из толстых бревен, которые могли бы выдержать пол церковный. Погребение происходило в Ростовском соборе в пятницу 25 ноября после литургии. Митрополит Яворский сказал надгробное слово, где повторял: «Свят Димитрий, свят!» После погребения тело почившего святителя при плаче ростовцев

вынесено из Кремля в процессии и перенесено в Зачатьевский монастырь. Потеря любимого пастыря поразила печалью ростовцев; все люди плакали и стонали. Святитель правил ростовскою паствою 7,5 лет, в иночестве был 41 год 3 месяца и 18 дней.

После погребения узнали о духовном завещании святителя Димитрия, которое не могло не поразить всех. В нем сообщалось следующее.

«Я, смиренный архиерей Димитрий митрополит Ростовский и Ярославский, слушая гласа Господа моего во святом Евангелии возвестившего: *»будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий«*; бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома, вечером, или в полночь, или в пение петухов или поутру, чтобы, пришед внезапно, не нашел вас спящими (Лк. XII, 40, Мр. XIII, 35, 36); слыша и боясь такого гласа Господня, будучи часто еще и одержим болезнями, день ото дня изнемогая телом и ожидая во всякое время нечаянного часа смертного, возвещенного Господом, и по силе своей приготавливаясь к исходу всей жизни, рассудил я этою духовною грамотою поставить в известность всякого, кто захотел бы после моей смерти искать моего келейного имения, чтобы не трудиться ему напрасно, и не допрашивать служивших ради Бога мне, чтобы знал он о моем сокровище и богатстве, которого я от юности моей не собирал (говорю это не из тщеславия, но для искателей моего имения).

С той поры как я принял иноческий чин и постригся в Кирилловском монастыре в восемнадцатилетнем возрасте моем и обещал Богу иметь добровольную нищету, – от того времени даже до приближения моего к гробу не стяжал я имения, кроме книг святых, не собирал ни золота, ни серебра, не позволял иметь лишней одежды, ни вещей каких-либо, кроме самых необходимых, а старался соблюсти нестяжание и иноческую нищету духовную и вещественную, не заботясь о себе, но полагаясь на промысел Божий, который никогда меня не оставлял. Какие подаяния я принимал от своих благодетелей и какой был казенный доход по должности, то я истрачивал на мои и монастырские нужды, где был игуменом и

архимандритом. Будучи также и на архиерействе, не собирал я келейного дохода, которого немного и было, но тратил отчасти на свои потребности, отчасти на нужды бедных, как Бог повелел.

Итак, пусть никто не трудится допытываться после моей смерти или искать чего-нибудь, скопленного в келье. Я ничего не оставляю ни на погребение, ни на поминавание, чтобы лучше явить пред Богом мою иноческую нищету. Верую, что Ему приятнее будет, если и одна цата после меня не останется, чем, когда бы много было роздано. И если никто не захочет предать меня, такого нищего, обычному погребению, то умоляю тех, кто о своей смерти помнит, чтобы влекли они мое грешное тело в убогий дом и там бросили его между трупами. А если будет согласие начальствующих похоронить меня по смерти по обычаю, то умоляю христолюбивых погребателей, чтобы похоронили меня в монастыре Святого Иакова епископа Ростовского в углу церкви, где у меня место указано, об этом челом быю.

Кто пожелает помянуть мою грешную душу в своих молитвах ради Бога, тот и сам да помянут будет во Царствии Небесном. Кому надо за поминавание платы, того прошу не поминать меня, нищего, не оставившего ничего на поминавание. Бог же пусть будет всем милостив и мне грешному во веки, аминь.

Таково завещание, вот моя духовная грамота, таково известие о моем имении. Если же кто усомнится в моих словах, начнет старательно искать после меня злата и серебра, то если и много потрудится, – ничего не найдет и судить его будет Бог».

Часть III. Прославление памяти св. Димитрия

Глава I. Нравственное учение св. Димитрия⁵⁶³

Едва ли отыщется у нас в России более популярная и любимая простым народом книга, как сочинения св. Димитрия. Написанное им удивительно отвечает религиозным запросам русского человека и наиболее удовлетворяет его. Для мирских людей есть у него ясное учение о христианской морали в общедоступных проповедях; высший аскетический идеал и достижение его представлено в «Житиях Святых».

В сочинениях Димитрия представлена картина христианской жизни, полная нравственной красоты и благодатной сладости. Мастерской кистью художника он изображает человеческое сердце, полное стремлений худых и добрых, рисует мужество и малодушие, которые служили всегда у писателей предметом вдохновенного творчества, вызывали многих из них на великие поэтические, высокие и комические произведения. Но Димитрия интересует не театральная, калейдоскопическая смена душевных падений, а указание средств духовного обновления человека, как восстановить светлое первоначальное достоинство, чтобы дойти ему до уподобления Высочайшей Красоте и Добру (II, 376).

Как искусный оратор, он достает искру нравственной потребности со дна души слушателя; слушатель сам зажигается желанием борьбы против зла, воспринимая себе сознание долга, верности и святой ревности к добру. При этом нравственная жизнь представлена в тесном неразрывном взаимоотношении с религиозностью.

При описании истории нравственного падения и картины восстания человека у святителя Димитрия предполагается высокое предназначение человека. Учение о сущности и развитии нравственного закона тесно связано с происхождением человека и природою его. Природа человека двойственная. По телу он принадлежит миру, имеет много общего с животными и прочими зверями и воздушными птицами, а, особенно, по ощущениям; по душе же своей носит в себе образ Творца; он может уподобляться Ему. Образ Божий в

душе человека обнаруживается и виден в свойствах ее: как душа – невидимое существо, так и Бог невидим, оно разумна и Творец мира – есть Бог разумов; Бог в трех лицах, и душа имеет три силы: ум, слово и дух; как душа находится во всем теле, так и Бог – повсюду в мире (I, 62, II, 223); душа живая и Бог живет во веки. Душа – разумное существо, плоть оживотворяющее, есть отражение Божества (IV, 27), так что у человека образ Божий состоит в совокупности его душевных сил (IV, 39, 97) и возможности этих сил иметь соединение со своим Творцом (I, 105). У первого человека тяготение к Первообразу своему было естественное, а у воссозданного оно укрепляется посредством борьбы. В стремлении падшего человека к добру более элементов свободы и сознательности, чем у Адама или у ангелов, более и мотивов: грешника побуждает думать о Боге не одно сродство с Ним, но также тяжесть греха, сознание виновности пред Ним, неизбежной гибели из-за греха и представление об идеальном совершенстве Сына Человеческого (IV, 39). Доступная усилиям человека степень совершенства есть подобие Божие. Таким образом, образ Божий лежит в духовной природе человека, а подобие Божие приобретает свободным усилием человека.

Падение человека лежит в свободной воле разумной твари; но повод к преступлению райской заповеди дан извне, – от искушителя (IV, 292, IV, 38). Внес грех в мир падший ангел. Мотивы падения у человека и ангела одинаковы: оба они хотели утвердиться без Бога, но падение их различно. У дьявола сознательное отрицание Бога, а человек – обманут. Падение дьявола глубже: он до конца проникся злом, – никогда и не покается, по своему ожесточению (IV, 15; Четьи-Минеи, 17 янв.); тогда как человек никогда не отрицал власти Творца (I, 56) и склонен к восстанию. Зло нельзя считать одним только уклонением от добра. Добро и зло – два принципа взаимно борющиеся. Зло исключает добро, стремится к ниспровержению его, чтобы стать на его место. В таком виде зло чуждо человеку: у человека нет отрицания добра, а только недостаток его. Трагизм человеческого состояния состоит в том, что обессиленное грехом, оно все-таки имеет двойное тяготение к

Богу (IV, 174): и природное, и нравственное. На этом пути к Нему выбор добра и зла зависит от самовластия человека. Человек сознает, что грех сам по себе есть величайшее зло в поднебесной и большее из всех зол. Всякие бедствия и злострадания, постигающие человека, представляют ничтожную беду в сравнении с грехом: «грех мучит вовеки». Если и прощен он, то согрешившего мучит одна память о нем. Как искра производит пожар, то же опустошение делает и грех в духовном доме добродетелей. Он как бы в саму природу претворяется (IV, 292–293). Все духовные силы слабеют и склоняются ко злу; мы уже не внимаем призывам к добру; падает и интерес духовный, а является плотской (IV, 319). Наказание за грехи бывает только дополнением гнева Божия. Когда человек грешит, то лишается подобия Божия, остается у него один образ Божий (IV, 25). От греха три (главные) последствия: 1) гнев Бога (IV, 20), 2) лишение блага и 3) казнь. Бог гневается, когда мы причиняем досаду Ему, утруждение и бесчестие. Затем, грех мертвит душу человека, лишает ее благодати, самый организм у него от греха ослабляется и обессиливается⁵⁶⁴.

Естественное последствие греха – смерть (IV, 40). Смерть – явление ненормальное. Это видно уже из одного того, что человек ей не радуется, а страшится ее. У смерти нет цели. Она разрушает лучшие создания природы в цветущую пору их жизни. Не могут же быть названы законом природы землетрясения, моры, бури, губящие и жизнь, и создания, и человеческие труды. Смерть разрывает природный союз души и тела: умерший уже не человек (IV, 198). Она, вторгаясь извне, является казнью всему роду человеческому (IV, 205). Адам стал грешником по своей свободной воле, а его потомки по наследству (IV, 329, 331). Природа им уже не подсказывает инстинктивно отвращаться от зла, как Еве в раю. Страсти живут и проявляются даже в детях⁵⁶⁵.

В поврежденную человеческую природу зло воспринимается скорее и легче, чем добро, а при навыках к греху труднее бороться с ним. Грешник становится рабом страсти⁵⁶⁶ и идет уже к гибели. Если бы человек тысячу лет трудился в покаянии о грехе, то и тогда не мог бы

удовлетворить за него высочайшей правде. За один грех Адамов не могли заплатить святые ветхозаветные мужи ни пролитыми своими слезами, ни кровавыми страданиями (IV, 220). Один Сын Божий мог воздать долг Божественному правосудию (IV, 226, (I, 43). Нравственное восстание и оправдание человека Димитрий считает чудом, высшим того, которое свершилось над четырехдневным Лазарем, но оно возможно, потому что в человеке еще сохранился образ Божий. С образа Божия и начинается нравственное развитие и достижение совершенства. Образ Божией проявляется прежде всего в способности обособить себя от мира и даже от своего тела: «я – по внутреннему человеку есть; внешние же – не я; оно только мне принадлежит» («Розыск», 297).

Затем, образ Божий проявляется в способности самовластия, когда человек может свободно ориентироваться в своих действиях. В этом и состоит идея человеческой личности. Она всегда присуща разумному человеку, в каком бы состоянии он не находился.

Восстание есть жизнь по подобию Божью, свободное стремление к нравственному совершенству. Вся ценность человеческой личности в свободе самоопределения, в достижении нравственной цели, поставленной Творцом. Душа тем и блаженна, что может и из «адова подобия в райскую лепоту претвориться» (IV, 415), что ей самой представлен выбор добра (III, 327). – Высшая нравственность – отдать все свои силы Богу (III, 359). По мнению Димитрия, три чина восхождения к совершенству. Первый чин – если человек отстал от греха и не вступают в борьбу с ним – это младенчество (II, 501); такая работа без сердечного влечения есть рабство Богу. Второй чин – это стремление к совершенству ради корысти, по чувству наемника. Третий чин – любовь к Богу.

Основные свойства души: это жизнь, жажда ее, а также стремление к счастью. Высшее счастье – не внешние блага, а сам Бог: «лучше быть во аде с Богом, чем на земле без Бога» (III, 359, I, 171). Уклонение от Бога угнетает человека. Сознание уклонения и есть существо совести.

На помощь восстанию человека является евангельский закон. Он необходим для христианина и выше, как естественного, так и Моисеева. Как у Авраама два сына, один – от жены, другой – от рабы, такое же отношение к Богу христиан и иудеев: иудеи – рабы, христиане – свободные, исполняющие закон духовный. («Розыск», 369). Закон Христов указывает нам истинное отношение к Богу, человеку и к себе. Во Христе человеческая личность достигла высшего своего развития. Проповедь Христова – лишь часть Его дела. Самое важное – Его жертва за нас. Наше зло возложило Его на ложе крестное. Он болеет нашими ранами (V, 32); мы посеяли грех, Он – пожинает болезни (V, 41, V, 57). И учением, и искуплением Христос примирил нас с Богом, загладил, как первородные, так и произвольные наши грехи. Он, как солнце, прогнал тьму греховную (I, 187) и основал благодатное царство – Свою Церковь. Сотворивши жену Адамову из ребра, теперь из ребра Своего зиждет Церковь, кровью искупленную нашу Матерь, порождающую нас (I, 192). Христос постоянно с нами: верою зрим его повсюду. И посреди всех людей и особо с каждым по Пс. 15 8 (II, 150). Дал нам руководителя – Святого Духа (II, 128), Который изливается на нас, как сообщался Он апостолам. Церковь, как древо, напоена благодатными дарами и процвела, как листьями, праведными девственниками, мучениками, исповедниками, преподобными и пустынниками (II, 177, 175).

Под именем благодати у Димитрия разумеется особенная сила Божия. Для души она – то же, что сама душа – для тела: душа без благодати мертва (II, 416); благодать оживляет душу, сообщая ей и свое действие, и свое свойство (II, 178). И грешник, и стоящий на пути спасения, одинаково нуждаются в ней: первому она помогает восстать (II, 236), второму содействует и сопутствует в деле спасения. Она – как огонь святой и как облак прохладный.

Димитрий делит моменты благодати Божией. «Предваряющая» благодать ведет на путь спасения, приводит к успеху (II, 238). Она приходит, как ветер, в пещеру земную, в сердце человеческое, потрясает его и побуждает его к покаянию (II, 230). «Сопутствующая» благодать внушает в скорбях терпеть

и благодарить Бога (II, 230) и этим приводит покаявшегося грешника в умиление. «Последствующая» – укрепляет нашу волю на добро и поддерживает память, как о Творце, так и о нашем несовершенстве. «Утверждающая» благодать помогает против похоти плоти, чтобы пребывать на службе Богу (II, 235, 236).

Благодать в деле спасения – необходимый фактор. «Как на море корабль, если у него и все приготовлено к плаванию, но ветра нет, не может плыть, так и нам, текущим через море мира сего к вечности, необходимо веяние Духа» ... (II, 238). Без благодати человек бессилен спастись; приходит в ожесточение и не заботится уже о своей душе (IV, 384). Впрочем, она не насилует волю человека, коснеющего в грехах. Благодатный свет начинает сиять в сердце его только тогда, когда сам человек придет в себя и начнет раскаиваться в грехах (II, 347).

Таким образом, кроме благодати необходимо участие человека.

Характер христианской нравственности – это свобода, именно: раскаяние и решимость на добро. Не мудрость Божия, не милосердие, не всемогущество воскрешает мертвую душу грешника, а воля самого человека. Пока человек находится в полной удовлетворенности, он на пути к гибели. Как пьяница не сознает, когда его бьют и не помнит этого, так и невнимательный, ожесточенный грешник, как камень, не чувствует гибели души своей. Он уязвлен, а в совести своей не ощущает (II, 556, 557).

Первыми условиями спасения являются покаяние и вера. Покаяние обнаруживает остаток первобытного совершенства – смутное воспоминание наслаждений – быть с Богом и сознание, что есть еще в нас источник счастья. Раскаяние охватывает все существо человека. Давид в сознании своего греха посыпает пеплом свою главу (II, 25) без оправданий и извинений, кающийся, видит одну свою вину: «умерла моя душа, лежит, как в гробе, в злом обычае, камнем ожесточения привалена» (II, 96, 97). Такая скорбь и есть условие возрождения. Это возвращение распутного сына к отцу, а не рассчитанное обращение фарисея; «такой кающийся сподобится милосердия

Божия, если бы и весьма был недостоин» (II, 85). Слезы покаяния угашают пламень геенны. Покаяние – это воскресение души, часто повторяемое (II, 132). Оно сопровождается исправлением всей жизни (II, 544, 548). При покаянии благодатная сила Божественного всепрощения охватывает всю душу и обновляет ее. Без стремления к такому счастью, без погружения души в Божество, нет смысла и жить.

Содержание веры различно и может быть противоположно. Прежде всего, когда человек познает нужду в Божественной помощи, то увидит свою беспомощность перед Божественной жизнью, готовой на него излиться. Вторичные чувствования уже не одинаковы: с одной стороны, может возникнуть страх, смирение или чувство греха, а с другой стороны – чувство милования, снисхождения благодати, готовой излиться на нас. Тут человек может удариться в сетование о своей немощи и, забыв милосердие Божие, погрузиться в одно созерцание (пиетизм): такая вера бесплодна и вредна, как мечтательная. Но когда человек озаряется откровением, ощущает в себе благодать всепрощения – это уже деятельная вера. Она переходит в устойчивое настроение деятельного благочестия. Вместе с покаянием она обуславливает наше спасение. Кается Саул, долгую произносит покаянную молитву перед Самуилом, но не удостоивается прощения, а одно уничижение. Давид же только два слова сказал, и Господь отъемлет согрешение его. «Не удивляйся, Саул: покаяние твое Богу неприятно, молитва им отвержена за то, что не показал ты труда и подвигов» (II, 343, 344). Иоанн Предтеча тоже требует, чтобы тяжесть греха была заглажена удовлетворительными трудами, как и у дерева должны быть «удовлетворения плоды». Покаяние узнается не от корня намерений, не от листьев исповедания, но от самых плодов удовлетворения. Кто умножает одно покаяние, умножает лишь корни (II, 344, 345).

Благодать приносит и образец святости – Христа. На мысли о подражании Христу Димитрий любил останавливаться. Ни другой какой путь к вечной славе и чести, как только многие страдания, так, как и Самому Начальнику жизни надо было пострадать (II, 114). Подражание Христу надо полное, а не

частичное: «кто соблюдает одну Господню заповедь, а другую претупает, тот не совершен; кто постится, а гневается, тот не настоящий постник; подает милостыню, а чужое грабит, тот не совершенный милостивец; кто говорит хорошо, а мыслит злое, тот не совершен; коротко скажу: всякий христианин, у которого в исполнении заповедей чего-нибудь недостает, тот не может называться совершенным (II, 502, 503). Совершенство человеку приходит не вдруг, а постепенно (II, 502, II, 44). Подражатель Христов постепенно воплощает в себе образ Христовой жизни. Целью подражания должно быть столь тесное единение с Богом, как тесно соединился Сам Бог с плотью человеческою в воплощении Своем (II, 134). Христос никогда ее не оставит; так человек даже в помысле не должен расставаться с Богом.

Кроме веры есть еще другой путь познания Бога и спасения. Это – любовь. Любовь выше веры. «Оба способа, вера и любовь хороши», говорит Димитрий, – «но вера – способ совершенный и несовершенный, а любовь – всецело совершенный». И бесы веруют и трепещут, а, по-прежнему, остаются отверженными. Современники Христа видели чудеса Его, не могли отвергать очевидности их, но не спаслись, так как у них не было любви к Нему (II, 285), как побуждения к нравственной жизни.

Любовь дает познание о Боге, – она внушает нам и о том, «каков Он!» (II, 214). Если, например, усвоить одно то, что сделал для нас Христос, воплотивши в себе любовь, на этом возглавии вполне можно стремиться к богоуподоблению (IV, 550). Крестные страдания Спасителя – это стрелы, пущенные с Голгофского креста в сердце человеческое Ловцом душ (II, 434, 428, III, 304). Воистину, любовь – правильный способ познания, тесно соединяющий нас с Богом: так и кожа не переносит отлучения от плоти (II, 18). Если любишь Бога, то никогда не помыслишь прогневать Его (Соч. III, 72). Если знаешь благодеяния Бога, то чувство благодарности к Нему не допустят оскорбить Его. Не погрешит тот, кто назовет любовь огнем: светит во мраке, греет, сожигает беззакония; «тает сердце человеческое от теплоты любви» (II, 322). У святителя Димитрия целые гимны любви, предохраняющей от грехов (II,

329) и измен Господу (II, 321). Любовь и благодарность являются чистыми мотивами к исполнению нравственного закона. Вид креста и Господних язв – надежное средство удержаться от нравственных падений.

Средством исправления служит еще страх смерти. «Представляй гроб, пред очами твоими могилу твою... и тако победишь Фогора (бога похоти). Если бы кто по делам своим дьяволу был подобен, и тот от памяти смертной еще может исправиться (II, 184). Никто не может остановить смерть, ни силою, ни искусством; поэтому одна память о ней способна отучить нас от почестей и удовольствий (IV, 201). Она направляет человека к доброй жизни, что дорого при смерти, с чем не страшно и умереть.

Одно из важных средств обновления – это самопознание, о котором святитель говорит неоднократно своих сочинениях. В одной проповеди у него рассказывается, как он мысленно отправился из Европы в Азию и из этих нынешних лет в мимошедшие, древнейшие. Дойдя до Греции, он встречает философа Солона; «тот философ, пришедши в свою эллинскую каплицу, пишет на дверях большими буквами, а я, говорит проповедник, стоял издали сзади и читал написанное: «знай себя самого» (II, 59–60). Многолюдно то место, множество народа каждый день приходит. Всякий читает слова эти, рассуждает и соображает, какая сила в тех словах, чему эти слова учат?» По толкованию мудреца Платона, – «познать себя» значило открыть, что я за зверь? А с христианской точки зрения – значит рассудить, кто ты откуда и куда идешь? (II, 61). Познание себя приводит к заключению, что я существо тленное, подверженное болезням и смерти, «от персти земной создан, от похоти плотской зачат, от болезней матерних рожден, от нечестного места произошел, в гроб иду, в гробе – истление».

Познание себя обуздывает всякого: «откуда в людях гордыня, если не от того, что никто не хочет знать своего ничтожества? (IV, 385) Кроме того, оно приводит к познанию Бога: «познание себя и познание Бога содружны» (IV, 385).

Самопознание порождает истинное уважение к себе и смирение. Смирение – первая ступень добродетели, «всему

основание», а другие добродетели – как постройки на основании (III, 133, 489). Смирение – основа и возрождения, и добродетели. Оно восстанавливает человека после самых глубоких падений (III, 133, II, 331), внушая ему сознание своего бессилия восстать без помощи благодати (III, 133).

Пороками, противоположными смирению, являются гордость и осуждение, «как пес лает не только на злых, но и на добрых, не причинивших ему никакого вреда, так часто и гордые осуждают» без разбора всех. Осуждающий другого «есть на самом деле – антихрист»: он похитил сан Христов⁵⁶⁷.

Говоря чистоте души, святитель особенно настаивает на необходимости чистоты и тела. Похоть блудная мешает человеку видеть Бога, людей и себя. Человек тогда небрежет о гневе Божьем, не стыдится людей, как бы, не видя их, хотя бы и знал, что они смеются над ним; не сознает, чего он лишается. Особенно вредит его силам похоть блудная: от нее память изнемогает, разум омрачается, теряется свобода (IV, 402, 409); она оскорбляет Бога, так как тела наши – уды Христовы.

Для борьбы с похотью необходимо развить и укрепить в себе целомудрие, воздержание и милосердие. Человек, телом чистый, а душой оскверненный, подобен гнилому яблоку, которое только снаружи красиво. Дух Святой, как пчела, не входит туда, где не чисто (III, 128, 129). Целомудрие одинаково доступно как безбрачным, так и находящимся в супружестве (III, 127). Велик грех любодеяния, но еще тяжелее прелюбодеяние. Если в Ветхом Завете не положено прелюбодею помилования, не очистительной жертвы (прелюбодеи побивались камнями), тем более в Новом Завете. Положено им покаяние, но сподобляются милости прощения не по своим подвигам (IV, 499 – 501).

Выше супружества безбрачие, как солнце выше Луны (III, 127); повторяя Исидора Пелусиота, Димитрий, учит что девство можно уподобить солнцу, вдовство – луне и честное супружество – звездам. По выводу святителя, в начале истории человеческого рода не добро было человеку одному, а ныне, по Евангелию, добро человеку не жениться (IV, 32: изд. 1901 г.).

Девственностью называется у святителя стремление принадлежать одному Богу навсегда (I, 230)⁵⁶⁸.

При увлечении святителя аскетической жизнью, взгляд на мир и жизнь в нем должен был принять ригористический оттенок. Хотя в одном месте у святителя и говорится, что мужчина и женщина равны по происхождению и по природе (Соч. II, 270), но он любит высказаться о большей удобоприемлемости женщины ко греху. Древнерусский взгляд в этом отношении лег в основу воззрений его женщину. В проповедях и Летописце с увлечением повторяется IV глава 2 Ездры, где чары женщины представляются сильнее всего в мире и губительными даже для царей. Святитель, как опытный психолог, дает совет иноку не вести с женщиной даже благочестивых разговоров, потому что спустя мало времени, в отсутствии ее, женский образ возникает в уме собеседника и может преследовать его. Быть может, виду этого он в грамоте иеромонахам предписывал – людей мирского чина на исповедь не принимать никого; не иначе, как из увлечения иночеством, он перефразировал односторонне текст писаний⁵⁶⁹.

По-видимому, говорит святитель Евино происхождение (из ребра Адамова) честнее, чем Адамово (из земли), но это еще более ее обязывает покоряться мужу (Летопись, 240). Не хочет признать он разум женщины равным разуму мужчины: «Не тот муж велик, который, будучи благороден, имеет женские разум и сердце, но тот, который благоразумен и добродетелен, хотя бы и из простого рода (Летопись). Нередко у святителя говорится о женской злобе (IV, 539). «Какая там в женах истина обретается, разве самая ложь?» Кто так искусен лгать, как жены? (III, 101). Упоминает о разрисовывании женщинами лица (IV, 440). «Лице разрисованное в здешней жизни на прельщение других, тогда (в будущей жизни) будет очернено смолою и горячим пеклом; где на лице были какие-нибудь черные малые пластыри, называемые мушки, на тех местах после сядут страшные жабы, нестерпимо, непрестанно грызущие»⁵⁷⁰. Отмечал святитель и склонность женского пола к хитрости: удобнее ныне найти правду между женами, чем в дворянах. Причину падения апостола Петра он склонен объяснять тем, что он завел речь во

дворе у Каиафы с женщиной. «Петр святой не стал столпом огненным, когда с женою начал беседовать, а от бесед женских кто не угаснет?» (III, 84).

Поэтому речь о девстве у него совместна с учением об иноческих обетах. «Богу приятны бессупружные» (III, 322) Иноки обручили душу свою Господу и ничего уже не желают на земле. Нет ничего удивительного жить по плоти: так не только христиане, но живут и язычники, и звери, и скоты, а жить для Бога – преславное дело. Образцом плотского воздержания святителя ставил библейского Ламеха: дает ему и прозвище «двоеженец» (IV, 116) и этим отличает от другого библейского Ламеха: «Ламех, – не тот – двоеженец, но Симова племени» (IV, 203).

На вопрос, – «хорошо ли жить в супружестве?», – святитель отвечает: «Нет, оно только порабощает, связывает по рукам и ногам. Оно хуже всяких мучений. Не родятся дети – для супругов – печаль; родятся – двойная забота. Добрые ли они будут – беспокойство». Инока же ничто не беспокоит. У мирского человека, старающегося угодить Богу, «образ Божий подобен Богу», а у инока, живущего в трудах и в плотском воздержании, «образ Божий гораздо подробнее Богу, чем у мирянина» (III, 281).

О значении иноческого звания святитель высказывает высокое мнение. Как виноград растет на сухом стволе, так и мир зиждется на иночестве. «Отыми от христианского мира иноческий чин, как от винограда сухой и неплодный ствол, что от мира останется – сам не судите!» Два рода иноческой жизни – деятельное и созерцательное. «Но самое полезное из них – богомысленное житие» (IV, 571) нежели трудолюбное.

Девство поддерживается воздержанием от пищи (пост) и «злых дел» (покаяние). Пост соблюдался в Ветхом и Новом Заветах. Он содействует и душевному спасению, и телесному здравью (II, 38).

Любовь к Богу и ближнему – две стороны одной христианской добродетели, как бы два крыла. Говоря о любви к ближним, святитель Димитрий останавливается на любви к врагам⁵⁷¹.

Любовь к врагу – исключительно христианская добродетель, потому что она – выше человеческой природы. Природа подсказывает гнев и месть врагу, а мы, по Евангелию, делаем ему добро; иногда, кажется, лучше умереть, чем обиду от кого-нибудь терпеть (II, 457). Победа над таким чувством есть высший христианский подвиг. «Кто любит врага, тот чудотворец» (II, 456). Милосердие ко всем святитель считает обязательным для всех: «если ты и убог, но не будь скуп, подай немного» (I, 224).

Необходимую побудительную причину добродетельной жизни Димитрий считает страх перед Богом (IV, 45, 234); страх Божий – это путеводитель к спасению, начало любви и спасения (IV, 235). У кого нет страха Божия, тот и убийство считает храбростью, хищение – барышами, прелюбодеяние – за естественную нужду, коварство идет у него за мудрость и всякий грех оправдывается обычаем. Кто Бога не боится, тот не думает о своей гибели и о будущей жизни (IV, 428 – 430). Напротив, страх Божий – бразды и узды, удерживающие на пути беззаконий (IV, 235), побуждающие к высшим самоотверженным подвигам – все приносить в жертву Богу.

Верующий боится, чтобы не прогневать Его, не лишиться Отца. Радость доставляет человеку и любить Бога, и бояться Его. Первая ступень страха, когда угождаем из рабской боязни муки, как раб Бога, вторая – боязнь не лишиться награды, ради пользы, третья – сыновний страх (IV, 453).

И обращаться к нему следует, как к Отцу, с мольбою. В молитве человек неуклонно взирает на Бога со страхом и упованием (I, 110), всем существом порывается к Нему. Молитва тесно соединяет нас с Создателем и дает радость (I, 105). Господь взошел на высоту небесную, чтобы оттуда лучами благодати растопить лед замерзших душ наших, согреть сердца и сделать их землею плодоносною (II, 96). Молитва – это ключ к сокровищницам Божиим. Уготованные нам свои дары Господь дает по молитве, чтобы имел большую сладость: так отец с намерением бросает деньги на землю пред дитятею, а не в руки дает; сын находит их и веселится удаче.

Самое важное для молитвы – это чистота сердца и совести (IV, 149). Она – удел опытных подвижников. Только долгим временем и большим трудом после подавления похотей, процветает и возрастает настоящий разум (I, 214).

В стране обрядности очень важно учение святителя о внешней молитве. Если бы и всею гортанью воспевали ему, но, когда ум не участвует в молитве, не принесет такая молитва пользы (I, 108). Молитва без внимания – кадила без огня и фимиама, светильник без елеса, тело без души (IV, 147). Но и наружные механические телесные движения при молитве он считает неизбежными, вследствие немощи и поврежденности человеческого духа, как костыли и посох нужны для больных ногами. Как исцелившиеся от болезни ног, бросают костыли, так преуспевший отвергает всю внешность. Молитва полезнее краткая, но частая, чем продолжительная и редкая (I, 151). Такой же взгляд высказывает и на церковную молитву. «Ленивого и колокол не поднимет», – говаривал он (III, 376). Многие не знают, что молиться можно и не церковными молитвами, а беседовать с Богом сердцем и тайно (I, 143). Авраам и все праотцы чем спаслись? Тогда и храмов еще не было (III, 187).

Молитва церковная, однако, необходима, как дань, приносимая от всех Царю царей (I, 104), но она требует еще большего внимания, чем домашняя. О силе молитвы святитель убежден: «нет такой вещи, о которой бы невозможно упросить Бога. Не так ли и сын все может выпросить у отца своего, если просимое ему полезно и надобно» (II, 202).

Христианская жизнь возможна в церкви: там есть благодатные средства жизни – таинства, там есть руководители – пастыри. (Розыск 120; III, 374; II, 384). Таинства христианину необходимы, как для тела необходима душа; душа, без оживляющей ее благодати – мертва (II, 418). Тогда человек бывает «не как блато, но как злато»; такой человек уже не перстный, а небесный; не бренный, но нетлением вечным одаренный⁵⁷².

Таковы условия и средства нравственному возрождению. Победа над своими безнравственными влечениями, господство

над ними – лучшая из побед, одерживаемая храбрыми витязями (III, 163). Это подвиг, большой мученического, хотя и бескровный. Им побеждается грех и восстанавливается образ и подобие Божие в человеке. Победа над грехом состоит в том, что помыслы о нем уже не овладевают душой, они не соединяются с волею и уже не вменяемы. Они возникают в душе, но не вредят ей, подобно тому, как не могли склонить на падение старцы целомудренную Сусанну⁵⁷³. Смерть уже не страшна, а является переходом из бедственной сей жизни в лучшее состояние. Образ и подобие восстанавливается в господстве человека над грехами, которые, как паутина, раздуваемая сильным ветром, побеждаются воспринимаемой благодатью Христовою. Имея в сохранившемся образе Божиим способность к «богоуподоблению» в форме слабого стремления к высшему Добру, христианин по душе встает в тесное общение с Богом, становится «невестой, вечно сопряженной Богу» («Розыск», 293).

С религиозной точки зрения нравственность представляется уже не в виде простой человеческой справедливости, а возвышается до прощения обид и любви к врагам, каковые явления у грешного человека святитель Димитрий называет чудом. Благодаря религиозной постановке, нравственный закон у него получает строгое единство.

Все добродетели он сравнивает с гусями. Если в них не настроена одна лишь струна, она портит игру; так и в заповедях: не исполнена одна из них, тогда и все исполненные вменяются ни во что («Руно Орошенное» 50). Даже если говорить об одной добродетели, например, «о кротости, то отзовется мало и смирение с незлобием, подобно тому, как если удалить одну струну у гуслей, то и другие тихо издадут звук» (III, 396). Нравственная жизнь есть не что иное, как служение человека Богу (II, 235, 236), служение совершенно свободное, ставящее его выше ангелов и уподобляющее Ему. Святитель задается вопросом: из двух разумных созданий кого можно назвать более подобным Богу, – ангела или человека? «Знаю, что назовете ангела бесплотного и всегда Богу предстоящего! Но вникая в Божественное писание, нужно признать гораздо

ближе к Богу душу человеческую. Об ангелах не написано, что Бог сотворил по образу своему и по подобию, а читаем это только об одной душе человеческой». «Имеют они память и разум и волю, но не одинаково. Если ангел и имеет волю, но не самовластную»: не другое что творит ангел, как только волю Божию. У человека же есть «вольная воля», какая присуща и Богу (III, 359). Человек, поэтому, более подобен Богу, чем ангел (II, 223; III, 327). Так святитель Димитрий высоко ставит человеческую нравственность: свободно-нравственную деятельностью человек приближается к Богу и делается совершенным. Тогда как ангелы подобны Богу по природному тяготению, как и Адам до падения, христианин может иметь более ценное подобие – свободно-нравственное.

Нравственные воззрения Димитрия напоминают взгляды святых отцов Церкви. Учение о благодати изложено так же, как и у блаженного Августина. Молитвенным сокрушением и памятью о смерти напоминает Ефрема Сирина. Сравнение заповедей Божиих с гусями и мысль, заключающаяся в этом сравнении, напоминает приемы Григория Нисского⁵⁷⁴. Перечень христианских добродетелей (I, 8; V, 23–24) взят им из «Православного Исповедания Церкви Восточной» (III ч., 4, 5 и 10 отв.). В «Подражание Христу» он не расходится с Фомой Кемпийским.

Благодаря таким пособиям, ему не надо было надобности делать сухой анализ психической жизни в духе византийских подвижников, а предоставлялась возможность картинного изображения царства греха и красоты благодатной жизни по Христу. За непрерывные увещания к восстанию святителя Димитрия называют проповедником покаяния⁵⁷⁵.

Глава II. «Жития святых»

Четьи-Минеи Святителя Димитрия представляют ряд сказаний о христианских подвижниках, о том, как они стремились к выполнению высоких евангельских советов. *Истинная жизнь*, по взгляду всех подвижников, есть вечная; земная же временная жизнь – это не жизнь, а смерть. Зде́шняя жизнь представляется у них узами, темницею, дни ее проходящими, как тень, ее радости, не имеющими цены; она дает только возможность подготовиться к вечности; сделаться совершенными и получить вечные блага по окончании ее.

Мир опасен для подвижника, потому что попечение о нем отдаляет его от Бога. Недолго впасть в «многоплетенные мирские сети» и лишиться этим себя небесных радостей⁵⁷⁶. Привязанность к миру должна быть чужда монаху, «если человек не отвергнется всего сущего в мире, не может быть монахом»⁵⁷⁷. Обычны рассказы в Четьи-Минеи о презрении к миру. Так преподобный Евмений все земные радости «вмени уметы быти, всего отвергся, все оставил, чтобы следовать за Христом, Его найти и приобрести; имения, как ризу, снял с себя, нищих приодел, а сам, оставивши всякое земное пристрастие, пошел тесным путем нищеты..., ведущим к небесному царствию»⁵⁷⁸. Другой подвижник делает то же, чтобы быть подражателем Христовой нищеты⁵⁷⁹. Все вообще боятся золота, как какого-нибудь огня⁵⁸⁰. Не принимали его даже в благодарность за исцеления. Преподобный Агапит вынес данное ему купцом золото из кельи, бросил вслед его и скрылся⁵⁸¹.

Еще больше, чем земного богатства, иноки избегали *почестей*. Варлаам Печерский снял боярскую одежду, отказался от службы при князе, от семейной жизни, и все это ради иноческого чина⁵⁸². Когда некоторые иноки выражали удивление блеску и роскоши в мире, опытные подвижники вразумляли их: «Что удивляешься о том? Разве гордость и слава царя делает его более других праведным? Разве он не умирает, как один из нищих? Разве не предстанет Праведному Судии?»⁵⁸³. «Мирские попечения мешают нам светлыми очами взирать на будущее, да

и блаженства Евангельские обещаны не богатым, в веселии и всяком благодушии живущим, но нищим, плачущим, алчущим, жаждущим... Если в этом веке проживем пространно в сластях, то постигнет нас скорбь»⁵⁸⁴. Преподобный Макарий рассуждал так: «смотри, не спадь с небес, где ангелы, архангелы, серафимы и Творец их Бог; там буди и не сходи в поднебесную». В таком высоком созерцательном настроении Макарий пробыл два дня и две ночи, забывши о сне и пище⁵⁸⁵.

Избравши иноческую стезю, человек порывал и *родственные отношения*. Нежнейшие человеческие связи: супружеские, сыновние, братские безжалостно нарушались иноком. В Четьи-Минейх много рассказов о том, как родственники инока не соглашались отпустить его из дома. Матери упрашивали своих детей вернуться из пустыни домой⁵⁸⁶, иногда жестоко наказывали, чтобы удержать их от увлечения иночеством⁵⁸⁷. Но этим только разжигали желание пустынночества и укрепляли убеждение: *«уже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин»*⁵⁸⁸. Так, преподобный Лука Елладский, укоряемый родителями за милосердие к бедным, разжигаемый пламенем Божественной любви, оставил родных, дом с многомятежным миром и удалился в монастырь⁵⁸⁹. Преподобный Варлаам оставил даже жену, родителей⁵⁹⁰. Многие юноши отказывались от невест и уходили искать страданий и подвигов⁵⁹¹. Ушедши в пустыню, подвижники прекращали всякие связи с домом. В Четьях-Минейх у Димитрия трогательно рассказана история, как преподобный Пимен с братьями убежали от пришедшей к ним матери, затворили келью и не отворяли ее, несмотря на жалобные просьбы ее. Горесть матери перешла в «добрую надежду», когда она увидела, наконец, сына, который спросил ее: где она хотела бы видеть своих сыновей, – здесь или в Царствии Небесном?⁵⁹² Не пожелал видеть матери и Симеон Столпник⁵⁹³.

Но в случае нужды иноки оказывали нежную любовь к родным. Преподобный Алипий склонил свою мать принять пострижение⁵⁹⁴. Преподобный Антоний Великий устраивает свою сестру, чтобы предохранить ее от дурного влияния.

Значит, не всегда и подвижники оказывали презрению свое семейным отношениям. «Я бегаю, как от змия тех, которые мне от Божия пути велят отступить», говорит преподобный Савва Освященный⁵⁹⁵. Сохранились рассказы, как одни воспоминания о жене, о родителях смущали иноков: то они видели их плачущими, иногда пирующими. Не искали иноки утешений родственных, потому что «ни матерние слезы, ни любовь отца, ни жена не могут умолить Страшного Судию»⁵⁹⁶.

Избирая такие «Четы» для русских иноков в поучение и образец им, сам святитель Димитрий любил и почитал родителей. О своей матери он оставил воспоминания самые теплые⁵⁹⁷. Доказательством его сыновнего уважения к своему отцу служит проповедь, сказанная и в присутствии Саввы Тупталы, в которой он пред всеми говорит об обязанности сына почитать отца своего.

Порывая все внешние связи плотские, подвижник должен умерщвлять и свою *плоть*. Цель инока – достигнуть живого союза с Богом, а от этого отторгают нас плотские страсти и похоти. С ними необходимо бороться.

Все такие резкости в изображении подвижника стушевываются и получают иное освещение у Димитрия, когда он касается внутренней жизни и, особенно, когда углубляется в нее.

Немного таких житийных повествований, когда подвижником является человек, прошедший молодость в грехе и удовольствиях, как, например, о Марии Египетской⁵⁹⁸, Петре мытаре, Моисее Мурине⁵⁹⁹. Такие рассказы – не частые исключения.

Типичным иноком представляется человек самоохотно посвятивший себя Богу с *младых* ногтей.

О многих святых говорится, что они желали взять на себя легкий крест Христов (29 октября), что Господь избрал их «от чрева матери» своей, как, например, Сергей Радонежский⁶⁰⁰, Даниил Столпник⁶⁰¹. Рождению подвижника предшествуют предзнаменования, которые predisполагают читателя ко вниманию Четей. Иногда славное будущее духовного подвижника предсказывается родителям, как, например, при

рождении Макария Египетского, что он будет жить по ангельски и многих приведет к Богу⁶⁰². Сами родители благочестием привлекают благодать Божию на будущего инокa. Родители Симеона Столпника «украшали жизнь свою пощением, молитвами, воздержанием, стараясь угодить Богу, а мать обещала будущего сына на служение Богу»⁶⁰³.

Такое же сказание и о родителях Даниила Столпника, а также о Ксенофонте и Марии, имевшим двух сыновей иноков⁶⁰⁴. Ясно, что Господь запечатлевает подвижников своим избранием. Хотя избрание основывается на предвидении дел, слов, мыслей, – всей жизни будущего Божия угодника, но все эти дела, слова и мысли в нашей власти: мы во всякое время можем сделать так, что они станут или на пользу себе и ближним, или во вред. Господь predetermined то только, что от Него только зависит, именно, воздаяние за дела: муку злым и награду праведным. Утрата вечного спасения, как и болезни, зависят от того, как будем хранить здоровье своей души.

Воспитание многих подвижников благоприятствовало для будущего их поприща. О родителях многих святых говорится, что они «от самых пеленок добре наставляли на добро»; научали знать Бога и страху Божию. У самих иноков еще в детском возрасте обнаруживались склонности к уединению, к пощению, а иные, еще будучи младенцами, в среду и пяток отвращались от сосцов матери. В них отмечается любовь к чтению Святого писания, например, у преподобного Макария Желтоводского⁶⁰⁵, преподобного Антония⁶⁰⁶. Дом их не удовлетворял. Они искали учителей в отдаленных обителях. Словом, еще в юности у подвижников проявлялось иноческое настроение и неудержимое влечение к совершенству. Такое настроение разрешалось видениями, то голоса свыше, то церковное чтение Евангельских слов потрясало их душу и совершало переворот в ней. Они раздают имение и избирают себе род труда и наставника. Одни бежали от семейных нестроений к иноческому покою, другие – воодушевлялись слухами о дивных подвижниках и шли к ним. На удивление миру и назидание грешникам, представляя собою редкий образец жизни, они бросали греховную жизнь и шли в монахи.

Несмотря на разнообразие поводов, мотивов и причин, св. Димитрий в такой жизни усматривает, кроме сознания самого человека о гибели от греха, *благодать* Божию, ведущую человека ко спасению. Подвижники при благодатной помощи проявляют удивительную *твердость характера*. Пр. Симеон приковал себя к скале. Один архиепископ вразумил его, что у человека есть воля, – овладеть собой без посредства оков и железа. Пр. Симеон, по такому совету, соорудил столп и стоял наверху много лет, подвергая себя зною, холоду, бурям и болезням⁶⁰⁷.

Благодать Божья проявлялась в благодушном терпении инока. Преподобный Авраам⁶⁰⁸, отказавшись от женитьбы, ушел из дому, нашел храмину и поселился в ней с веселым сердцем, потому что воссиял ему свет благодати Божией, как высшее утешение. Святитель Димитрий любил говорить о благодатной теплоте в сердце, наполняющей все радостью, когда сердце у человека тает как воск, и часто касается этой радости в «Житиях Святых».

Бог и грешников, когда они раскаиваются, удостоивает своей благодати, а тем более праведников. Преподобному Онуфрию явился Христос, поднял его, когда тот поклонился, и сказал, что Ему приятны его подвиги и за это все будет исполнять, о чем бы он ни просил Отца Небесного⁶⁰⁹.

Большая часть подвижников жила в монашеском звании. Те, которых коснулась благодать избрания, стремились к иночеству с юных лет, выражая *нетерпение постричься*. «Не могу терпеть и года», твердил юноша, которого уговаривали обождать пострижением. Такие люди и в молодости проявляли аскетизм, отрекаясь от радостей и удовольствий.

В житиях святых отмечается важное значение монашества. По пострижении человек «отрождается и делается чистым, как бы рожденный матерью и принявший святое крещение. Он получает венец светлой славы и сияние окрест лица, зримое для сподобившихся этого». При пострижении присутствуют ангелы. Постриженнику приписывается «ангельский образ». Ему дается много, но строго с него и взыщется в день Страшного Суда. Поэтому, даже князья и цари уважали аскетов,

оставивших всякие попечения, чтобы в безмолвии работать для Царства Небесного⁶¹⁰; и сами принимают иночество, чтобы работать Царю царей⁶¹¹. Господь окружает их ангелами и помощью. Их ожидают дары прозорливости, исцелений и молитвенного дерзновения к Богу. Они еще при жизни предвкушают небесные блага⁶¹². Много потрудился царь Константин для святой веры, но он получил царские утехи на земле, иноки же презрели их и терпели всякие скорби и лишения, не имея отрады здешней жизни; заслуга их не менее, чем царственных поборников веры.

У иноков три главных обета: 1) нищета, 2) целомудрие и 3) послушание.

Инок – *нестяжателен*. У него ничего нет своего. Он отказался навсегда от приобретений, потому что стяжания губительны для него. Чтобы не желать их, он удаляется в пустыню. В житии преподобного Феодора Печерского⁶¹³ и святого Андрея⁶¹⁴ говорится, что сребролюбие – корень зла. Чрез стяжания приражаются к человеку искушения и страдания. При мысли о приобретении земных благ инок расслабляется, у него возникает желание оставить и монастырь, возникает мысль, что можно и в мире спастись⁶¹⁵. Любостяжательный и Бога забывает, и промысл Его, и смертный час, когда ничего не понадобится, любостяжание вселяет ропот на судьбу и вражду между ближними. «Монах, если не отвергнется всего в мире, не может быть монахом»⁶¹⁶. «Владеющий имением – уже не монах»⁶¹⁷ по существу. В келии ничего не должно быть, кроме необходимого: иконы, одежды, рогожи и сосуда с водой. Преподобный Кирилл установил ничего не называть своим, но общим, серебро даже не именовалось между иноками. Преподобный Ефрем Сирийский «нестяжателен был от юности, любя нищету более богатства»⁶¹⁸. На богатства в обителях должны смотреть как на «терние чужих грехов»⁶¹⁹. Богатства – это сети, это «тяжелые бремена», заграждающий путь к Царству⁶²⁰. Многие отказывались даже принимать милостыню, отказывались от наследства⁶²¹. Нестяжательность вытекала из глубокой непоколебимой веры в промысел Божий. «Если Бог не хранит меня, то зачем я стану жить на земле», – говорит

Арсений Великий⁶²². Преподобный Зосима Соловецкий в добродетели нищеты уподоблялся бесплотным. Он только и думает о Боге, «день и ночь с плачем вздыхает и желает разрешиться от тела и прейти ко Господу». Бог услышал своего раба. Ему указывается место поселения, является ангел и сбываются его слова, полные упования: «Я имею Владыку, Который может убогих обогатить и алчущих насыщать»⁶²³.

Другая необходимая добродетель у монахов – это соблюдение обета *целомудрия*, то есть чистоты душевной и телесной. Честно и супружество, но девство несравненно выше его. Девственник подобен солнцу, непорочно-вдовствующий – луне, а честные супруги – звездам⁶²⁴. «Один брак у нас – желание Христа», – говорит преподобномученица Евгения. Брак – это «скороминающие цветы» наслаждений, ведущие к горестям, а у девственника плачь временный, веселие же вечное. Целомудренный к Богу близок и причастник Святого Духа⁶²⁵. Если телесная чистота высоко ставит инока над миром, то тем выше и возделеннее целомудрие сердца. Путем напряженной борьбы, иногда истязаний, как бы добровольного мученичества, иноки доходили до состояния полного бесстрастия, уподоблялись ангелам⁶²⁶. Сильное молодое тело и крепкое сложение доставляли не радость иноку, а скорби. Предстояла страшная борьба духа с «скоктанием» плоти. Иоанн Многострадальный 30 лет боролся против плотских вожделений, закопал себя в землю, тело его страдало, но он радовался боли. Такими мерами он довел себя до полного бесстрастия. Сам стал непоколебим в обете девства и другим давал практичные советы⁶²⁷. Иные жгли свое тело⁶²⁸, или отдавались на ужаление насекомых⁶²⁹.

Самый вид подвижника говорил о его скромности. При бедном одеянии они своими благородными поступками, обращением и словами возбуждали уважение и простых людей, и царей⁶³⁰.

Для сохранения целомудрия иноки не выходили из монастыря, искали *уединения*, чтобы не слышать и голоса человеческого⁶³¹; преподобный Пафнутий старался даже издали не увидеть женщины⁶³². Преподобный Арсений однажды

печалился, что какая-то жена коснулась его одежды⁶³³. Они хранили себя от соблазнов. Иные не омывали себя, другие опасались даже взирать на свое собственное тело. Опасность искушений одинаково считалась и взора, и от языка. Поэтому, воздерживались от слова. Особенно наставляли подвижниц, чтобы они «обуздывали свой язык», не осуждали, не укоряли, даже от Церкви их отлучали за невоздержанность языка⁶³⁴. Исключение делалось только для беседы от Божественных книг и пения.

Вся цель инок поработить свое *тело* духу. «Я тебе, осел, так сделаю, что не будешь свирепеть», – говорил Иларион Великий, обращаясь к своему телу и называя его ослом, – «не ячменем, а трухой буду питать, голодом и жаждою уморю, стану отягощать нощами, чтобы, согбенный, не помышлял ты о нечистом!» У него от умерщвлений плоти остались только кости, покрытые кожей. Требования плоти ограничивались в самой высшей степени и в пище, и в одежде; ели столько, чтобы не умереть с голода⁶³⁵. В обителях вкушали хлеб и воду⁶³⁶, в пустыни «зеле и коренья»⁶³⁷. Были такие подвижники, что и этим питались через день, и даже через неделю, так, что удивляли опытных: «Откуда сей бесплотный человек?» Недоумевала братия при необычайном сорокадневная неядении преподобного Макария⁶³⁸. У преподобного Виссариона сорокадневное воздержание от пищи было нередко⁶³⁹. Вкушали на общей трапезе для вида, чтобы другие не заметили воздержания⁶⁴⁰. Такой пост инок держали из убеждения, что он способствует чистоте и смирению, что «пост – мать целомудрия»⁶⁴¹. Надо взять себя за гортань, говорили пустынножители, и тогда только победишь плоть свою, как Давид убивал зверей за гортань их⁶⁴².

Воздержание, усиливаясь, продолжалось до той поры, пока инок не побеждал страстей, а потом он мог поддерживать тело, чтобы не изнемогать в труде⁶⁴³.

У святителя Димитрия описана и одежда инок, «худая разодранная, многоношенная»⁶⁴⁴, это «рубище власяное, зело острое, свитка худая»⁶⁴⁵. Средством для умерщвления плотских поползновений считалось и *бдение*. Сон бежал от инок.

Преподобный Симеон довел себя до такого бесстрастия тела, что повелевал им, как рабом; 9 часов молился, потом 9 часов читал книги и списывал их и, наконец, всю ночь молился до утренней зари. Только на рассвете дня забывался легким дреманием; просил Бога даже совсем отнять сон⁶⁴⁶. Подвижники, как бы, стояли на страже день и ночь, ожидая нападения коварного врага. Тогда как одни обливали себя холодной водой, чтобы отогнать сон⁶⁴⁷, другие бичевали себя: «Я тебя накормил, напоил», – говорил преподобный Нифонт, обращаясь к своей плоти, – «а ты еще и спать хочешь: вот я тебя упокою жезлом!». «Иноку довольно один час спать», говорила Арсений Великий⁶⁴⁸.

Против расслабления и праздности у иноков был *труд*. Иноки возделывали землю, писали книги, плели корзины, а, чтобы не развить любостяжания, они, добытое трудом, раздавали бедным⁶⁴⁹. Лениость, по словам преподобного Харитона, начало грехопадения⁶⁵⁰. Требовалось чтобы иннок кипел в труде, чтобы к нему не приступили искушения, как мухи к кипящему сосуду⁶⁵¹.

У инок не было пристанища, иные считали послаблением для себя жить в обителях, и святитель Димитрий с увлечением описывает, что ради богомыслия и безмолвия они уходили в горы и пустыни, ютились в пещерах, где змеи и дикие звери уступали им жилье свое. Их окружали «стремнины и дебри»⁶⁵², где на сухой каменистой почве ничего не росло⁶⁵³. Если монах жил в келье, то не прилагал никакой заботы о ней: не было ни постели, ни пола, иногда она стояла без крыши и, когда инок не было, стояла открытою настежь⁶⁵⁴.

Исполняя обеты нестяжательности и целомудрия, иннок должен был выполнять и третий обет, не столь трудный, но более важный, обет, направленный против первичного греха – гордости, – это обет *послушания*. Послушание регламентируется не только предписаниями монастырского устава, но и волею игумена, которому нужно подчиняться без прекословия и ропота. Послушание ценилось постольку, поскольку было добровольно, когда носило нравственное начало и оттенки⁶⁵⁵. Даже мученичества нельзя искать без

согласия игумена. Пахомий Великий увещевал одного брата, хотевшего примкнуть к мученикам и идти с ними на страдания, чтобы тот не искал самовольно мученического венца, а когда брат не послушал старца, то был наказан: душевные силы оставили его во время пыток, и он отрекся от Христа⁶⁵⁶. Послу Бога, игумен заменял иноку и отца, и мать. Ценно было послушание и строптивому игумену. Преподобного Акакия старец мучил укорами, бесчестьем и даже ранами, обращаясь с ним как с купленным рабом. Акакий все переносил. Когда его спрашивали, как он провел день, то он указывал на синяки под глазами, на следы побоев на голове и своей шее, говорил, что хорошо провел. Ему советовали только терпеть, чтобы получить спасение.

В наставлениях инокам от преподобных прежде всего вменялось не иметь своей воли, соблюдать послушание и смиренномудрие⁶⁵⁷.

Такова жизнь инока, по описанию св. Димитрия, вне мира.

Но, убегая от соблазнов мирских, не может человек убежать от себя. Ему предстоит борьба, – *борьба с самим собою* не менее страшная, чем битва с обольщениями мира. Победивший себя и свои страсти становится духовным титаном, недоступным никаким превратностям мира⁶⁵⁸.

В основе этой деятельности лежит хранение сердца и совести. У подвижника – ясное самосознание, убеждение в своей немощи. Его внимание устремлено на сердце, – что там творится: если то, что «делается внутри вас угодно Богу, то этим победите и внешние грехи. Отгоняй помыслы скверные и ты отсецешь страсти»⁶⁵⁹.

Преподобный Антоний Великий против каждой страсти употреблял особенные средства: против чувственности – пост и бдение, против плотских похотей – воспоминание о пламени геенском⁶⁶⁰, а он применял эти средства, подражая опытным отшельникам востока. Указателем при оценке своих подвигов и падений должна быть совесть. Ее предписывалось беречь, она мучит неисправного монаха, она же награждает за его подвиги, она проверяет его действия.

У святителя Димитрия через все его писания проведена, как его особенность, светлая мысль о необходимости развития ума посредством науки. Все инок должен презреть, но есть достояние мира, которого ему необходимо держаться: это – наука. Она открывает всякому человеку мир с его достоинствами и недостатками. Для аскета необходимо чтение или слушание слова Божия и святоотеческих творений, а также житий святых. Это – пища, разогревающая его дух⁶⁶¹. Отмечается у Дмитрия, что преподобный Стефан день и ночь занимается святым писанием, в особенности, он любил читать творения Иоанна Златоустого⁶⁶². Феодор Студит любил заниматься чтением слов Василия Великого, хранил тщательно его правила и уставы, чтобы не нарушить и малейшую черту из его предписаний⁶⁶³. И другие преподобные занимались чтением житий святых, чтобы поревновать их подвигам⁶⁶⁴. Преподобный Косьма прошел всякую человеческую мудрость, изучив законы вращения светил небесных, и все это для того, чтобы свое внимание перенести от твари на Творца⁶⁶⁵. При полной нестяжательности иные не имели силы расстаться с Евангелием и по смерти оставляли его, как единственное имущество. Пользовались отшельники и светской «внешней ученостию», чтобы просветить ум, но не хвалились ею, что через нее, будто бы, все постигли. То, что дает книжность, иногда давалось Богом высоким подвижникам духа свыше, так, что они посрамляли и философов⁶⁶⁶.

Когда святитель Димитрий при описании иноческой жизни касается сердца иноков, то строки его звучат неподдельною искренностью. Будучи более или менее объективным в писании житий, здесь он влагает и свою душу в повествование. Он разделяет умиление подвижников красотой сотворенных вещей и благостью Творца, он увлекается любовью их к Создателю и Искупителю. «Господь мой распялся, был обесчещен, заушение терпел, а я стану вкушать елей!», – восклицал преподобный Пахомий Великий⁶⁶⁷. Сердце подвижника ничем иным не услаждается, как только одним Богом.

Обязанность инока *бороться против своих страстей*, укрощать страстные прилоги: «Лучше умереть, чем страстью

прельститься», – говорил преподобный Мартиниан. Монах, овладеваемый страстями, живет по воле диавола и идет в муку вечную⁶⁶⁸. Инок обязан бороться со страстями уже по тому одному, что начало греха полагает не Бог, не диавол, а выдумывает он сам. Бог только попускает диавольские искушения, а человек склоняется на них «самовластно». Опытные подвижники, избавившие себя от власти страстей, говорили, что о страстях можно узнать по внешнему виду человека; страсти потемняют облик человека⁶⁶⁹; каждая страсть, по словам преподобного Илариона, издает греховной смрад: от обоняния тела и осязания одежды узнавал он, кто какую страстью одержим⁶⁷⁰. В особенности, пагубны страсти гордости и гнева. В житиях святых прославляются смирение и кротость. Если хочешь спастись, будь как мертвый, – говорит Макарий Великий: бесчестуемый – не гневайся, почитаемый – не вознось⁶⁷¹. Подвижников мучит сознание, что они произносят гневное слово, под влиянием раздражительности; преподобный Дорофей горько плачет каждый раз, когда ему приходилось говорить что-нибудь неприятное тем больным, за которыми он безвозмездно ходил⁶⁷².

Подвижник стоит на страже не подпасть искушению от бесов. Он твердо борется с ними. В житии преподобного Авраамия затворника бесу влагаются такие слова: «всячески ты низложил меня, но я не оставлю тебя, пока не одолею и не смирю тебя»⁶⁷³. «Куда ты пойдешь, туда и я пойду на тебя, и, как отсюда тебя изгнал, так выгоню отовсюду, где захочешь жить, и не оставлю, пока не побегу тебя»⁶⁷⁴, – говорил бес преподобному Мартиниану. Бесы смущают человека внушением страха, уныния, нечистых помыслов и всего того, что может отвлечь мысли и чувства его от Бога. Орудием против бесов служат пост, молитва, крестное знамение. Многие подвижники выдержали борьбу с лукавыми обольстителями. Преподобный Макарий Александрийский в изнеможении от борьбы с тщеславными помыслами, влекущими его из кельи в Рим исцелять больных, в страшном напряжении сил упал на пороге кельи и говорил: «тяните меня, если можете, а я ногами своими не пойду»⁶⁷⁵. Душа должна быть очищена от приражений, чтобы

ей стать чистою для Бога, в нее входит озарение, когда человек полон сознания о Боге, Его всеведении, всеприсутствии и правосудии.

При отречении мира, при самоуглублении в свою душу подвижник не освобождается от всяких связей с людьми. Его связывает любовь к ближним. Игумены предписывали не только исполнять все заповеди, но иметь и любовь, которая есть мать всем добродетелям⁶⁷⁶. Пред своим вступлением в монастырь инок раздает свое имение нищим, да и потом он для всех доступен, всем помогает: преподобный Савва, встретив в пустыне четырех сарацин, которые были голодны, отдает им запас корней, которыми сам питался⁶⁷⁷. Встретивши языческого жреца, преподобный Макарий своим добродушным обращением так поразил его, что тот принял святое крещение⁶⁷⁸. Монах Виталий из желания спасти блудниц посещал их, чтобы уговорить их не грешить, молился с ними и отклонял от грехов⁶⁷⁹. Другой инок из желания спасти еретика продает себя в рабство ему и обращает его к истинной вере Христовой⁶⁸⁰. У пр. Макария из кельи вор забрал все вещи, какие там были; преподобный застал его еще у себя в келье, однако, ни слова не сказав, стал помогать ему уложить их и отпустил с миром⁶⁸¹. Многие святые благодетели тайно, как, например, святитель Николай Чудотворец. Все отношения к ближним проникнуты у иноков деликатностью, всепрощением и пламенным желанием им вечного спасения. Если, по-видимому, подвижник гневно обращается с другими, то лишь с намерением напомнить им несправедливость их⁶⁸².

В этом отношении сиял, как звезда среди отцов, преподобный Феофан: он всем служил⁶⁸³ и относился ко всем, как «отец сердобольный, друг любезный, раб и служитель усердный, являя всем приходящим любовь великую, для всех пристанище, лечебница, дом, пир..., и все наслаждались его щедростью, любовью и милостынею»⁶⁸⁴. В особенности проявилась любовь старцев к своим инокам. Пр. Феодосий, будучи игуменом, во всем подавал пример труда своей братии.

Еще большие *связи* чувствовал инок с *св. Церковью*. Он состоял членом ее, одним из спасающихся в церкви и, поэтому,

всегда извещал ее и прибегал к ней. Иные, слыша о гонениях на церковь, писали послания инокам, нередко выходили из пустынь на помощь бедствующим. Горе Антония Великого, исторгшее у него слезы, это будущие бедствия церкви, которые он предвидит. Он пишет письмо Египетскому воеводе, чтобы не гнал церковь, и грозит ему гневом Божиим⁶⁸⁵. Изгнанные из городов язычниками и еретиками борцы за церковь принимаются с любовью пустынниками. Они поддерживают авторитет вселенских и поместных соборов⁶⁸⁶.

Предстоятелям церкви в обителях оказывают послушание. Некоторые озлобленные братья изгнали пр. Савву из основанного им монастыря. Патриарх велит ему возвратиться. Савва «не мог преслушати патриарха», опять водворился в своей обители⁶⁸⁷. В Четьях-Минейх св. Димитрия тщательно отмечено смиренное послушание иноков священному чину. Пр. Нифонт просит архиепископа Афанасия помолиться о нем пред престолом Божиим⁶⁸⁸. Много людей стекалось к пр. Луке Елладскому, чтобы поведать ему о своих тяжких грехах, а он «отмечается, посылая ко иереям, сам монах, не освященный»⁶⁸⁹. Мария Египетская, великая подвижница, пред кончиною пожелала принять Св. Тайн и быть погребенною. Она просит Зосиму: «тебе подобает благословити и молитву сотворити: ты саном пресвитерства почтен и святому алтарю предстоя, Божественных Тайн дары приносишь»⁶⁹⁰.

В силу своих обетов отречения монахи не принимали участие в общественных и политических делах, но проявляли горячую *любовь к земной Родине*, преподобный Симеон, провидя бедствия от имеющий быть засухи, голод и смерть людей в государстве, начинает умолять Бога отвратить свой праведный гнев, а царя уведомляет о предстоящей беде своим письмом, грозя ему за грехи гневом Божиим⁶⁹¹. Св. Иоанн Милостивый берет церковные сокровища, чтобы выкупить пленных⁶⁹². Русские подвижники неоднократно мирили ссорящихся князей, ходатайствовали за народ в Орде пред ханами⁶⁹³. Преподобный Исаакий является пред правителями, умоляет их прекратить гонения на неповинную Церковь, отворить храмы; при этом не обращает внимание на побои себе

и оскорбления; нового царя увещевает хранить благочестие и народный мир; затем селится близ города в обитель и учит мирских людей⁶⁹⁴. Прокопий Блаженный обличает жителей города Устюга в грехах. Ходя с тремя клюками, он грозит трехлетним неурожаем и, наконец, каменной тучей. А, когда туча эта нависла над городом, он пламенно молится перед иконой об избавлении жителей от гибели, проливая слезы: «остави, Господи, людям сим грехи их, если же не оставишь, и меня изгладь из книги жизни»⁶⁹⁵. Стоя за восстановление правды в людском обществе, святые не боялись обличать и царей. Феодор Студит укоряет царя за его несправедливое отношение к вере, смело говорит: «не дело царя рассматривать повеления церкви; твоей царской власти ведомы мирские вещи, о церковных же делах нужно рассуждать святым отцам и церковным учителям... Желаящий пребывать в церкви – пусть слушает патриарха и его собор»⁶⁹⁶. Все небесные силы не заставят меня исполнить требования царя – отречься правой веры, – восклицает Максим Исповедник⁶⁹⁷.

Ярче всех добродетелей, проявившихся у подвижников, это – их *благочестие*, как *внутреннее*, так и *внешнее*.

Так как основа того и другого лежит в богопознании, то подвижники стремились познать высшую цель своей жизни. Много из них насчитывалось ученых, философов, но и те стремились еще более к высшей философии – богопознанию. Григорий Богослов день и ночь пребывал в чтении и богомыслии. К богопознанию ведет чистота и послушание. Он же рассказывает видение, будто явились к нему две девы, одна называлась «чистота», а другая – «воздержание»; девы обещали вознести его на небо и поставь вблизи безбесмертного Троичного Света. Поэтому он строго хранил целомудрие, соблюдая воздержание⁶⁹⁸. Многие монахи обходили монастыри и от опытных подвижников собирали сведения, как жить. Встретив искусного в духовном любомудрии человека, «прилеплялись» к нему⁶⁹⁹. Приобретшие научные познания, не могли гордиться этим. Пр. Иоанн Колов советовал: хранить ум от тщетного надмения, что все «до конца» познал; и допытывался сокровенных тайн, признавая свои познания

погрешительными, а разум – немощным и стараясь получить просвещение от Бога⁷⁰⁰.

В основе познаний лежит вера, изложенная в Символе веры. Иноку вменяется твердо хранить ее «до последнего издыхания»⁷⁰¹. Вера, как внутреннее настроение, и в качестве определенных догматов, – существенный признак аскетизма. Она воодушевляет инока и на подвиги, и на готовность пострадать за нее. Так преподобные пустыnnики, ожидавшие избиения от варваров, выражают твердую и радостную надежду: «мы не имеем крепких стен, но вместо стен наш Христос, Которому мы научились петь»; «будь нам в Бога защитителя, не имеем шлемов и щитов, но имеем оружие духовное, – любовь и надежду, – щит веры и шлем спасения». Они ободряли себя в виду опасности, «пребывая не как трость ветром колеблема, но яко столпы каменные»⁷⁰². В надежде на промысл Божий иноки не думали о земном⁷⁰³, в страданиях надеялись, что «им отвезется дверь небесная»⁷⁰⁴. Однако, крепкая надежда не переходила в чрезмерную, когда человек, как бы испытывая Бога, вынуждает его творить чудеса. Так, один старец уговаривает инока, желавшего путешествовать по святым местам, чтобы он не ввергал себя безвременно в напасть.

Укрепляемый верою, воодушевляемый надеждою, подвижник имел такую *любовь к Богу*, что он горел ей даже в телесном изнеможении, «истнивая телом, иссушаясь от болезней»⁷⁰⁵. Сердце преподобного Кирилла Белозерского «распалялось Божественною любовью, как огнем» и среди занятий по управлению обителью⁷⁰⁶. Из любви к Богу они терпели лишения, муки, страдания и смерть⁷⁰⁷. Феодор Студит говорил: «Я иду туда, где Бог и Господь мой, Которого возлюбила душа моя, Которого от всего сердца я возжелал, Которого рабом я нарекаюсь»⁷⁰⁸.

При составлении житий святых святителя Димитрием тщательно выбраны и помещены в Четыи такие проявления любви инока к Богу. Для выражения сердечных порывов человека к Богу он не находит выражений в обыденном языке человеческого, а прибегает к помощи Слова Божия, заимствует

их из псалмов, в особенности, из «Песни песней». Если страх приводил человека на подвижнический путь исправления, то двигателем его жизни являлась беззаветная любовь к Богу. Она побуждала его теснее приблизиться к Богу и ревновать Его славе. Иноки разжигались Божественною *ревностью* по Богу⁷⁰⁹, страдания за него считали, «как золотое монисто и как украшение себе вменяли»⁷¹⁰. Преподобный Пафнутий из ревности изгонял из своей обители всех, кто говорил не согласное Божественному писанию⁷¹¹. Исаия Ростовский содрогался сердцем, что даст ответ за своих духовных овец, не утвержденных в вере, и взялся за пастырские труды, обходя грады и веси⁷¹².

Итак, внутренние благочестие объемлет все силы человека: и разум, и волю, и сердце; все должно быть на душе, как на жертвеннике; приносятся Богу и научные познания, и таланты к искусству, и природное расположение к добру.

Внутреннее благочестие не таится в глубине сердца, не ограничивается «умным деланием», а *сопровождается «внешним благочестием: псалмопением, обрядами»* и проч.

Преподобный Антоний просил у Бога, как ему спастись, и ему было видение ангела в образе инока, «плетущего корзину и восстающего на молитву, и опять трудящимся, и опять молящимся»⁷¹³. Св. Григорий видел иноков, «живущих подобно ангелам, непрестанно славословящих, проливающих реками слезы и стоящих день и ночь в молитвах»⁷¹⁴. Преподобный Феодосий, все ночи «бодрствует в молитвах», забывая сон – ночью, а днем «прял шерсть, читая устами псалтирь»⁷¹⁵. Преподобный Лука Елладский трудился до изнеможения тела, но духом не изнемогал⁷¹⁶. Молитвою должен пользоваться инок, как оружием, всегда: при начале дела, по окончании, в скорбях и искушениях; без нее, как без оружия, беспомощен⁷¹⁷. В чистой молитве, без примесей житейских попечений, сосредотачиваются все силы души, вера, надежда, искренность, настойчивость и т. д. – Преподобный Нифонт видел инока, «идущего и шепчущего молитву: от уст его исходил пламень и неся до небес; ангел его сопровождал ему с копьем и отгонял бесов»⁷¹⁸. Целью написания «Житий

Святых» у святителя Димитрия было изложить аскетическое учение, общее всему христианству; и в руках у него был аскетическая литература как востока, так и запада⁷¹⁹. Направление его взглядов идет не всегда в пользу одного восточного аскетизма. Например, хронологией восточных писателей он не был доволен. Во время сокращения и пополнения житий он как будто с меньшей внимательностью отнесся к восточным писателям и в основных положениях, чем к западным, изученным у него еще во время борьбы его с униатами. В Четьях-Минеех его не отчетливы особенности восточного аскетизма, заключающиеся в психологическом анализе того, как у человека возникают и растут навыки. И средства борьбы с навыками указаны им пассивные: терпение, неподвижность на грех и т. п., которые вовсе не исчерпывают того «умного делания», которым характеризуется восточный аскетизм. Вместо сосредоточенного напряжения ума на помыслах у святителя Димитрия выдвигается *практическая* деятельность и чувство. Как художник по природе, он отметил своей книге красоту добра и духовного мужества. Идеи Нила Сорского († 1508 г.) не овладели им; он примыкает к тому практическому воззрению на монашество, которое установилось у нас после борьбы с нестяжателями.

Глава III. Открытие мощей святителя Димитрия

18 сентября 1752 года Ростовскому митрополиту Арсению донесли из экономической канцелярии Ростовского архиерейского дома, что в приписном Яковлевском монастыре в церкви Зачатие Пресвятой Богородицы от неизвестной причины образовались на полу такие неровности, которые могут быть опасными при народном стечении. Пол, составленный из чугунных плит, трясется при хождении людей и опускается по направлению к юго-западному углу церкви.

Владыка приказал тогда эконому своему, игумену Геннадию, освидетельствовать повреждения.

Приступили к работе. Сдвинули с пола деревянную гробницу, стоявшую над местом погребения бывшего митрополита Ростовского Димитрия, разобрали половые плиты и удалили толстый слой песку, земли, щебня. Под ним оказался деревянный сруб, покрытый сверху вместо потолка деревянными толстыми брусьями. Деревянные брусья от времени уже подгнили и, переломившись под тяжестью чугунных половых плит и массы строевого мусора, переломилась, упали в сруб, где, по свидетельству монахов, стоял гроб почившего митрополита.

Немедленно донесли Арсению, что повреждение произошло от отсутствия над могилою каменного свода.

Владыка приказал удалить сгнивший сруб.

Вместе с удалением сруба и мусора освобождали из под груды обломков и гроб Святителя. Он стоял у самой стены. Несколько обрушившихся сверху бревен лежало на нем. Крышка гроба частью сгнила, частью была разрушена ими, так что видны были в нем покров, шапка и одеяние почившего.

Стена храма тоже начала повреждаться от рыхлой земли и сруба; на ней появились расселины и для предотвращения опасности необходимо было приложить к ней каменный «прибуток». Когда 21 сентября сообщили владыке о состоянии гроба и повреждения церковной стены, у него, прежде всего, возникло предположение о нетленности тела м. Димитрия,

который известен святою жизнью и благодатной помазанностью своих писаний. Он сам, вместе с экономом, духовником и другими духовными лицами, приехал в Яковлевский монастырь и сделал освидетельствование гроба. Сгнившую совсем крышку гроба собрали, удалили землю, свалившуюся сверху. Возглавие гроба совсем отвалилось, так что видна была желтая шелковая затвердевшая обивка его. Под желтым покровом оказалась такая же шапка на главе почившего, с наклеенными образами; одеяние было полное архиерейское: саккос, омофор и пр.; на груди – медный крест с шелковою тесемкою, бархатное красное одеяние и четки.

Сотлели лишь листы в Евангелии и рукописные книги под возглавием, да гвозди совершенно изоржавели.

Волоса русые с проседью на голове и бrade все целы, лицо почернело и повреждено: глаза впалые, хряща носового нет, недоставало и верхней губы, все другие части лица невредимы.

Чтобы удалить рыхлую землю от поврежденной стены и обстоятельнее исследовать тело почившего, по приказанию владыки, гроб подняли с возможными предосторожностями наверх и здесь, в церкви, архимандрит Спасо-Ярославского монастыря, Варфоломей, с духовенством вновь осматривали его.

Когда выбрали из гроба всю землю и тщательно осмотрели, то показалось гораздо большее. Очевидно стало, что обрушившимися бревнами повреждена незначительная часть тела. Остальное все цело и нетленно. Левая рука отделилась в локтевом суставе, у правой руки отделены 4 перста.

Не могло быть никакого сомнения, что тело почившего среди общего могильного тления и разрушения предметов сохранилось нетленным только чудом. Его положили в новый дубовый гроб в том же виде и положении, как нашли, и поставили за правым клиросом. При осмотре тела составили подробную опись всего и представили владыке. На все это было употреблено более недели времени (с 21 по 29 сентября).

Между тем, повреждение каменной стены быстро исправляли. Все помещение сруба сплошь снизу до верха заложили кирпичом и на таком прочном фундаменте, уже сверх

церковного пола, сделали особую каменную гробницу для мощей. К 8 октября работу окончили, а на другой день, сам митрополит с тем же архимандритом и с духовенством прибыл и приступил к проверке описи. После этого совершена была панихида над обретенным телом святителя. По окончании ее гроб взяли от правого клироса и поместили в устроенную каменную гробницу в том же юго-западном углу храма.

Как дубовый гроб, так и каменная гробница сверху накрыты были крышками, а верхнюю сам митрополит запер, запечатал своею архиерейскою печатью, ключи же отдал для хранения эконому, архимандриту Геннадию.

10 октября послано было в Св. Синод доношение об обретении нетленного тела святителя; здесь оно уже названо мощами.

Доношение отправили с домовым конюхом архиерейским Иваном Феодоровым, который в Москве передал его стряпчему, Петру Хухореву, для отправления почтою в Петербург.

Ответа из Синода в Ростов никакого не последовало. По традициям православия, хранителем которых состоял со времени Петра Великого Св. Синод, нетленное тело само по себе не могло быть доказательством прославления почившего. При том, во весь синодальный период это был первый случай обретения мощей.

О скромным при жизни покойном митрополите Димитрии не сохранилось таких рассказов, где проявилось величие его души, – веры и смирения. Творения же его, так любимые теперь в народе, почти все лежали тогда в рукописях.

Прославлению памяти угодника Божия Церковью способствовала сила народного религиозного чувства и участие императрицы Елизаветы Петровны.

Почти тотчас по открытии мощей прошел слух об исцелениях от них. Слух этот рос и распространялся. Митрополит Арсений, еще будучи в Чернигове, более 20 лет тому назад, слышал о них. Знал он, что народ не перестает усердно посещать место погребения почившего митрополита. Слухи дошли и до Петербурга. В 1753 году (июне) приехал в Ростов Московский архиепископ Платон (Малиновский), член

Св. Синода. Посетивши гробницу святителя Димитрия, он стал говорить о слухах, будто бы здесь многие получают исцеления от лихорадки и спрашивал, – записываются ли такие чудеса? Арсений подтвердил, что исцеления бывают, но сознался, что записи их нет. Но с этого времени им дано было приказание эконому Иоакиму завести особую тетрадь и предлагать исцеленным, чтобы они сами записывали свое исцеление от мощей.

Открытие нетленных останков всего раньше и благотворнее отразилось в духовной жизни народных масс. Слухи о новых мощах шли неразрывно с уверенностью о чудотворной целебности их. Думы и мечты несчастных почивали на них. Зарождались видения. Многие больные видели святителя во сне, будто он благословлял их, обнимал, или приказывал им идти к своему гробу. С усилением таких рассказов возрастал и наплыв богомольцев в Ростов. У гроба шли панихиды о почившем святителе. Многие тут же исцелялись, а некоторые получали облегчение болезни еще дома по одной вере в святителя. Исцелялись от 20-летних застарелых болезней. Особенно поразительны были исцеления от ломоты и расслабления, немых и глухих, сумасшествия и эпилепсии. «Не смею сказать, не могу умолчать, – сознается один из таких из исцеленных, – какое великое чудо показал надо мною святитель». Больной 22 года страдал от каменной болезни, словно от казни какой. В декабре 1752 года он получил из Москвы копию сказания об обретении мощей. Тогда «взмолился» он святителю и получил совершенное облегчение.

Целебная помощь от мощей подавалась больным не только христианам, но и иноверным. Персиане и татары одинаково испрашивали ее. Так получил исцеление от своей болезни один магометанин, который был к тому же ему муллою у татар. Поэтому у гроба можно было видеть людей из самых дальних местностей, окраин России, далекой Сибири, Верхотурья, Тобольска и проч. Записывали свои чудеса далеко не все исцеленные: таких записей сохранилось с 1753 по 1862 год по 20–38 в год. Среди них были крепостные, знатные господа, которые жили в Петербурге (например, гр. Татищева, Адама

Олсуфьева и др.), так что слухи о чудесах в Ростове дошли и до императрицы Елизаветы Петровны. Духовник ее, протоиерей Ф.Я. Дубянский, 1756 года 25 сентября письменно передал митрополиту Ростовскому, что государыня желает знать от него, – подтверждаются ли слухи о чудесах и исцелениях? Митрополит послал Дубянскому записку о некоторых явных чудесных исцелениях от мощей св. Димитрия.

Записку эту читала сама императрица и осталась «весьма довольна» присылкою ее. Здесь описано было два случая исцелений: княгини Вяземской в 1754 году и вдовы Марковой в 1753 году, получивших у мощей полное исцеление от лихорадки.

Вслед за тем из Кабинета государыни поступил 20 ноября того года запрос Синоду о мощах в Ростове, чтобы ответить «по присяжной своей должности», почему нет от него до сего времени извещения к государыне о совершающихся там чудесах, знает ли он, наконец, о слухах, распространенных повсюду? Синоду предписывалось послать указ митрополиту Ростовскому, чтобы он немедленно рапортовал, когда погребен почивший Святитель и кем совершено погребение?

К Арсению послали из Св. Синода запрос: почему он не сообщает в Синод о чудесах, если есть они в его епархии, так как теперь и доносить государыне из Синода было поэтому не о чем? Где теперь находятся мощи? Были ли от них чудесные исцеления? Подвергнуты ли таковые освидетельствованию и что оказалось по проверке? Есть ли запись исцелений и почему ранее, своевременно не донесено о всем этом в Синод?

Арсений на такой указ сообщает Синоду 29-го ноября, что тело преосвященного погребено было 1709 года октября в земле, а в 1752 году, по обнаружению нетленности его, оно поднято из земли и находится в церкви. После открытия были чудесные исцеления при гробе; некоторые из них записываются экономом архиерейского дома, игуменом Иоакимом. Так как действительность чудес должна быть ясно обоснована, чего сделать он, митрополит, не имел ни здоровья, ни времени, то и не доносил о них в Синод, а сообщил только государыне через ее духовника. Однако, уже и то одно надо признавать за чудо,

что тело святителя «в продолжение 43 лет лежащее, не истлело и облачение в прах и пепел не обратилось и такового чуда, за чудо не признавать опасность есть моей совести, дабы не богоборствовать и крайнее мне ума изнеможение, каковым образом против раскольников и атеистов ответственать».

К своему доношению в Синод митрополит приложил тетрадку, в которой значилось 22 чудесных исцеления. Сведения о них и легли в основание дела прославления памяти Чудотворца.

Пока Синод вчинал формально дело о ростовских событиях, взволновавших народ, сама императрица желала слышать об этом от митрополита Арсения, к которому она привыкла питать доверие.

Когда из Петербурга отправлялась в Ростов на поклонение недавно открытым мощам княгиня Наталья Григорьевна Белосельская, то императрица поручила ей передать Арсению приказание свое, чтобы он сообщил ей по совести обо всем, касающемся мощей. И он подтверждает ей, что чудеса, совершающиеся при гробе святителя, явны и поразительны; надлежит, – пишет он 14 декабря, – благодарить Бога за то, что он проявил в нынешнее царствование такое Свое призрение на Свою Церковь на посрамление всех врагов и хулителей. После известия его о мощах в Синод через курьера ничего нового пока не было, а что будет, он не оставит государыню без известий; теперь же ссылается на свои доношения в Синод 1752–1756 г., в которых, по должности своей, уже и Синод уведомил он, как об обретении мощей, так и о чудесах от них происходящих.

Так, императрица возбудила внимание Св. Синода к ростовским событиям; она же ободрила своим доверием и митрополита Ростовского. Дело прославления памяти святителя Дмитрия быстро подвигалось.

Руководствуясь примером открытия Ахтырской чудотворные иконы Божией Матери в 1744 году, когда для исследования чудес назначили особую комиссию, и ныне, 13 декабря, в Синоде составили такую же комиссию из духовных лиц, чтобы осмотреть тело преосвященного Дмитрия, исследовать как нетленность его, так и действительность чудесных исцелений от

него. Свое мнение обо всем этом комиссия должна была представить в Синод. В составе комиссии были сам Ростовский митрополит, Сильвестр, митрополит Суздальский, и Гавриил (Краснопольский), архимандрит Симонова монастыря, заседавший в Московской синодальной конторе.

15 января было преступлено к осмотру гроба и тела святителя Димитрия. Гроб нашли дряблым, и, как доносил Арсений в Синод, без верхней доски, одежды на святителе – отцветшие, глава почти отделена от выи, «лицо землею взято», имеются не одни кости почившего, но и отчасти тело на них. При заметной осторожности комиссии, она почти повторила доношение Арсения 1752 года в Синод.

Затем комиссия начала следствие чудесных явлениях при гробе.

Исцеленные скоро отыскились; некоторые из них сами являлись в комиссию. Из всех указанных в тетради Арсением исцеленных комиссия допрашивала только местных и близко живущих, а из отдаленных городов положено было не вызывать. При допросе внушали свидетелям показывать по совести, под страхом за неправильность показаний подвергнуться штрафованию и наказанию по святым правилам и законам гражданским. Все исцеленные, подтверждая целебную помощь себе от мощей св. Димитрия, подробно рассказывали об этом. Нашлись и свидетели их прежних болезней, часто застарелых и неизлечимых. У членов испытательной комиссии не могло оставаться и сомнения в целебности останков святителя, когда на глазах их самих произошли случаи внезапных исцелений при гробе его.

В виду такой очевидности, они высказали пред Синодом такое свое мнение, что хотя у тела святителя и не все кости покрыты плотию, но ради проявления неложных чудес от них надо его считать достойным почитания за святые мощи, а святителя Димитрия за Угодника Божия, Богом прославляемого.

28 января следователя уехали из Ростова, поручивши Арсению окончить допросы тех свидетелей и исцеленных, которые не были разысканы ими, как, например, княгиня

Вяземская, отлучившаяся в Москву. Вскоре и те были допрошены и подтвердили исцеления.

10 марта Синод сделал такое определение: в виду доказанной нетленности тела святителя Димитрия и происходящих от него многих чудесных исцелений, просить государыню, чтобы огласить таковое за совершенные святые мощи и переложить в новую раку, а преосвященному Димитрию – совершать память, как Угоднику Божию, 21 сентября, в день открытия его мощей, служить пред мощами его всенощное бдение и молебны, а также составить и службу.

Государыне представили экстракт из записи чудесных исцелений, упомянуто было о нескольких случаях исцеления слепых, бесноватых и горячечных.

В день Святой Пасхи 1 апреля после обедни Синод в полном своем составе приносил поздравление свое государыне во дворце и поднес ей свой доклад о прославлении памяти Угодника.

Доклад был ею утвержден, но относительно переложения мощей в новую гробницу она приказала ждать особого указа. У государыни, всегда благоговейно настроенной, теперь возникло особенное желание быть самой в Ростове при торжестве перенесения мощей. 9 апреля послан был указ об этом во все епархии. 15 апреля он получен в Ростове. Его читали в Ростовском соборе при народном стечении и отправили тут же молебен. Указ читан при народном стечении и в Яковлевском монастыре.

В виду важности предстоящего торжества в Синоде предприняты меры к составлению службы, жития святителя Димитрия и объявления в народе о прославлении его памяти.

О скромном при жизни святителе Димитрии Ростовском сведений сохранилось мало. Амвросию Зертис-Каменскому, члену Св. Синода и епископу Переяславскому, удалось отыскать речь св. Димитрия при вступлении его на паству Ростовскую, духовное завещание и несколько строк его жизнеописания. При такой недостаточности письменного материала для составления его жития, сделали из Синода запрос в Ростовскую духовную консисторию, не находится ли там каких-нибудь известий о

бывшем местном митрополите. Но и в Ростове ничего не отыскалось.

Однако из наличного материала наскоро составили житие святителя Димитрия в следующем виде: о прошлом его сказано только, что он сын простого казака Саввы Тупталенка, проходил разные монашеские послушания; будучи назначен митрополитом в Сибири, он не видел ее. Перечислены, затем, его труды в Ростове и целиком выписано его духовное завещание. Зато подробно описано обретение его мощей, так, как его описал митрополит Арсений в доношение своем Синоду 1752 года. Из жизни святителя Димитрия нет ни одного рассказа о событиях, в которых выразилось величие духа святителя: о смирении и любви к бедным («Д. об открытии мощей» в Госуд. Архиве).

В виду такой недостаточности сведений о святителе и необходимости в церковной службе ему, Синод поручил еще в указе 9 апреля 1757 года митрополиту Арсению составить службу «купно с житием», а на себя взял принять меры по извещению народа о прославлении памяти новоявленного Чудотворца. В былые времена патриаршества и ранее той поры, как только от мощей являлись чудесные знамения, владыка или настоятель обители сам давал распоряжение немедленно «звонити по всему граду» «во вся колоколы». В той же Ростовской епархии, как только начали совершаться чудеса от мощей князя Феодора и чад его, Давида и Константина в 1463 году, тогда игумен Спасского Ярославского монастыря, где лежали мощи, и священники, и Ярославский князь «начали звонити и проповедати всюду дивные их чудеса». Теперь времена настали иные. Синод, приспособляясь к петровским порядкам, просил Сенат объявить во всенародное известие распоряжение императрицы о прославлении памяти новоявленного Угодника Божия⁷²⁰.

Между тем Ростов оживлялся. Дивные останки святителя источали благодатную силу исцелений, которая струилась на болящих и привлекала новые и новые толпы богомольцев со всех сторон. Из Петербурга ехали целыми поездами в несколько десятков подвод. По отсутствию почтовых станов пользовались

водными путями и направлялись с гребцами через Углич. Так, летом 1758 года, приезжали придворные фрейлины Будакова, Чулкова, Неронова и другие придворные: мужчины, женщины, дети и даже бандурист слепой, в сопровождении военного конвоя и служащих в таком количестве, что одной посуды для походного стола везли на 9 лошадях. При проезде большой знати население терпело обиды, так, что из Сената испрошено было запрещение проезжающим в Ростов господам, чтобы они не требовали с крестьян подвод, съестных припасов и прочего⁷²¹. На уровне такого народного движения необходимо было стоять человеку энергичному, могущему зорко следить и справляться со всеми делами хозяйственного, церковного и административного порядка. Таким распорядителем стоял митрополит Арсений. Заслуга его в это время состояла в том, что он имел смелость отстранять применение формальных правил к живому церковному делу.

Вскоре по объявлению празднования памяти святителя Димитрия (28 апреля 1757 г.) в Синоде получено было извещение о новом поразительном чуде исцеления майора Прончищева от каменной болезни, а равно и о других чудесах.

Синод приказал Арсению, чтобы он проверял чудеса, внесенные в тетради, и доносил не о всех, а только об удостоверенных особым следствием.

Поглощенный заботами о приготовлениях ко дню прославления мощей, владыка Ростовский не согласился на новое послушание, указывая на неприменимость правил духовного регламента к развивающимся ростовским событиям. Он отвечает Синоду, что не достанет и сил расследовать не прерывающийся ряд чудес, тем более, что у него нет ни времени свободного, ни здоровья. Игумену Яковлевского монастыря поручено следить за чудесными исцелениями, и он вполне полагается на него. Далее Арсений высказывает, что производство новых следствий и для народа тягостно. Если всех исцеленных станем забирать в консисторию, то тем самым дадим повод к сомнениям в подлинности чудес, а взятым в консисторию исцеленным и свидетелям исцелений, будет тягость, непосильные убытки проживания нескольких лишних

дней, так как теперь в Ростове, по случаю небывалого народного стечения, все вздорожало: харч, сено, овес и проч. Иные же исцеленные, видя такое изнурение попавшимся в консисторию, спеша домой и объявлять о своих исцелениях не станут, чтобы им не попасть под следствие. Поэтому, недовольно-ли тех чудес, о которых засвидетельствовано уже в 1757 году и за которые Синод признал святителя за дивного Чудотворца? Нет никакой и нужды производить дознание для богомольцев: «могий вместить, да вместит, то есть желающий веровать, пусть верует».

Синод 8 августа 1757 года согласился, чтобы новых следствий о происходящих чудесах не назначать, а Арсению облегчить дело тем, что он имеет сообщать о них не за треть года, а за целый год.

С этого времени в Синод поступают ежегодные тетради о чудесах, которых было от 30 до 38 ежегодно. Самое большое число чудесных исцелений (38) значится за 1761 год, когда игуменом Яковлевского монастыря сделан был иеромонах Лука. Запись прекращена 1762 года, когда на престол вступила императрица Екатерина II. Арсений составление «службы» возложил на архимандрита Толгского монастыря Вонифатия Борецкого, отличавшегося проповедничеством в бытность его при Московской академии. Вонифатий летом 1757 года написал две службы; но ни одна из них не удовлетворила владыку. Епископ Амвросий Зертис-Каменский тоже писал «службу» святителю. Но Синод ни которою из них не был доволен. Песнопения в этих службах полны мысли о гробе, о суете нашей жизни и тленности всего в мире. Хотя таковые думы свойственны всему в XVIII веке, но в Синоде отметили узость подобного взгляда песнопевцев на радостное христианское событие, показавшее славную победу над тлением; кроме того, в песнопениях не нашло себе выражение могучее народное религиозное чувство, которое, собственно, и было двигателем настоящих событий и которые одно могло дать оживление самим песнопениям.

21 сентября 1757 года провели торжественную службу в Ростове по общей Минее; также праздновалось прославление

нового Угодника и по всей России.

Скудость сведений о жизни святителя Димитрия отразилась их службах ему. Не зная событий земной жизни его, конечно, нельзя было сделать из них назидательного применения для молящегося. Составителям приходилось искусственно восполнять это. Народу он казался «не от мира сего».

Вот почему особенно горячо чувствовалась необходимость в подробном житии святителя.

Между тем, в народе при открытии мощей святителя Димитрия не знали еще таких сведений из жизни Угодника, несмотря на понятное желание иметь что-нибудь подобное⁷²². В ответ на эту потребность народную с 1757 года стали появляться списки чудесных исцелений при мощах его. Они жадно раскупались и распространялись. Равным образом откуда-то появились и образки Чудотворца с изображением как самого Угодника, так и его чудес. Несмотря на то, что они были не искусного письма, их успешно продавали в Москве на Спасском мосту, в Петербурге и других местах. Когда узнали о таких списках и изображениях, – могущих произвести соблазн в народе и среди иностранцев, – в Синоде, то велено было их отбирать от продавцов и покупателей. Распространились слухи, что все это раздавали в Ростове какие-то монахи. В Синоде возникло опасение, чтобы в тетрадках не вкрались «раскольнические выдумки». Сделали запрос митрополиту Ростовскому расследовать, «с чьего позволения, кем и давно ли раздаются» богомольцам такие тетради. Ему приказали запретить раздачу всяких записей о чудесах без апробации Св. Синода. Арсений отвечал, что у гроба святителя Димитрия ничего не раздается богомольцам. Такие тетради, по его мнению, писаны самими очевидцами чудес, но могли быть списаны с его тетрадей, представляемых в Синод и, потому, дознание о них надо производить не в Ростове, а в Св. Синоде. Впрочем, и запрещать такие списки нет надобности, чтобы не подать раскольникам повода «измышлять хулы на Чудотворца», – писал Арсений обер-прокурору Св. Синода.

Ясно, однако, было, что для народа надо что-нибудь сделать в этом отношении. Меры содействия такому

пламенному народному усердию приняла сама императрица; она озаботилась приобрести верное изображение святителя Димитрия. От мощей не было возможности заимствовать лик святителя, потому что характерные черты лица Угодника исчезли: не доставало носового хряща, губы верхней, – «их взяла земля», как значилось в докладе комиссии, свидетельствовавшей его мощи. Но государыни узнала, что у архиепископа Арсения бывшего Переяславского, хранится портрет святителя Димитрия от того возраста, когда последний был еще архимандритом. По справке в Синоде оказалось, что владелец портрета проживает на покое в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре. Государыня послала архиерею письмо 5 августа 1757 года, чтобы он немедленно препроводил портрет к ней. Посланный туда курьер Языков причинил царице немало томительного беспокойства. На обратном пути он заболел в Москве.

Беспокойство улеглось только тогда, когда получено в Петербурге письмо архиерея о том, что портрет еще до прибытия курьера, 15 июля, послан в Санкт-Петербург на имя духовника государыни. В сентябре изображение святителя была уже в руках ее. Написание иконы с него поручили лучшему художнику Ратори.

Переложение мощей в новую гробницу привелось отложить на несколько времени, потому что императрица пожелала сделать ко дню такого торжества богатую серебряную раку. Высочайшим рескриптом 7 декабря 1757 г. сооружение ее возложено на генерал-фельдцейхмейстера, сенатора, графа Петра Ивановича Шувалова, которому вменялось в обязанность употребить на столь важное дело все «искусство и отличное трудолюбие» свое, чтобы богатое изящество раки выражало чувства царицы.

К 19 августа 1758 года рака была сооружена. В нее пошло серебра 10 пудов 24 фунта 31 золотник; кроме того, в серебряном иконостасе вокруг образа было 8 пудов 19 фунтов 8 зол. Всего израсходовано на нее: на материал, угар серебра с задельными деньгами – 16 384 р. 82 ½ коп. (тогдашних).

Государыня думала ехать в Ростов в скором времени и отправить раку прямо туда. Но случилась опять задержка. К приезду государыни необходимо было привести в надлежащий вид и самый храм, где почивали мощи, покрыть его железной крышей и обнести оградой.

По представлению м. Арсения, местных средств на ремонт не было. Государыня приказала отпустить из казны для исправления крыши 3000 пудов железа.

Из Ростова уведомили, что чудесные исцеления от мощей происходят непрерывно. Возрастало и желание императрицы быть в Ростове. Но в 1761 году она скончалась, не успевши исполнить заветного своего желания быть на торжестве переложения мощей.

Новый император утвердил распоряжение покойной об отпуске железа в Зачатьевский монастырь.

Только с восшествием на престол императрицы Екатерины II ремонт церкви был окончен, и Шлятер получил из Москвы от Адама Вас. Олсуфьева приказание ее от 14-го октября 1762 г. по первому зимнему пути привезти в Москву раку, под охраною конвоя в 12 человек солдат.

В Ростове все с нетерпением ожидали императрицу. Все было готово к великому торжеству.

Перенесение мощей состоялось в мае месяце 1763 года. Митрополита Арсения уже не было в Ростове. Его за смелый протест против секуляризации церковных имений подвергли суду, приговорили к расстрижению и, как простого монаха, сослали в Николаевский Корельский монастырь на берегу Белого моря.

Императрица все время ростовских празднеств была в отменно веселом настроении духа. Церемонией руководил митрополит Димитрий Сеченов, по ее указаниям. Из Ростова она пишет Панину: «завтра будет перенесение мощей св. Димитрия, а послезавтра поеду далее в путь; вчерашний день еще чудеса были, женщина исцелилась, а преосвященный Сеченов хочет запечатывать раку, дабы мощей не украли. Однако, я просила, дабы подлый народ не подумал, что мощи

от меня скрылись, оставить их еще несколько время снаружи»⁷²³.

В воскресенье 25 мая 1653 года шли с крестным ходом из всех ростовских церквей в Яковлевский монастырь. В нем участвовали прибывшие архиереи: митрополит Новгородский Дмитрий Сеченов, Петербургский архиепископ Гавриил Кременицкий и архиепископ Крутицкий Амвросий Зертис–Каменский и множество духовенства. Шла с крестным ходом и государыня с знатнейшими персонами, только что выдвинувшимися на государственное поприще.

Лица высшего духовенства, вошедши в Зачатьевский храм, подняли мощи святителя Дмитрия и вынесли их для обхождения с ними вокруг церкви.

Когда появились мощи из храма, царица поклонилась им до земли и присоединилась к архиереям, неся вместе с ними мощи вокруг всего храма. Внесли их в храм и положили в новую серебряную раку, поставленную на месте погребения Дмитрия. После того совершена была Литургия с молебном новоявленному Чудотворцу. Торжество закончилось пушечной пальбой.

Так совершилось причтение церковью к лику святых митрополита Дмитрия Ростовского.

Прославление его имело огромное значение для русского народа. Прославленный святитель Ростовский стал любимым наставником русского человека. Творения Дмитрия читались с особенной любовью, представляя и до ныне неподражаемую по доступности духовную пищу. Сам он является, как образец в жизни и молитвенник за всех. Для церкви во время борьбы ее с расколом – это событие было необычайно важно. Оно было прямым поражением противников Церкви. Всю свою жизнь Угодник вразумлял ожесточенных раскольников, а теперь чудодейственная сила его мощей и нетленность его тела ясно указывали на правоту борца за православие и неразумное стояние старообрядцев за букву. Противники Церкви это чувствовали и, не имея средства против очевидной победы над ними, производили попытку уничтожить мощи святого Угодника.

Прославление Угодника, пользовавшегося расположением великого преобразователя России императора Петра Великого, указывало, напротив, новые пути для России, – что жизнь нашего отечества не в слепой привязанности к старине, но в разумной ревности к просвещению, которое одно только может осветить жизненные начала русского народа.

По всей России разносили богомольцы духовное утешение из древнего города Ростова, возбуждая сердца к прославлению имени нового Чудотворца святителя Димитрия.

Приложение 1

Дело 1784 г. «Переписка кн. Вяземского с Мельгуновым касательно мощей Дмитрия Ростовского»

(Государственный архив при М. И. Д. в Петербурге, VII разряд, №2655).

М. Г. Алексей Петрович!

«На сих днях дошел ко мне слух, что в вашем краю есть новые растения, кои, хотя по естественному составу человеческому разумным людям невероятны, но в невеждах могут произвести неосновательные толки. Дело состоит в том, что в Ростове некоторым людям, открывая мощи чудотворца Дмитрия, показывали его и главу, а как прежде сего никому таких откровенностей делано не было⁷²⁴, то любопытство побуждает меня покорно просить вашего Превосходительства о уведомлении, не в бытность ли вашего управления наместничеством сие приращение учинилось; а ежели прежде и когда, именно, нам неизвестно, прикажете, Милостивый Государь мой, секретнейше без малейшей огласки разведать, с которого точно времени, и при котором епископе, и того монастыря, где мощи сего Угодника почивают, настоятеле, стали делать такие откровения⁷²⁵, по разведании же об оном дать мне знать, о чем удовлетворить изволите крайнему моему любопытству. В протчем пребываю с истинным и совершенным почтением всегда, вашего превосходительства, М. Г. моего, покорный слуга».

Февр. 9 дня 1784 г.

СПБ

Письмо без подписи (от генерал-прокурора, князя А. А. Вяземского к А. П. Мельгунову).

Секретнейше.

Милостивый Государь мой, князь Александр Алексеевич!

Получа секретное В. С. письмо от дошедшем вам, Милостивому Государю моему, слухе относительно до новых растений, поставляя за удобный случай к разведанию об оных, отправиться в тот край самому под видом обозрения Ростовской

ярмонки, как оной никогда я не видал; где будучи на сих днях, весьма секретнейше без малейшей огласки, о всем том, что Ваше Сиятельство писать изволили, разведание делал, употребляя к тому все наивозможные способы, чтоб любопытство свое удовлетворить, а тем самым и Вашему Сиятельству соответствовать! Но таковых откровений и приращения, о каковых Ваше Сиятельство уведомлять меня изволили, не оказалось, и во все время управления моего наместничеством, и ни прежде оного, таковых новых растений⁷²⁶ и откровенностей никогда не бывало и ныне нет, о чем из приложенной при сем записки усмотреть изволите.

Но дабы по непосредственной власти в монастыре и нынешнего настоятеля, где мощи св. Димитрия опочивают, не могло выйти такого ж показывания, каковое было при бывшем архимандрите Павле, то есть, оного Угодника рук и протчего описанного в записке, то к предохранению от сего за нужное мною быть оному монастырю в полном ведомстве епархиального архиерея, которому уже от Св. Синода, по происшедшим в этом монастыре неустройствам в церковных сборах, сия часть и возложена в смотрение. Следовательно, когда и протчее все в ведомство ему, Архиерею, поручено будет, то по удобности на месте всякое злоупотребление скорее пресечено будет. В протчем и истинным и совершенным моим почтением и преданностью к В. С. пребыть честь имею, М. Г. мой, Вашему Сиятельству покорный слуга.

23 февр. 1784 г.

(Письмо Мельгунова к кн. Вяземскому).

Записка Мельгунова о мощах

По секретному разведыванию открылось!

Опочивающих в Ростове в Яковлевском монастыре мощей св. Димитрия главы ни всей, ни части оной, а равно и протчих частей,, имеющихся в раке, для богомольцев усердствующих к тому святителю и для вкладчиков наружного открытия сначала наместничества не было. А прикладываются все приезжающие и приходящие, обыкновенно, по установлению, сделанному сначала проявления тех мощей к лбу (sic) одного святителя сквозь пелену, которою оной лоб, ка же и глава, а равно и лицо закрыты и зашиты, а сверх оной и шапка архиерейская на главу снаружи наложена, чрез что и видеть одного в существе никоим образом и никому не можно.

Да сих же частей открытия делать наружно нельзя, по причине той, что один только вид оных цел оказался еще и при свидетельстве тех мощей бывшими синодальными членами, а губы, исподняя и верхняя, хрящ у носа, и лицо явились тогда землею взятыми, для чего как глава, так и лицо одного святителя от всех скрыто и пеленою зашито, но только то место на пелене, наложенной у лбу, где богомольцы прикладываются от мокроты ныне почернело и несколько вдавилось, от чего и вид сего почернелого места оказывать может для простых людей, как бы знак части лба.

Кроме же сего по прежнему в том монастыре установлению, показываются наружно в ковчежце небольшом серебряном положенные в оный отделенные одного святителя одного перста два сустава, к коим всегда богомольцы явно прикладываются.

А прежде всего во время бытности в том монастыре Архимандрита Павла, (который находился с 765 по 769 год) оный Архимандрит, по беспутству своему, да и по непосредственной власти своей в том монастыре, поскольку он в ведомстве епархиального архиерея не состоял, употреблял при гробе святителя Димитрия разных гробовых монашествующих, а особливо вверял смотрение бывшему тогда монаху Израилю, не соответствующему нимало сему званию,

который по поводу того архимандрита к своевольству и преимуществовал в том пред прочими по самою того архимандрита кончину по 769 год; и в ту его бытность некоторым богомольцам, усердствующим к святителю, показываемы были иногда руки и части ног мощей оного святителя, имеющиеся в большой раке, из-под одеяния прежнего, в коем оный святитель погребен и ныне в нем лежит, а другим и одно только то одеяние; но когда и кому, имянно, сие происходило, узнать и дойти не можно, потому что никто сего в точности не знает, как оное происходило потаенно не токмо от прочих сторонних, но даже и от монахов того монастыря.

А как и нынешний архимандрит Амфилохий в ведомстве Архиерейском не состоит, следовательно, и внутреннее оного монастыря начальство зависит непосредственно от воли его, архимандрита, одного, то, по введенному бывшим архимандритом Павлом обычаю, может и ныне происходить ли потаенно того, что и прежде при том архимандрите Павле было, но сего однако ж узнать и дойти в точность не можно.

Приложение 2

В Государственном архиве М. И. Д. есть еще Дело о вызове купцов к населению в крепости св. Димитрия Ростовского, от 1764 г. XVI разр. №686 и О строении крепости св. Димитрия. Гос. Арх. XX р. №230. Дело 1762–1763 гг.

Гарнизонная канцелярия крепости св. Димитрия объявляет в Военную коллегия, что по высочайшему покойной императрицы Елизаветы Петровны указу о переносе крепости св. Анны из нынешнего в другое место при урочище «Богатом Колодце», с переименованием ее имени св. Димитрия, требовалось купечество и маркитанты; объявлено было, что на 3 года их освободят от пошлин и не стану делать никаких затруднений при переезде в пограничную крепость. Но купцов, которые желали бы ехать туда, нет; маркитанты есть только из Курска, потому что крепость отдаленная, безлесная, все опасаются дороговизны в припасах. Купцов там до 60 имеются и те убогие и без достатков. При таких обстоятельствах желательно сделать наряд людей из разных городов на житье, как было в Азове и Троицком; затем, сделать ярмарку, чтоб приезжали в новую крепость купцы из Константинополя. Военная коллегия просит на первый раз до 100 семей в новую крепость св. Димитрия Ростовского в ведомство коменданта без оклада подушных и рекрутских повинностей.

1762 г. июля 22 дня императрица Екатерина II сама в сенате сказала, чтобы крепость близ Темерника при урочище «Богатый Колодезь» вместо крепости св. Анны продолжать строить безостановочно, в иностранную коллегия предписать, чтобы «Порта от своей претензии отстала, наисильнейшие объяснение и домогательство вновь учинить», потому что крепость Димитрия не вновь, а перестраивается вместо захудалой крепости, находившейся в нездоровой местности и не в противность трактата – «по линии против «Безымянного Кургана», ближе на восток».

Примечания

¹ - Дневные записки или «диарий» Дмитрия, начатый им самим в 1668 году. Сочинения Св. Дмитрия, часть I.

² - Савва Григорьевич умер 103 лет от роду, в 1703 году.

³ - Савва Туптало имел дворянский герб: красный щит с изображением греческой дельты с крестами. Мария Михайловна Туптало, жившая свыше 70 лет, скончалась 1689 г. Она была моложе мужа на 20 лет; Следовательно, Савва Григорьевич при своем браке имел не менее 35 лет. Когда родился Дмитрий, ему было 50 лет. Сестры Дмитрия родились позже.

⁴ - Дмитрий начал записывать события в 1668 г. В них указаны на 1650 и 1651 годы своего рождения. Здесь он одно несомненно утверждает, что родился в Радзивильщину, а год предполагает 1650 или 1651. Подобным образом недоумения о годах у него возникли и при записи других событий; так под 1681 г. он записал было появление кометы, но тут же исправляет свою запись оговоркою «альбо то прошлого года, а не сего». Отсюда можно предполагать, что родился он не в 1651 году, а ранее – в 1650 году, потому что тогда пострижение его падет на 18-летний его возраст, о чем утверждает и первое «житие» его, писанное в 1757 году.

⁵ - Диарий 1689 года.

⁶ - Асоченский А. «Киев с древн. его учил.» Киев.1856, I, 98.

⁷ - История Малой России Д. Бантыш-Каменского 1782 г., М., Iч. 35–36 стр.; дополнение 107, 108 стр. Здесь Туптало назван по имени.

⁸ - В Диарии 1654 г. записано св. Дмитрием: «На Дживиполю ляхов казаки сбили; или в 1664 г. «Казимир, польский король, осаждал Глухов, стоял под ним 4 недели, но успеха не имел».

⁹ - Там же под 1657 г. записано: «Пушкаря Выговский сбил».

¹⁰ - Диарий.

¹¹ - Диарий.

¹² - Диарий.

¹³ - Макаров – местечко при реке Ловче, впадающей в Днепр, принадлежало Малороссии, затем уступлено было Польше, после присоединено к России. Это местечко отстоит от Киева в 50 верстах вверх по Днепру.

¹⁴ - Дом Тупталов оставался собственностью семьи до 1710 г., когда младшая дочь Саввы Григорьевича Параскева перед смертью своей завещала свою недвижимость Кирилловскому монастырю («Друг народа» 1870 г. №11, 163 стр.).

¹⁵ - Аскоченский: «Киев с его древнейшим училищем».

¹⁶ - Предисловие к грамматике, изд. 1591 г. в Львове.

¹⁷ - Во 2-й половине XVIII века Екатерина II отзывалась о Киевских ученых, как о людях самонадеянных, в чем виновата, по ее мнению, католическая школа, откуда они выходили, и «развратные правила римского духовенства» (Сборн. Р.И.О., VII, 378).

¹⁸ - Все учебники писались на латинском языке, носили замысловатые названия и не имели ни одного слова по-русски. Лекции читали тоже на латинском языке (Булгаков «Ист. Киев. Акад.»).

¹⁹ - Под главою св. Димитрия при его погребении положены были черновые его сочинения.

²⁰ - «Киевская старина», X, 355; Аскоченский А. «Киев с его училищем», I, 201.

²¹ - Над гробницами Тупталов поставлен был портрет Саввы Григорьевича. На существующей теперь копии портрета, украшенной фамильным гербом Тупталов, надпись подлинника; «Благочестивый муж Туптало Савва, Запорожска войска честь и слава, в Богоявленский день, отверсту небу, шествия тамо совершил потребу» (Киев. Епарх. Вед. 1868 г., II, №16).

²² - Первичное житие Димитрия в Син. Архиве дело 1752 г. №28. Поэтому, если принять во внимание, что там точно определен возраст пострижения Димитрия, надо принять оговорку его в Диарии и признать годом его рождения не 1651 г., а 1650 г.

²³ - Диарий. На одной картине Димитрий изображен кланяющимся родителям и просящим у них благословения идти в монашество (Костом. «Р. Ист.», II, 520).

²⁴ - Диарий печатается в I томе сочинений его в переводе Бантыш–Каменского.

²⁵ - Млодвяновский Фома, известный польский проповедник, призывал народ к участию в спасении отчизны, что теперь надо всем рыдать, вместе с Давидом. Все находятся на волоске от гибели. Боже, взывал проповедник: воззри на Каменец; кто там теперь воспоет Тебе? Нет ни храмов, ни икон. Кости мертвых выброшены из могил! («Труды Киев. Дух. акад.» 1871 г. III кн., 138).

²⁶ - По принятии монашества Димитрий не оставлял занятий поэзией. Его настроение изливалось в элегических стихотворениях о том, что из бедствующих... "ни один Воинский чин Послужити Богу Восхощет за многу мзду». (Аффилохий Угличский: «Из неизд. соч. Димитрия», 1869 г. 13–14).

²⁷ - «Акты Южн. И Зап. России» VI т. 245 стр.

²⁸ - Соловьев XII, 40.

²⁹ - Ареогр. Вил. сборник. Вильна 1967 года, II, 79: В 1666 г. жители Могилева подверглись проклятию от Московской духовной власти. Иосиф разрешил их от таких клятв, как неправильных.

³⁰ - Город Канев недалеко от Переяславля, вниз по Днепру.

³¹ - Диарий.

³² - Акты Ю.и Зап. России, XI, 328–330.

³³ - Соч., I том 6.

³⁴ - Булгаков, «История Киевской академии», 85.

³⁵ - Димитрию приписываются пьесы: «Грешник кающийся», «Воскресение Христово», «Великомученик Димитрий», «Успение Богородицы», «Рождество Христово» и «Изречение суда на Иисуса Назорея». («Русская сцена» 1864 г. II, 148; III, 2).

³⁶ - Летопись Густынская, 38, 62 стр.

³⁷ - Летопись Густынская, 63 стр.

³⁸ - Димитрием это событие внесено в Диарий: «на сошествие Св. Духа во священство поставлен есмь» (под 1675 г.).

³⁹ - «Письма Лазаря Барановича», 206 стр.

⁴⁰ - Черниговские издания «Руна» с прибавлением нравственного элемента были в 1680, 1683, 1691, 1697 годах. (Евгений, словарь о писат. 131).

⁴¹ - Сумцов, «Л. Баранович», 150.

⁴² - Г. Стародуб в год отлучения страшно выгорел.

⁴³ - Диарий под 1689 г.

⁴⁴ - Косвенное указание на это есть в письме Дзика к братии монастыря, как бы защищая смиренного Димитрия, он позволяет им удержать Димитрия, «если это ему угодно»; значит, у Лазаря ему жить было не совсем угодно.

⁴⁵ - Известна фраза, приписываемая Собесскому, будто бы, раз сказавшему, стоявшему перед ним в безмолвии Тризне: «Здравствуй, Тризна! Ну, как живет твоя схизма?».

⁴⁶ - Так, есть целая проповедь Голятовского на тексты: «Изважи мя огня тягость, или измери дыхание ветра, или возврати день, иже мимоиде» (III Ездры IV, 5. «Ключ разумения», 146. Тема— основная мысль.

⁴⁷ - «Ключ разумения» иеромонаха Иоанникия Голятовского, изд. Киево—Печерской Лавры 1659 г., в отделе «наука, албо способ сложения сказанья», 241 л.

⁴⁸ - «Ключ разумения», 1—2л.

⁴⁹ - «Ключ разумения», 164—178. На подобных сравнениях построены некоторые проповеди св. Димитрия, напр. В поучении на день ап. Петра и Павла — они уподобляются столпам огненному и облачному; у него есть проповедь «Столп или Пирамида» — похвальное слово Гизелю, где тоже представлен ряд столпов и пирамид, начиная с Вавилонской (соч. III).

⁵⁰ - В «письмах темных людей», где осмеиваются схоластики, это смешение у них в речи христианской назидательности с анекдотическим элементом, представляется в ярком свете.

⁵¹ - Напр., мучения – епископа грешника в аду изображаются в проповеди так: «Когда грешник изрыгает проклятия на все святое: на родителей, на землю, на Бога, бесы бьют его, приговаривая: «поистине достоин жить с нами во веки. Как хорошо он умеет петь богохульную песенку! Отправим его в ад, – пусть там еще получше поучится этой песенке». (Мацкевич Л. «Польский проповедник Ф. Млодзяновский», в «Тр. Киевск. Дух. Ак.», 1871 г., III т., 139).

⁵² - В одной проповеди высказывается осуждение, что девицы полячки повыходили замуж за московитов, саксонцев, шведов. Проповедник с кафедры рассказывает, как он предостерегал девицу из знаменитого дома не выходить замуж за москаля, – что он будет бить, по обычаю, жену кнутами и батогами, и как та девица возразила, что ей будут приятны подобные шутки (там же, 165 стр.).

⁵³ - Соч. II, 108.

⁵⁴ - Соч. II, 74.

⁵⁵ - Соч. II, 92–100.

⁵⁶ - «Труды Киев. Дух. Академии» 1864 г. Апрель, 631–636 стр. Выдержки из рукописной риторики Ф. Прокоповича.

⁵⁷ - У Димитрия есть такая проповедь.

⁵⁸ - «Труды Киев. Академии» 1865 г. Янв., 148. Письма Ф. Прокоповича.

⁵⁹ - «Отечеств. Записки», 1862 г. №2, 572.

⁶⁰ - «Труды Киев. Академии» 1865 г. Янв., 635. Выдержки из рукописной риторики Ф. Прокоповича.

⁶¹ - «Руководство для сельск. пастырей» 1869 г., II т., Терновский Ф., «Южнорусское проповедничество» XVI–XVII века по польским образцам». Аскоченский – («Истор. Киев. Акад.» Іч.) объясняет развитие ораторского искусства у Димитрия исключительно влиянием академии.

⁶² - Акты 10, 3.Р. I, V, 807.

⁶³ - Дзик пишет, что Димитрий жил в Литве «для сеяния слова Божия».

⁶⁴ - В житии, писанном А. Мацкевичем, говорится, что «в Слуцке два года неустанно таковым делом (проповедничеством) трудился и подвизался в монастыре тамошнем братском Преображенском; по сказанию тамошних жителей, имел себе патрона, некоего благочестивого гражданина, Иоанна Скочкевича, монастырю тому созидателя».

⁶⁵ - Другие книги современного происхождения и такого же характера: «Десудерозус» Саковича, «Правдивая Вера» Гизеля, «Палинохия» Копыстенского.

⁶⁶ - Мелетий Дзик писал о Димитрии братии Слуцкого монастыря: «Хотя и не имею с вами, милостивые государи знакомства, но совершенно известно мне ваше усердие и горячая ревность к общей нашей матери Церкви Божией... Из письма ко мне...усмотрел я великую милость и неизглаголанную, Духом Святым разжжённую, любовь вашу о бытии у вас отцу и брату вашему, честному отцу Димитрию для сеяния слова Божия в сердцах ваших. Соглашаясь на сие охотно за себя и за обитель нашу, не возбраняю вашей к нему приязни; однако – на время, с тем, чтобы ему сие угодно было. Если же здесь не будет в нем большой нужды, то позволяю ему и долее остаться у вас. Весьма одобряю склонность вашу к слушанию слова Божия». (Диарий).

⁶⁷ - Письма, посланные им от 3 марта 1678 г., не сохранились.

⁶⁸ - Диарий.

⁶⁹ - "Руина", 296.

⁷⁰ - Соч. IV, 711–720.

⁷¹ - Соч. I, 467, Прилож.1.

⁷² - Соч. IV, 727.

⁷³ - Диарий, под 1681 г.

⁷⁴ - Диарий, 1681 г.

⁷⁵ - Соч. I, 467.

⁷⁶ - О митрополите Болгарском Мельхиседеке известно, что он в Батурине посвятил во диакона постриженника Димитриева, Гавриила (24 ноября 1682 г.).

- 77 - Костомаров, «Руина», 42, 184 стр.
- 78 - Там же, 183.
- 79 - "Руина", 148.
- 80 - Каптерев. Характер отношений России к правосл. Востоку XVI–XVII вв. и 1885 г. 152–210.
- 81 - Там же.
- 82 - Житие св. Димитрия, соч. А. Мациевичем.
- 83 - Филарет. «Ист. – стат. опис. Черниг. еп.». III, 281.
- 84 - Соч. I, 467.
- 85 - Соч. I, 471–478.
- 86 - Четьи-Минеи I т., предисловие.
- 87 - Напр., «Жития святых от 4 по 31 мая, от XI века (св. Димитрий, М. 1849 г.) или Новгородский харатейный пролог XIII в.
- 88 - Голубев, П. Могила к 1883 г. I, 320–331, 362, Арх. 10–3 России, I, V, 277.
- 89 - О судьбе его «Житий Святых» – у Шляпкина, 38 стр.
- 90 - Письмо Самойловича Голицыну В. В. (Шляпкин, 47).
- 91 - Архив 10–3 России, I, V, 278.
- 92 - Предисловие Варлаама к 1 четверти четьи минеи, изд. 1837 г. 2л.
- 93 - О истреблении его пожаром в начале XVIII в. У Петрова, – Матер. Ист. Киев. Акад.
- 94 - Проф. Шляпкин. «Св. Димитрий»; приложение, 54–58 стр.
- 95 - Оно находится на левой стороне от входа, близ памятника кн. К. Острожского. Теперь там – богато украшенная икона св. Димитрия, Св. памятн. кн. Киев. Губ. за 1857 г., 67 стр.
- 96 - Соч. I, 472, 478.
- 97 - Проф. Шляпкин, 40.
- 98 - Каптерев. Характер отношений к правосл. Востоку XVI–XVII вв.
- 99 - «Киев. Еп. Вед.» 1868 г., 143 стр.

¹⁰⁰ - 1685 г. 24 февраля в годовщину смерти Гизеля – Димитрий говорил речь на панихиде в присутствии московских начальных людей. Она поражает своей пространностью, так и странным заглавием «Столп или пирамида Гизелю». Речь вся состоит из похвал почившему.

¹⁰¹ - Письмо Самойловича к В.В. Голицыну, – приведено у Проф. Шляпкина, 46 и 47 стр.

¹⁰² - Соч. I, 475.

¹⁰³ - Там же.

¹⁰⁴ - Проф. Шляпкин, 51.

¹⁰⁵ - У заглавия «Ономастикона» заметка его «bene hoc» – хорошо это.

¹⁰⁶ - Как теперь у нас заключаются латинские предлоги в ритмическую форму.

¹⁰⁷ - Соч. I, 475–477.

¹⁰⁸ - Архив Ю.–З. России, I, V, 245–246.

¹⁰⁹ - Так понимал грамоту патриарха и Димитрий, «Св. Димитрий» 1849 г., М. 25–26.

¹¹⁰ - Братья Лихуды, вышедшие с Востока в Москву.

¹¹¹ - Сумцов, Лазарь Баранович, 174. Проф. Шляпкин, 177.

¹¹² - Сумцов, Л. Баранович.

¹¹³ - Письмо св. Димитрия в книге «Св. Димитрий», 1849 г., М. 25–26.

¹¹⁴ - Проф. Шляпкин, 178.

¹¹⁵ - Письмо Мазепы к Шакловитому (Проф. Шляпкин, 179).

¹¹⁶ - Оно подверглось в Москве преследованию и сохранилось в рукописи в Имп. Публ. Библ. Ф. I, №668, 21 л.

¹¹⁷ - Мансветов, «Как у нас правилась церк. книги». М. 1883 г. 20.

¹¹⁸ - Акты Ю.–Зап. России V, 190.

¹¹⁹ - Писахом сия не ведяще о том соборищи и бывших на нем, но хотяше известится, аще они (в том числе и Лазарь Баранович) согласны суть светлой восточной церкви.

¹²⁰ - Житие и завещание пр. Иоакима. СПб, 1879, 132 стр.

- 121 - Медовиков. Истор. знач. ц. Ал. Мих. 216.
- 122 - Син. рукоп. №586, у Шляпкина 230.
- 123 - Там же.
- 124 - Ответ от патр. Калинника Константинопольского и патр. Досифея Иерусалимского в благоприятном смысле пришел в Москву 14 марта 1691 г. (Арх. Ю.–З. России. I, 449).
- 125 - Проф. Шляпкин, 189.
- 126 - Соч. I, 475–477.
- 127 - Так как церковный год начинается не с января, а с сентября, то жития святых начинаются с сентября.
- 128 - Ю.–З. Архив, V, 276–280.
- 129 - Архив Ю.–З. России I, V, 281–283.
- 130 - В 1677 г., патриархом велено выдрать из псалтыри, что печатана в Черкасском Новгороде, лист 239.
- 131 - Проф. Шляпкин, 193.
- 132 - Там же.
- 133 - Соч. I, 276 стр.
- 134 - Костомаров. «Мазепа и мазепинцы». 1885, СПб, 33 стр.
- 135 - Доменецкий, латинствующий полемист, указывает на такую цель посылки Монастырского (проф. Шляпкин 201).
- 136 - Там же, 202. Костомаров, «Мазепа», СПб. 1905 г., 409.
- 137 - Соловьев. Ист. России, XIV, 153. Соч. I, –Диарий 1689 г.
- 138 - Акты Зап. России, V, 224.
- 139 - Верюжский «Афанасий Холмогор.», СПб, 1908 г., 585 стр.
- 140 - Диарий.
- 141 - Проф. Шляпкин, 204.
- 142 - Там же.
- 143 - Соловьев, И. Р. XIV, 153, Костомаров, «Мазепа и мазепинцы», 409–419 стр.
- 144 - Костомаров, «Мазепа». СПб, 1903 г. 409–419 стр.
- 145 - Диарий.
- 146 - Архив Ю.–З. России, I, V, 288–289.

- ¹⁴⁷ - Проф. Шляпкин, выписки из рукописи Яхонтова, 207 стр.
- ¹⁴⁸ - Вьюжский, «Афанасий Холмогорский». СПб, 1908 г., 503 стр.
- ¹⁴⁹ - Патриарх Адриан, бывший в то время у Троицы, свидетельствует, что кроме Евреина Монастырского были «и иные их же лица и имена совесть их вестъ» (Проф. Шляпкин, 215).
- ¹⁵⁰ - Соч. I, 347 стр. изд. М., 1895 г.
- ¹⁵¹ - Костомаров, «Руина», 65 стр.
- ¹⁵² - Петр Артемьев, у проф. Шляпкина выдержка, 235 стр.
- ¹⁵³ - При прошении властей киевопечерской лавры к патриарху, продолжать печатание Четьи Минеи.
- ¹⁵⁴ - Проф. Шляпкин, 237.
- ¹⁵⁵ - Проф. Шляпкин, 237.
- ¹⁵⁶ - Верюжский П.И. «Афанасий Холмогорский».
- ¹⁵⁷ - Евгений. Опис. Киев. Соб., 114, 118 стр. Прилож.
- ¹⁵⁸ - Сумцов, «Л. Баранович», 162.
- ¹⁵⁹ - Он снабжал Димитрия книгами, напр., «Каталогом епископов и патриархов Византийской церкви» (проф. Шляпкин, 243).
- ¹⁶⁰ - Соч. I, 350 стр. Изд. М. 1895 г.
- ¹⁶¹ - Соч. I, 344, изд. М. 1895 г. «Сновидение Димитрия».
- ¹⁶² - В 60 верстах от Чернигова, близ Любеча.
- ¹⁶³ - Другая часть мощей мученицы подарена епископу Виленскому. Четьи-Минеи, 4 дек.
- ¹⁶⁴ - Димитрий был очень внимателен ко всем преданиям о чудесных явлениях, какие были в народе. Так на престольном Евангелии его рукою записано предание о Крупицком монастыре, близ которого была его «келлия», что эта обитель свое название получила от Крупиц, падавших близ монастыря во время голода.
- ¹⁶⁵ - Пекарский, «Наука и лит. При Петре В.», II. 8.
- ¹⁶⁶ - По случаю смерти Феодосия Гугуревича Димитрий в своих записках перечисляет места и годы его службы,

вспоминает его терпение, что почивший в бедах и страданиях провел целый год (Соч. I, 488). 4 июля 1691 г. у него отмечен умерший Петр, диакон Батуринский, 23 июня – Митрофан Кирилловский.

¹⁶⁷ - Диарий.

¹⁶⁸ - Там же, 488.

¹⁶⁹ - Димитрий говорил об этом тогда, когда ненависть к заграничным обычаям развивалась и росла под давлением крутых Петровских реформ.

¹⁷⁰ - Котошихин, «О России», СПб. 1859 г., 43.

¹⁷¹ - Филарет, «Истор. статист. описание Черниг. Еп.», III, 303.

¹⁷² - Костомаров, «Мазепа», 430 стр.

¹⁷³ - Диарий.

¹⁷⁴ - Толстой, «Древности и святыни города Ростова», М., 1860 г., 50. Церковно-общ. Вестник, 1881 г., №105, 119 и 125 стр.

¹⁷⁵ - Опись имущества Димитрия у проф. Шляпкина, приложение, 52 стр.

¹⁷⁶ - Диарий.

¹⁷⁷ - «Чт. Общ. Ист. и Укр. Р.» 1884 г., II кн.

¹⁷⁸ - Архив Юго-Зап. России, I т. V, 417, 419.

¹⁷⁹ - Архив Юго-Зап. России, I т. V, 421–423.

¹⁸⁰ - Архив Юго-Зап. России, I т. V, 433–436.

¹⁸¹ - Шляпкин. 256.

¹⁸² - Архив Юго-Зап. России, I т. V, 430, 431.

¹⁸³ - Письмо его к Феологу от 1696 г. («Св. Димитрий» 1849 г., 36–37 стр.).

¹⁸⁴ - Ему дано название: «Врачевство безмездно св. девяти мучеников Кизических в лето 7202, месяца марта, трудом грешного иеромонаха Димитрия Савича, животописателя. Сказание о прославлении их во граде Казани и о новосозданной во имя их каменной церкви и обители, и слово о них, – творение Димитрия грешного».

¹⁸⁵ - Архив Юго-Зап. России, I т. V, 416.

¹⁸⁶ - Архив Юго-Зап. России, I т. V, 296, 317, 323, 325, 327, 334.

¹⁸⁷ - Письмо его к Феологу от 1696 г. («Св. Димитрий» 1849 г., 36–37стр.).

¹⁸⁸ - Диарий

¹⁸⁹ - Соч. I, 492.

¹⁹⁰ - При приеме казны Димитрием оказалось 10 битых талеров, 1000 золотых чеками, в казне хранились вкладные деньги пани Полуботковой – 15 червонных гнутых грошей.

¹⁹¹ - «Русская Старина», 1882 г., X, 170–173.

¹⁹² - Филарет, «И. С. Описание Черниг. Еп.» III, 6, 19, 21.

¹⁹³ - «Русская Старина», 1882 г., X, 171–172 стр., Филарет, «И. С. Описание Черниг. Еп.» III, 20.

¹⁹⁴ - «Русская Старина», 1882 г., X, 170–173 стр.

¹⁹⁵ - Слово у него озаглавляется так: «брань Св. Архистратига Михаила, воеводы сил небесных, и ангелов его с седьмоглавным змием» (Соч. III, 499).

¹⁹⁶ - Патриарх писал к Димитрию: «тебе, рабу Господню и послушнику Святой Церкви и труднику на отменную пользу церковного нашего сословия, здравия, спасения и благополучного пребывания желаем». Посылая ему святительское свое благословение на новое «чинодостоинство», то есть архимандритство, просит трудиться как в управлении паствою и в проповеди Слова Божия, так и в составлении «Житий Святых» (Проф. Шляпкин, 261).

¹⁹⁷ - Напр. 2 письма Феолога в 1697 г., о которых упоминает Димитрий «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., 246–247 стр.

¹⁹⁸ - Соч. III, 402. Изд. К. 1903 г.

¹⁹⁹ - Филарет. «Опис. Черниг. Еп.», III, 68.

²⁰⁰ - Пекарский. «Наука и лит. При Петре В.», II, 8.

²⁰¹ - «Яр. Еп. Вед.» 1861 г., №43, 417.

²⁰² - Пекарский. «Наука и лит. При Петре В.», II, 31.

²⁰³ - Проф. Шляпкин, 266.

²⁰⁴ - Летопись Величка, III, 551.

²⁰⁵ - Соч. I, Диарий.

- 206 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №32.
- 207 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №46, 374 стр.
- 208 - Соч. I, 334–335, изд. М. 1893 г.
- 209 - Соч. I, 346–347.
- 210 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №31, 246–247 стр.
- 211 - В пародиях Петра Великого на всешутейший собор, ясно отмечены черты юго-западного духовенства.
- 212 - Соловьев, XIV, 295.
- 213 - Иванов. Описание гос. Архива старых дел. М. 1830. 260–263.
- 214 - Соловьев, XIV, 295.
- 215 - II. С. 3. IV, №1800.
- 216 - Акты историч. V т., №295.
- 217 - Проф. Шляпкин, 276.
- 218 - Там же, 475.
- 219 - Величество, трон (франц.).
- 220 - Лично свободное сельское население Малороссии. Посполитые несли службу земскую, частью в виде платежей в войсковую казну, частью в виде разного рода натуральных повинностей – подводной, постоянной и тому подобное.
- 221 - Соч. I, 50.
- 222 - Диарий.
- 223 - Акты ист. V т., №218, 374 стр.
- 224 - Проф. Шляпкин, 279, 216.
- 225 - Наместнику дали 7 рублей, сукно английское, пару соболей в 5 рублей, трем диаконам по 4 рубля, по сукну английскому, по паре соболей по 3 руб. пара и т.д. Подарки получили даже служки и возницы деньгами и сукном амбургским.
- 226 - Соч. II, 411–412.
- 227 - «Яр. Еп. Вед.» 1867 г. №10, 79 стр.
- 228 - Соч. II, 309.
- 229 - Соч. II, 315.
- 230 - Соч. II, 319.

- ²³¹ - Соч. II, 423.
- ²³² - Соч. II, 230.
- ²³³ - Опись имущ. Св. Димитрия «Яр. Еп. Вед.», 1861 г. №17, 164.
- ²³⁴ - Напр., в первую неделю Великого поста. Известно в печати 7 проповедей Димитрия, произнесенных в 1701 году в Москве («Св. Димитрий» 1849 г. 41 стр.).
- ²³⁵ - Верюжский В.И. «Афанасий Холмогорский», СПб, 1909 г.
- ²³⁶ - Соч. V, 131.
- ²³⁷ - «Труды Киев. Дух. Ак.» 1864 г., III, 259.
- ²³⁸ - Проф. Шляпкин, 265.
- ²³⁹ - В Москве позволено жить одному иезуиту, а в 1689 г. их было 4. «Рассуждение о книге Камень веры». Рукопись Имп. Публ. Библ. Цветаев. Из истории испов. России. М. 1886 г. 368–376.
- ²⁴⁰ - Проф. Шляпкин, 282.
- ²⁴¹ - «Странник», 1866 г. №11.
- ²⁴² - Забелин «Мат. Ист. Для г. Москвы», I, 1091.
- ²⁴³ - Руга – выплаты духовенству, «ружникам» в Русском гос. и Рос. империи, выдаваемые обычно из гос. казны или из собств. средств. крупн. Землевладельца.
- ²⁴⁴ - "Руина", 16.
- ²⁴⁵ - В Сибирь сосланы были, кроме того, Самко, Мефодий и др. «Руина», 66, 204, 280 стр.
- ²⁴⁶ - «Письма и бумаги Петра В.», под ред. А. Ф. Бычкова, СПб 1887 г., I т., 853 и 449.
- ²⁴⁷ - Соч. I, 493; «Яр. Губ. Вед.» 1849 г. №6.
- ²⁴⁸ - Влаемые при этом в уста Димитрия: «Се покой мой, zde вселюся в век века!» взяты из его проповеди и вошли в синодальное житие с легкой руки первого составителя жития его, митр. Арсения (Син. Архив. Дело об открытии мощей. №28 от 1752 г. 20 Окт.).
- ²⁴⁹ - «Яр. Еп. Вед.» 1902 г., №9.
- ²⁵⁰ - Соч. III, 250. Поучение на память мч. Плакиды.

²⁵¹ - «Запас» сокращенное слово от названия «Запасных Св. Даров». Местное название запаса прилагается еще к хлебу. Думается, что состояние ростовской паствы не так было ужасно, как изображено в проповедях и посланиях св. Димитрия, который смотрел на пастырство, во-первых, с идеальной точки зрения, а, во-вторых, не мог приноровиться к быту ростовского духовенства, народная простота которого бросалась в глаза и Посошкову. Духовное просвещение здесь давно процветало. Оно теперь пало, но были отдельные лица, даже дьячки, интересовавшиеся книгою. Самый факт со священником не говорит ясно о неразвитости духовенства, если принять во внимание малороссийский выговор нового владыки, непривычку и страх духовенства видеть когда-либо в своей церкви архиерея, а, главное, неопределенность вопроса: священник мог ожидать в нем экзамен по богословию: мало ли умопомрачительных вопросов в нашем катехизисе?

²⁵² - Соч. III, Слово о пастырстве.

²⁵³ - Соч. II, 503, 505, 507, 512, 514.

²⁵⁴ - Соч. II, 503, 514.

²⁵⁵ - Владыка грозит им, что Владыка Христос взыщет с иерея как за грехи богатого, так и бедного. Если много дела у иерея, то Димитрий советует поручать это дело «придельному» иерею. (Соч. I, 154–159, изд. К. 1895 г.).

²⁵⁶ - Соч. 159, изд. К., 1895 г.

²⁵⁷ - Проф. Шляпкин «Св. Димитрий», 371.

²⁵⁸ - Соч. изд. М. 1895 г. I т. 268–369.

²⁵⁹ - «Яр. Еп. Вед.» 1873 г. 276; №37.

²⁶⁰ - Посошков, соч. I, 25, 27.

²⁶¹ - Слово Димитрия о Царствии Божием, водворившемся на селе.

²⁶² - Соч. II, 357.

²⁶³ - Соч. III, 208.

²⁶⁴ - Соч. II, 341.

²⁶⁵ - Соч. III, 240, 250.

²⁶⁶ - Соч. II, 476.

- 267 - Соч. II, 585–587.
- 268 - Соч. II, 185.
- 269 - Соч. III, 101 стр. изд. К. 1903 г.
- 270 - Соч. III, 388.
- 271 - Соч. IV, 510, 383, 417, 420.
- 272 - «Яр. Еп. Вед.» 1872 г. 23–24 стр. О «крадении» из церкви на Пенье.
- 273 - «Чтения в Общ. И. и Д. Р.», 1886 г. IV, №68, 79 стр.
- 274 - «Яр. Еп. Вед.» 1872 г. №18, 142–144 стр.
- 275 - Соч. II, 384, 390.
- 276 - «Яр. Губерн. Вед.» 1883 г. №42, 425.
- 277 - «Светские архиерейские чиновники в средневековой Руси. Упоминаются со второй половины XIII века. Согласно решениям Собора 1273 года, запрещалось поставление «по мзде» десятильников и владычных наместников (РИБ. 1908. Т. 6. №6. Стб. 92). Со второй половины XIV века десятильники образовывали низшее звено церковного управления. В их обязанности входил надзор за деятельностью приходского духовенства, суд 1–й инстанции по гражданским делам между «церковными людьми», сбор «церковных пошлин» в казну архиерея. Округ, на территорию которого распространялась деятельность десятильников, назывался «десятина». Такой округ мог охватывать и целый уезд, и один из станов уезда. Обычно на эту должность назначались светские вассалы архиереев – дети боярские из их служилых дворов; для них данные обязанности были «кормлением» – источником доходов. Приходские священники на территории «десятины» должны были строить для десятильников дворы, давать им такие же кормы, которые давали черносошные крестьяне светским кормленщикам.»
Источник: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/diesiatilniki> Автор статьи Б.Н. Флоря.
- 278 - Так как крестьяне села Рязанина упорствовали после переписи Воейкова подчиняться Спасоярославскому монастырю более 50 лет: следственное дело о неповиновении их монастырским властям тянулось полвека. (Архив синода. Дело

о Рязанине. 1755 г. №84; 1747 г. 26 авг. №62; 1755 г. 7 сент., №88).

279 - Горчаков, «Мон. Приказ», прил. 16 стр.

280 - Проф. Шляпкин, 302.

281 - Горчаков, «Мон. Приказ», 208.

282 - П. 3. С. IV, №2186, 2308.

283 - Сказание о явлении честного и животворящего креста Господня... в Никольском погосте». Ярославль, 1874 г., 42–43 стр.

284 - Горчаков, «Мон. Приказ», 228.

285 - П. С. П. и Распор. II, №79, 485 стр. Опис. Док. и дел. Син. III, 589.

286 - Проф. Шляпкин, 306.

287 - Горчаков, «Мон. Приказ», прил. 21 стр.

288 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г. №22, «Положение о духовенстве в XVIII в.».

289 - Проф. Шляпкин, 300.

290 - Где в писцовых книгах значится 1 двор священнический, по переписным на том же погосте отмечено 2–3 и больше.

291 - При патриархе Адриане.

292 - «Яр. Еп. Вед.» 1888 г. №29, 482 стр.

293 - Проф. Шляпкин, 308.

294 - Там же.

295 - Проф. Шляпкин, 302.

296 - Соч. I, 708.

297 - «Яр. Еп. Вед.» 1873 г. №34, 268.

298 - Fuimus Troes, fuit Ilium et ingens Gloria Teuclorum, а теперь прах et stadio malefida carinus (Вергилий).

299 - Соч. I, 502–504.

300 - Там же.

301 - Белая палата теперь реставрирована и поддерживается благодаря умелым стараниям просвещенного археолога А. А. Титова. По инициативе А. А. Титова,

И. А. Шлякова в октябре 1883 г. в Белой палате кремля был открыт Ростовский музей церковных древностей. В 1993 году в помещении Белой палаты Государственного музея–заповедника «Ростовский кремль» была создана экспозиция, представляющая собой опыт реконструкции ростовского Музея церковных древностей (1883 – начало 1920-х годов).

³⁰² - Проф. Шляпкин, 358.

³⁰³ - Отрывок Летописи Димитрия о церковных в имениях «Чтениях О. Л. И. и Др. Р.» 1862 г.

³⁰⁴ - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №34, 269 стр.

³⁰⁵ - Там же, 268.

³⁰⁶ - Соч. II. 32, 70, 347, 124.

³⁰⁷ - Соч. III. 527, 530.

³⁰⁸ - Опис. док. и бумаги Моск. Арх. М. 10, М. 1884 г., IV кн., 241 стр. Благодарственное письмо святителя к воеводе за покровительство учителям и присланное вино находится в «Архиве» Воронцовых, I т., 1 стр.

³⁰⁹ - Син. Архив, дело 1755 г. 5 июня, №84.

³¹⁰ - «Яр. Еп. Вед.» 1902 г., 152.

³¹¹ - О принадлежности «Алфавита Духовного» св. Димитрию не было сомнения 50 лет спустя после его смерти, когда собирали его сочинения. Архив син., дело об открытии мощей св. Димитрия, №28 от 1752 г., 20 окт.

³¹² - «Яр. Еп. Вед.», 1899 г., 483.

³¹³ - «Яр. Еп. Вед.», 1871 г., №_6, 371.

³¹⁴ - «Яр. Еп. Вед.», 1902 г., 151.

³¹⁵ - «Стихи страстные». Яр. 1889 г.

³¹⁶ - Конверсовать (лат. Coversare) Общаться, вести беседу (исторический словарь галлицизмов русского языка) –ред.

³¹⁷ - «Чт. О. И. Др. Р.», 1883 г., №6, 17 стр.

³¹⁸ - Новый учебник по латинскому языку, вместо Альвара, составил ростовский архиепископ, Самуил Миславский, отпечатан 1785 г. «Яр. Еп. Вед.», 1904 г. 638.

³¹⁹ - Письмо к М. Иову Новгородскому.

³²⁰ - Соч. I часть.

321 - Петров. Акты и док. Киев. Ак. II ч., прилож. 365 стр., «Яр. Еп. Вед.», 1892 г. 483.

322 - «Архив князя Воронцова», I т., 1 стр.

323 - Соч. I, 212.

324 - «Яр. Еп. Вед.», 1902 г. 152.

325 - «Яр. Еп. Вед.», 1888 г. 394. Венечная память – документ, который выдавался от имени епарх. архиерея доверенными. дух. лицами на имя священника на проведение определенного венчания, при этом с жениха и невесты взималась венечная пошлина–Ред.

326 - Впрочем, подобные пометки могли быть написаны после, собирателями проповедей Димитрия.

327 - Осталась проповедь Димитрия, произнесенная в Толгском монастыре о свещах.

328 - Соч. III, 326.

329 - Соч. III, 64, 76.

330 - Соч. Киев, 1901 г. IV ч., 569 стр.

331 - Проф. Шляпкин, приложение, 16 стр.

332 - Соч. I, 208 стр. Форма изложения здесь очень напоминает манеру Млодзяновского, но богатство и благородство чувства в содержании делает этот «Плач» самобытным творением Димитрия.

333 - Проф. Шляпкин, 432.

334 - Архив Синода. Дело №28, от 1752 г. 20 окт. Об открытии мощей св. Димитрия.

335 - «Историч. Вести», 1883 г., 602–648.

336 - Письма архиеп. Самуила в «Яр. Еп. Вед.» 1904 г., 692 стр.

337 - При бедности духовенства дань в 3 руб. была довольно тяжкою, так как это составит на наши деньги до 30 рублей. Запись сборов с церковью была однообразна, например, с Толчковской (сравнительно богатой) церкви взималась: дани по окладу 4 рубля 16 алтын 4 деньги; десятильничьих почестных 10 алтын, в Московский подъем и в подводы 6 алтын 4 деньги; в Московское строение 30 алтын; певчим славленного 3 алтына:

полонеником на окуп с 5 дворов по 8 денег; на дачу полковым подможных 3 алтына 2 деньги («Яр. Еп. Вед.», 1874 г., №19).

338 - Строев считает 41 монастырь («Списки иерархов и настоятелей монастырей» СПб, 1877 г.).

339 - Проф. Шляпкин, 321 стр.

340 - Соч. I, 221 стр.

341 - Венечный сбор впоследствии уничтожен императрицею Екатериною II.

342 - Конклюзия Прибыловича сохранилась до настоящего времени в ризнице Спасо-Яковлевского монастыря. Перевод ее у Шляпкина, в приложении, 47–50.

343 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., 376 стр.

344 - «Яр. Еп. Вед.» 1873 г. и 1888 г., №24, 384 стр., соч. V, 171.

345 - «Яр. Губ. Вед.» 1888 г., №52, 528 стр.

346 - Полотенце иерусалимского патриарха хранится теперь в ризнице Ростовского Спасо-Яковлева монастыря. («Яр. Еп. Вед.» 1880 г., №45, 359 стр.).

347 - «Русский паломник», 1886 г., №18, 160 стр.

348 - От 1708 г., «Яр. Еп. Вед.» 1888 г., №29, 449 стр.

349 - Соч. I, 494.

350 - Архив князя Воронцова, I, 1 стр.

351 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №34.

352 - Шляпкин, 377.

353 - «Душепол. Чтение», 1885 г., №2, 122.

354 - Соч. III ч., 97–110.

355 - Соч. III ч., 383–400. Слово заимствовано у Млодзяновского.

356 - Шляпкин, 408.

357 - Чтения в общ. И. и Р. Р., 1861 г., II кн., 12.

358 - Соч. I, 506.

359 - «Волог. Еп. Вед.», 1865 г., №1, 38 стр.

360 - Соч. III, 111–112.

361 - Соч. III, 527, 530.

- 362 - Соч. III, 375, изд. К. 1903 г.
- 363 - II, 36; II, 155; II, 144; II, 205; III, 247; III, 377; «Летопись» заключительные слова ея. (Соч. VI, 584, К. 1901 г.).
- 364 - «Яр. Еп. Вед.», 1902 г., 132–136. Статьи о св. Димитрии, А. А. Титов.
- 365 - Так называет его Иннокентий Херсонский († 1857 г.).
- 366 - Соч. III ч.
- 367 - III, 322. Подобное учение заметно у Симеона Полоцкого (Костомаров. «Русск. Ист.», II, 400).
- 368 - III, 496.
- 369 - II, 40.
- 370 - II, 37 и 42.
- 371 - Попытка составления такого «догматического учения» св. Отца нашего Димитрия, выбранного из его сочинения представлена в «Христ. Чтении». 1842 г. IV, 311–521. К сожалению, в основе статьи положены «Вопросы и ответы о вере», которые Димитрию не принадлежат, хотя и помещены в числе его сочинения в I части (43–85 изд. М. 1895 г.). Если удалить из статьи выдержки из «Вопросов», то она уже теряет и целостность, и ценность.
- 372 - II, 244, 246–247.
- 373 - II, 1–8.
- 374 - III, 248–250.
- 375 - II, 319.
- 376 - II, 386.
- 377 - II, 356.
- 378 - II, 18–19.
- 379 - II, 389.
- 380 - III, 207–210.
- 381 - III, 210.
- 382 - II, 392.
- 383 - II, 394.
- 384 - II, 394.
- 385 - II, 70.

- 386 - III, 518.
- 387 - I том, Соч. I, 36–39. Изд. М. 1895 г.
- 388 - Библ. СПб. Дух. Акад., №1283, л.180, 231, 236, 260.
- 389 - III, 490, 518.
- 390 - Ср., например, «Пирамиду» похвал Иннокентию Гизелю 1685 г. и надгробные слова Юшкову и др.; III, 518 и 483 и 90.
- 391 - III, 36.
- 392 - III, 318.
- 393 - II, 360.
- 394 - II, 65–66.
- 395 - II, 237–238.
- 396 - Слово в 10 неделю.
- 397 - II, 390.
- 398 - Соч. III, 81.
- 399 - Кроме печатных проповедей есть проповеди святителя в рукописях, напр., в Софийской рукописи, хранящейся в СПб. Дух. Академии №1283, или в книгохранилище братьев Вахромеевых, А. И. и С. И. в Ярославле (А. А. Титова. Описание Вахромеевского книгохранилища, IV т., 89–194; 240, 333, 334; V т. 252, 409), а также у А. Титова –103 проповедей.
- 400 - Соч. III, 296 изд. К. 1903 г.
- 401 - II, 92–100.
- 402 - III, 148 (К. 1903г.)
- 403 - III, 233.
- 404 - III, 247–248.
- 405 - Фраза о долгих языках и содержание заимствованы у Млодзяновского.
- 406 - III, 402–403.
- 407 - Слово Илии Минятия в Великий Пяток.
- 408 - III, 201 (–221).
- 409 - III, 335–336.
- 410 - II, 135.
- 411 - II, 18.
- 412 - II, 135.

⁴¹³ - Если собрать все написанное св. Димитрием, то собралось бы до 20 объемистых томов. Сочинения его составляют 5 больших томов по 300–700 стр. Новое издание его Четей-Миней на русском языке займет 12 томов. Кроме того, еще есть «Розыск о Брынской вере» (брынской он назвал раскольничью веру оттого, что раскольники гнездились в Брянских или Брынских лесах), «Руно». Сколько сочинений еще не издано! Из 30 слов Софийской Летописи №1283, СПб. Дух. Ак. –10 слов, несомненно, Димитрия. Из других 20 слов некоторые есть в Летописи и других сочинениях Димитрия, если не в целом виде, то в отрывках.

⁴¹⁴ - Хронограф Георгия Монеувасийского при патриархе Никоне переведен в Москве с греческого языка на русский Арсением и Дионисием. Греками (соч. IV, 43 стр.).

⁴¹⁵ - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №33, «Св. Димитрий» 1849 г., 50–51 стр.

⁴¹⁶ - «Странник» 1861 г. №4, 2 отд. 121–122.

⁴¹⁷ - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №34, 267 стр.

⁴¹⁸ - Все это отметил сам Димитрий в 1695 г. в предисловии к 2 Четьи-Минеи.

⁴¹⁹ - Например, усомнился Димитрий в сообщении об Авраамии Ростовском, видевшем «церковное украшение»: «были ли тогда церкви в Новгороде?» (Проф. Шляпкин, 373).

⁴²⁰ - Об Авраамии Ростовском.

⁴²¹ - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №34, 269 стр.

⁴²² - Отчет И. П. Библ. 1862 г., 57 стр.

⁴²³ - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №33.

⁴²⁴ - Проф. Шляпкин, 371–373.

⁴²⁵ - В оглавлении жития св. Димитрия Угличского указано прямо на составителя «Преосвященного Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского, который сложил его в 1703 г.».

⁴²⁶ - Письмо его к м. Стефану.

⁴²⁷ - Соч. IV, 304, где Димитрий говорил, что с Евера начинается церковная история, вместе с мирскою.

- 428 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г., №34.
- 429 - О них в книге «Св. Димитрий», 1849 г., 58 стр.:
Корнелий а Ляпиде, Навклир, Буцелин, Ключерий, Омпеер,
Беллярмин, Функций, Гангней, Салиан и др.
- 430 - От 19 мая 1707 г. «Яр. Еп. Вед.» 1874 г. №34, 267.
- 431 - От 18 мая 1707 г. Вестн. Евр. 1826 г. №8, 274.
- 432 - От декабря 1707 г. до ноября 1708 г. 4 письма
(Душепол. Чт. 1864 г. II, 4)
- 433 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г. №33.
- 434 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г. №35, 276.
- 435 - Там же, 302.
- 436 - Соч. IV, 311.
- 437 - Соч. I, 500–501.
- 438 - Самойлович представляется тут еще не опальным (IV,
612, 615, 619, 621).
- 439 - «Р. Старина» 1872 г. VI, 952; «Яр. Еп. Вед.» 1884 г.
№38, 302.
- 440 - Письмо к м. Стефану.
- 441 - Письмо к Феологу в «Яр. Еп. Вед.» 1874 г. №34.
- Хронология помещена в Летописце.
- 442 - Летопись свою Димитрий характеризует так: «в нем, как
в сбитне русском, мешанина», и история, и нравоученье и т. п.
- 443 - Соч. I, 500–501.
- 444 - Соч. I, 505.
- 445 - Другие писатели упоминаются следующие: Феодорит
(5); Иосиф Флавий (3); Ефрем Сирий (4); Дорофей
Монемвасийский (4); Григорий Нисский (3); Исидор Пелусиот (3);
патр. Каллист (3); Кирилл Иерус. (3); Климент Александр.,
Симеон Метафраст, патр. Софроний, Астедий, (3); Беллярмин
(3); Бероз (2); И. Навклир, Карион хронограф, Стриковский,
Эгезипп, Епифаний и т.п. Всех писателей упоминается в
проповедях и Летописи свыше 60 имен.
- 446 - Соч. IV, 31.
- 447 - Соч. IV, 191.

⁴⁴⁸ - Не изданы «Псалмы или духовные песни» св. Димитрия, «Краткий мартиролог» за месяц сентябрь, «Летопись о начале славянского народа», «Каталоги российских митрополитов», черновые Notata per alphabetum.

⁴⁴⁹ - Полное заглавие: «Благодарственное страстей Христовых воспоминание и молитвенное размышление и плач на погребение Богоносного телесе».

⁴⁵⁰ - «Краесогласнии пятистрочии», приписываемые ему, изданы в 1889 г.

⁴⁵¹ - «Летопись русск. Литер.» IV т.

⁴⁵² - «Яр. Еп. Вед.» 1860 г. №1.

⁴⁵³ - «Русская мысль», 1881 г.

⁴⁵⁴ - Соч. III, 343.

⁴⁵⁵ - Так, в Летописи есть разбор еврейского слова небесна шама (III, 410), сопоставляет толкование о дереве «певке» (III, 435).

⁴⁵⁶ - IV, 227; изд. К. 1901 г. Латинский текст таков: *servire Me fecisti in peccatis tuis*. Ссылка на Вульгату есть и в III т., 47, 140, 181, изд. 1903 г.

⁴⁵⁷ - IV, 31.

⁴⁵⁸ - В 1698 г., 1701 г. и 1705 г. 16 янв. (Раск. дела XVIII ст. 2 т., 167; И. С. 3. IV, 2015).

⁴⁵⁹ - Ярлык этот – вид монеты с изображением носа с усом и бородою и с надписью на другой стороне «дань заплачена» (Голиков. «Деян. Петра В., 2 т., 215 стр., примеч.). В 1725 году выдавали медную четырехугольную пластинку с надписью: «с бороды пошлина взята», а по бортам: «борода – лишняя тягота».

⁴⁶⁰ - Раск. дела XVIII ст. 2 т., 67, 7 стр. Первый указ был в 1698 г.

⁴⁶¹ - «Яр. Еп. Вед.» 1904 г. 766 стр.

⁴⁶² - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г. №35.

⁴⁶³ - «Розыск», 2 ч. 298 л.

⁴⁶⁴ - Подобное заглавие такой же раскольнической книги в «Чт. Имп. Общ. И. и Др.», 1863 г. I кн. 2 отд., 56 стр.

- 465 - Беседа 1-я «Обличительного Слова».
- 466 - «Об образе и подобии», 48, 49 л.
- 467 - Там же, 54–55, 50–51 л.
- 468 - Соч. III, 150.
- 469 - Соч. III, 325.
- 470 - Соч. II, 389.
- 471 - Рукопись Софийская в библ. СПб. Дух. Акад. № 1283.
- 472 - Святитель обличает раскольническое учение, отвергающее брак «в поучении на память св. муч. Адриана и Наталии» (III, 120).
- 473 - Рукопись Софийская в библ. СПб. Дух. Акад. № 1283, 353 л.
- 474 - «Яр. Еп. Вед.» 1874 г. №34, 13-е письмо.
- 475 - Письмо к Феологу 20-е.
- 476 - Предисловие к «Розыску», 3 л. Книга «Жезл правления» написана против заблуждений Никиты Пустосвята и Лазаря. В «Увете Духовном» опровергается челобитная Соловецких раскольников. В «Увете» изложена история распрей и бунтов, устраиваемых раскольниками, а также о соборах против них.
- 477 - Письмо к Феологу 20-е.
- 478 - «Розыск» 1 ч. 20 гл. 65, 586, 606.
- 479 - Святитель пишет Феологу: «я свою (книгу) помощи Божии окончил. Ее переписывают набело, но нескоро, неискусны и ленивы. Чаю к Воскресению Господню окончат» (Письмо Феологу, 11).
- 480 - Письмо к Феологу 12-е.
- 481 - «Опис. слав. рукоп. Моск. син. библ.» Горского, 610.
- 482 - Письмо 2. «Роз», 2 ч. 113–134 л.
- 483 - Письмо 6.
- 484 - Письмо 16.
- 485 - «Розыск», 2 ч. 20л.
- 486 - Письмо 17.
- 487 - «Яр. Еп. Вед.» 1873 г. №1.

⁴⁸⁸ - Письмо к Феологу 3, написанное после 11 августа 1709 г., когда скончался келейник Димитрия, иеродиакон Пармен, смерть которого тут упоминается. В другом письме к Феологу (31) говорится о «истории Евангельской и о притчах», – вероятно, это одно и то же.

⁴⁸⁹ - «Еще меня раскольники раздражили и возбудили написать об истории Евангельской и притчах; я написал», – пишет он в Москву (письмо 27).

⁴⁹⁰ - Имя Иисус составляло предмет занятий святителя еще задолго до составления «Розыска» (см. его проповедь на обрезание Господне III ч. 1–14 стр. и поучение на 7 неделю во II ч.).

⁴⁹¹ - «Розыск», 14 л.

⁴⁹² - «Розыск», 36, 27, 30, 20, III ч.

⁴⁹³ - «Розыск», II ч. 62, 80, 134, 88, 202, 179.

⁴⁹⁴ - Письмо к Феологу, 4.

⁴⁹⁵ - Письмо 5.

⁴⁹⁶ - Письмо 6.

⁴⁹⁷ - Письмо 11.

⁴⁹⁸ - Письмо 19 и 4.

⁴⁹⁹ - «Розыск», I ч. 31 л.

⁵⁰⁰ - Письмо к Феологу.

⁵⁰¹ - «Розыск», II ч. 189.

⁵⁰² - «Розыск», I ч. 19 л.

⁵⁰³ - В «Розыске» небольшая выписка из 3 послания м. Игнатия о смерти Никиты Пустосвята (II ч. 39 и 40).

⁵⁰⁴ - «Розыск», II ч. 62–80.

⁵⁰⁵ - «Розыск», II ч. 67.

⁵⁰⁶ - «Розыск», II ч. 30 гл. 139.

⁵⁰⁷ - «Розыск», I ч. 20–22.

⁵⁰⁸ - Раскол. Дела XVIII ст., II т. 263.

⁵⁰⁹ - Раскол. Дела XVIII ст., II т. 259.

⁵¹⁰ - «Розыск», I ч., 1 ст. 5л.

⁵¹¹ - I ч. 30 л.

- 512 - 3 ч. 30л.
- 513 - 3 ч. 26 л.
- 514 - 3 ч. 27 л.
- 515 - 3 ч. 22 л.
- 516 - 3 ч. 21 л.
- 517 - 3 послание Игнатия Тобольского.
- 518 - Роз. III ч. 15, 20.
- 519 - «Благ. сл. Патр. Иоакима». Древ. Рос. Библ. XV ч., 269.
- 520 - Роз. III ч. 15, 20.
- 521 - Роз. III ч. 16–24.
- 522 - Роз. III ч. 23.
- 523 - Роз. I ч. 27, 26 л.
- 524 - Роз. I ч. I гл. 20, 25–26 л.
- 525 - Роз. I ч. 26–27.
- 526 - В Нижегородских лесах насчитывали до 94 скитов (Щапов, «Русск. раск. старообр.», 268).
- 527 - Роз. III ч. 31 л.
- 528 - «Обличение неправды расколыи.» 1745 г. м. III ч. 1–6 л.
- 529 - Роз. I ч. 27 л.
- 530 - Новг. Соф. Рукоп. №1283, 383 л.
- 531 - Щапов, 268.
- 532 - 112 л.
- 533 - Составитель Пращицы говорит, что автор «Розыска» не виноват в преувеличении фактов и сомнительности их; виноваты те, которые неверно их передавали ему («Отв. на вопр.». 207, 343 л.)
- 534 - 8 и 24 статья.
- 535 - III ч. 8.
- 536 - «Розыск» 10, 11 л. 5–й главы, и 21 глава, 38 л.
- 537 - «Розыск» I, 18.
- 538 - «Розыск» III, 43, 44 л.
- 539 - Асоченский. Киев с его учен. I т. 225.

⁵⁴⁰ - Писано Григорием Яковлевым, последователем Феодосиевского толка. (катал. Любопытного, 68).

⁵⁴¹ - Соч. IV, 27 стр. изд. К. 1901 г.

⁵⁴² - Там же, 28 стр.

⁵⁴³ - «Деян. Петра В.» изд. 2, XI т. 493. Желание Петра выполнено Ф. Прокоповичем.

⁵⁴⁴ - «Розыск» 101, 49.

⁵⁴⁵ - В 17 беседе пр. Макария, подвижники разделены на 3 разряда: 1) одни всю заботу имеют только о себе, – отшельники и пустынники; 2) другие стараются о других, чтобы исправить их души, – это святители, учителя и проповедники; и 3) третьи, наконец, те, которые отдают свое тело досаде и страданиям: они выше всех.

⁵⁴⁶ - Это было в 1689 г. В Диарии св. Димитрий писал: «Марта 29 дня, во св. великий пяток спасительныя страсти, мать моя... преставися в девятый час дня, точно в тот час, когда Спаситель наш, на кресте страдающий за спасение наше Дух Свой Богу Отцу предав... То, за добрый спасения ея знак имею».

⁵⁴⁷ - Вот эти писатели: св. Афанасий Великий, св. Евсевий Самосатский, Златоуст, Киприан, Епифаний Кипрский, Лествичник, Амвросий, бл. Феодорит, Иероним, Дамаскин, папа Леонтий, Исидор Пелусиот (I 236).

⁵⁴⁸ - «Яр. Еп. Вед.» 1888 г. №24, 384.

⁵⁴⁹ - Там же, 1873 г. №33.

⁵⁵⁰ - Там же.

⁵⁵¹ - Шляпкин, проф. 455. Тоже писал о Ростове впоследствии (XVIII в.) и архиеп. Самуил: Климат здесь нездоровый, сырой, место гнилое и болотистое. Озерную воду и пить нельзя, особенно вновь приезжающим. Жители избавляются от всех своих болезней луком, да чесноком, лекарств не требуют и терпеть не могут врача. («Яр. Еп. Вед.» 1904 г. 766 стр.).

⁵⁵² - Феолога он называет «любимейшим» – charissimus вместо carissimus и, таким образом, совмещает латинское слово

(carus – «любезный») с греческим (ἄρκ – приятный). «Яр. Еп. Вед.» 1884 г. №38.

⁵⁵³ - Соч. III, 429.

⁵⁵⁴ - Письмо к Феологу.

⁵⁵⁵ - Летопись IV, 130, 471.

⁵⁵⁶ - Соч. I, 224.

⁵⁵⁷ - Соч. I, 512.

⁵⁵⁸ - Карашев. Опис. храма в с. Угодичах. Я. 1878 г. 10 стр.

⁵⁵⁹ - Архив Син. дело 1752 г. 20 окт. №28, рукой «житие», составленное А. Мациевичем.

⁵⁶⁰ - В Софийской рукоп. №1283 (СПб. Дух. Ак.) о смерти Димитрия сообщается (350 л.): «преставился... в первый час дня, а умер ходя, заболел с вечера».

⁵⁶¹ - Митра эта находится теперь в Спасо–Ярославском Ростовском монастыре.

⁵⁶² - Соч. I, 34.

⁵⁶³ - Составить систему нравственного учения св. Димитрия по его сочинениям трудно, потому что отдельные моральные трактаты высказаны им случайно и отрывочно. Основными пунктами нравственного учения, напр., об образе и подобию Божию в человеке, ему пришлось заняться при борьбе с расколом, в конце своей жизни. Определить роль и значение нравственных чувствований мешает приподнятый проповеднический тон его речи: за основу нравственной деятельности он считает то смирение, то покаяние, наконец, веру, любовь и т.д., смотря по теме проповеди и предмету речи.

⁵⁶⁴ - Несоразмерное строение тела святитель также объясняет следствием греха. По мере развития греха после Адама стали нарождаться люди «не по мере, а гиганты, как деревья и страшилища (IV, 34), а потом – выродки, полу–звери – полу–человеки, сатиры, кентавры... (IV, 301). Грех лишает женщину красоты, и она вынуждается употреблять притирания м краски.

⁵⁶⁵ - Св. Димитрий, вопреки учению восточных подвижников, различает страсть от смертного греха. Смертный грех –

произвольный, а страсти, по его мнению, от самого зачатия человека растут у него и живут с ним неотступно (III, 239).

⁵⁶⁶ - Диоген, по словам Димитрия, грех называет «царицей царей» (IV, 397). Соглашаясь с ним, Димитрий ссылается в подтверждение на историю Артаксеркса и его наложницы, из книги 2 Ездры IV, 25. В «Пирамиде» и сам он грехи называет царями, потому что «грех за нос водит того, кого оседлает».

⁵⁶⁷ - Относительно осуждения, что оно мерзко и в глазах людей, св. Димитрий говорит: «учтивый человек, куда и плюнуть, выбирает место или угол какой, чтобы не причинить гнусности в очах людских», а мы на лицо Христово плюем, когда ближнего поносим и насмехаемся (V, 46).

⁵⁶⁸ - Любимую священную книгою Димитрия была книга «песнь песней».

⁵⁶⁹ - Например, известный текст: «законом закону умрох» он читал: «мирови умрох» (Соч. III, 317. Изд. К. 1903 г.).

⁵⁷⁰ - Слово в неделю Страшного суда.

⁵⁷¹ - «Не думай, слушатель, что говорю о тех врагах, которые воют на наше отечество и враждуют против нашей благочестивой веры»: таких врагов не только не обязательно любить, но надо сражаться с ними за свое достояние (II, 455). Это сказано Димитрием в Москве при объявлении войны со шведами.

⁵⁷² - II, 182.

⁵⁷³ - О помыслах у Димитрия есть целый трактат, содержание которого заимствовано из творений восточных подвижников (Соч. I, 115–155, «Врачевство духовное на смущение помыслов»).

⁵⁷⁴ - Если признать «Алфавит Духовный» творением св. Димитрия, то надо признать зависимость его от св. Григория Нисского еще большую. В «Алфавите» развита мысль Григория Нисского, что смерть дана на благо человеку, чтобы от не вечно терпел зло. (Гр. Нисский I, 144–146). Впрочем, «Алфавит» приписывается Исаии Копинскому (1631–1633 г.). Строев – «Описание рукоп. Царского», №229.

⁵⁷⁵ - Иннокентий Херсонский († 1857 г.).

- 576 - «Четьи–Минеи» св. Димитрия за март, 12 дня, 101 лист.
- 577 - Янв., житие преп. Макария 18 янв.
- 578 - Сентябрь, 18.
- 579 - Октябрь, 21.
- 580 - Январь, 17.
- 581 - Июнь , 19.
- 582 - Ноябрь, 19.
- 583 - Декабрь, 12.
- 584 - Март, 12.
- 585 - Январь, 18.
- 586 - Ноябрь, 13.
- 587 - Апрель, 22, пр. Феодора Синаита.
- 588 - Май, 3, пр. Феодосия Печерского и 11 декабря.
- 589 - Февраль, 7.
- 590 - Ноябрь, 19.
- 591 - Март, 17.
- 592 - Август, 27.
- 593 - Сентябрь, 8.
- 594 - Ноябрь, 25.
- 595 - Декабрь, 5.
- 596 - Июль, 21.
- 597 - Диарий, 1869 г.
- 598 - Апрель, 1.
- 599 - Август, 28.
- 600 - Сентябрь, 25.
- 601 - Декабрь, 11.
- 602 - Январь, 18.
- 603 - Май, 24.
- 604 - Январь, 26.
- 605 - Июль, 21.
- 606 - Август, 3.
- 607 - Сентябрь, 1.
- 608 - Октябрь, 29.

- 609 - Июнь, 12.
- 610 - Август, 27.
- 611 - Октябрь, 14.
- 612 - Июнь, 19.
- 613 - Ноябрь, 19.
- 614 - Июнь, 19.
- 615 - Август, 11.
- 616 - Январь, 18.
- 617 - Апрель, 12.
- 618 - Январь, 28.
- 619 - Октябрь, 2.
- 620 - Сентябрь, 18.
- 621 - Май, 7.
- 622 - Май, 7.
- 623 - Апрель, 17.
- 624 - Февраль, 4.
- 625 - Декабрь, 24.
- 626 - Июнь, 19.
- 627 - Июль, 10.
- 628 - Февраль, 13.
- 629 - Январь, 18.
- 630 - Декабрь, 12.
- 631 - Май, 7.
- 632 - Май, 1.
- 633 - Май, 7.
- 634 - Март, 14.
- 635 - Ноябрь, 11.
- 636 - Ноябрь, 13.
- 637 - Ноябрь, 4.
- 638 - Январь, 18.
- 639 - Июнь, 26.
- 640 - Июль, 2.
- 641 - Октябрь, 4.

- 642 - Август, 27.
- 643 - Май, 15.
- 644 - Сентябрь, 26.
- 645 - Май, 3.
- 646 - Сентябрь, 1.
- 647 - Июнь, 5.
- 648 - Май, 7.
- 649 - Февраль, 7.
- 650 - Сентябрь, 28.
- 651 - Август, 17.
- 652 - Январь, 17.
- 653 - Декабрь, 3.
- 654 - Январь, 17.
- 655 - Июнь, 9.
- 656 - Май, 15.
- 657 - Январь, 20.
- 658 - Сентябрь, 28.
- 659 - Май, 7.
- 660 - Январь, 17.
- 661 - Январь, 15, Сентябрь, 28.
- 662 - Ноябрь, 28.
- 663 - Ноябрь, 11.
- 664 - Ноябрь, 23, Сентябрь, 29.
- 665 - Декабрь, 4.
- 666 - Январь, 17, Ноябрь, 4.
- 667 - Май, 15.
- 668 - Ноябрь, 19.
- 669 - Декабрь, 23.
- 670 - Октябрь, 21.
- 671 - Январь, 18.
- 672 - Февраль, 14.
- 673 - Октябрь, 29.
- 674 - Февраль, 13.

- 675 - Январь, 18.
- 676 - Июнь, 19.
- 677 - Декабрь, 3.
- 678 - Январь, 17.
- 679 - Апрель, 22.
- 680 - Май, 14.
- 681 - Январь, 17.
- 682 - Январь, 17, Декабрь, 12.
- 683 - Январь, 11.
- 684 - Январь, 11.
- 685 - Январь, 17.
- 686 - Ноябрь, 19.
- 687 - Декабрь, 5.
- 688 - Декабрь, 23.
- 689 - Февраль, 7.
- 690 - Апрель, 1.
- 691 - Сентябрь, 1.
- 692 - Ноябрь, 12.
- 693 - Май, 3, Октябрь, 5.
- 694 - Июль, 8.
- 695 - Июль, 8.
- 696 - Ноябрь, 11.
- 697 - Январь, 21.
- 698 - Январь, 25.
- 699 - Март, 11.
- 700 - Декабрь, 4.
- 701 - Ноябрь, 19.
- 702 - Март, 20.
- 703 - Декабрь, 3.
- 704 - Апрель, 4.
- 705 - Декабрь, 2.
- 706 - Июнь, 9.
- 707 - Июнь, 19, Сентябрь, 1.

708 - Ноябрь, 11.

709 - Ноябрь, 11.

710 - Апрель, 4.

711 - Май, 1.

712 - Май, 17.

713 - Январь, 17.

714 - Ноябрь, 23.

715 - Май, 3.

716 - Февраль, 7.

717 - Ноябрь, 6.

718 - Декабрь, 23.

719 - Житийного материала у св. Димитрия собралось так много, что митр. Тимофей (Щербацкий) отступил перед трудностью пересмотреть его (Петров «Матер. Для ист. Киев. Акад.»)

720 - Сенат не исполнил, однако, пожелание Синода, отзываясь тем, что светские публикации в народе делаются на ярмарках и людных площадях с криками и барабанным боем, каковой способ оглашения едва ли приличен для памяти святителя.

721 - Гос. Архив, XVI р. №183.

722 - Напечатание «Жития» затянулось, но служба святителю была отпечатана и пользовалась таким спросом, что в течение года (с дек. 1759 г.) было 4 стереотипных издания (находятся в Имп. Публ. Библ.). Появился вскоре и акафист ему. (1861 г.).

723 - Сборник Р. И. О. VII т., 288 стр. Поводом к этому служило следующее обстоятельство: приставленный для наблюдения за порядком при мощах, архимандрит Ларион, доносил, что богомольцы требуют, чтобы раку св. мощей открывали на целый день; если же это не делалось, по их желанию, то они роптали и гневались. Митрополит Арсений по этому поводу распорядился открывать раку только в определенное время, именно, с утра до полудня; богомольцам

же велел целовать мощи, совершенно воздерживаясь до этого от пищи и питья.

⁷²⁴ - Зачеркнуты слова: «что при обретении сего угодника мощей открылось во всем противное нынешнему слуху».

⁷²⁵ - Зачеркнуты слова: «показывают и главу, будто бы, Чудотворца Димитрия».

⁷²⁶ - Очевидно, Мельгунов понял игривую метафору князя относительно главы Угодника буквально.